

Михаил Каюрин

18+

Задолго до победы

Рассказы военных лет

Михаил Александрович Каюрин

Задолго до победы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67297613

SelfPub; 2022

Аннотация

"Задолго до победы" – сборник рассказов военных лет, основанных на реальных событиях. Герои остросюжетных историй – простые русские люди из глубинки с крутым характером. Всем им свойственны смелость, находчивость и мужество. Один из героев, пройдя через жестокие бои на реке Халхин-Гол, погибает по нелепой случайности от рук самурая-смертника. Другой – Иван Березин – выжил в Сталинградской мясорубке, прошёл через Курскую дугу и сложил голову в танковом бою на родной Украине. Дочь казнённого священника, по прозвищу Нинка Кувалда, пройдя жестокие унижения, отправляется на фронт санитаркой, чтобы спасти раненых, и повстречать на фронте свою любовь. В рассказе "Смерть политзаключённого" описан эпизод из жизни политического узника, получившего 10 лет по ложному доносу и скончавшегося в лагере от пеллагры. Перед смертью судьба свела его с бывшим начальником отдела НКВД, благодаря которому он получил клеймо "врага народа."

Содержание

Под огнём самураев	4
Сталинградский пяточок	49
Шёл 911-й день войны	73
Женский лесоповал	111
Тайна Нинки Кувалды	143
Забавный старик	174
Смерть политзаключённого	193

Михаил Каюрин

Задолго до победы

Под огнём самураев

Шестые сутки пешая колонна красноармейцев в составе полка 82-й мотострелковой дивизии двигалась по монгольской степи в направлении реки Халхин-Гол. Переход был тяжёлым и изнурительным, майское солнце палило нещадно. Напрасно красноармейцы задирали головы к небу, надеясь увидеть на нём хотя бы одно маломальское облачко. Их надеждам не суждено было сбыться. Все шесть дней огромное пространство над горизонтом слепило глаза наблюдателей яркой синевой.

– Совсем не жалеет нас небесная канцелярия, – невесело произнёс Григорий Надеждин, вытирая пот со лба рукавом гимнастёрки. На рукаве проступило тёмное пятно, которое, как у фокусника, стало исчезать на глазах.

– Да-а, Гриня, не повезло тебе со счастьем, – усмехнулся Александр Удалов. – Шестой день ни дождя, ни ненастья.

Он замолчал на некоторое время, затем, посмотрев по сторонам, с затаённой грустью продолжил:

– И вообще здесь ничего интересного нет. Голая пустыня. Как только монголы живут в таких условиях? То ли дело –

тайга! И от ненастья укроет, и в голод накормит, и в жару напоит. А какой запах! Вкусный и ароматный. Втянешь в себя воздух – в ноздрях щекочет, голову кружит. В таёжном воздухе все лучшие запахи леса воедино спрессованы. Разнотравье, древесная смола, распаренный мох.

– Пряным называется, – сказал Надеждин.

– Что – пряным?

– Ну, запах этот. Острый, вкусный, ароматный. Всё, о чём ты сказал сейчас – заключено в одном слове.

– Умный ты, Гриша, – рассмеялся Александр. – Всё знаешь.

– Всё знать невозможно, – поучительно заметил Григорий, но, польщённый похвалой друга, не удержался, похвастался:

– Три очень толстых и умных книги одолел, в отличие от тебя, букваря.

– Учё-ёный, – насмешливо протянул Удалов, облизнув пересохшие губы. – Что за книги-то, хоть, балабол?

– Большую энциклопедию, толковый словарь и «Капитал» Карла Маркса. Слышал о таких?

Удалов не успел ответить. Позади них послышался нарастающий гул. Красноармейцы тут же обернулись и увидели на горизонте колонну приближающихся танков.

Лёгкие боевые машины БТ-7 неслись на всех парах, оставляя за собой большие клубы пыли. Очень быстро они настигли полк и, не останавливаясь, пронеслись мимо.

– Вот это техника! – восхищённо воскликнул Надеждин, когда пыль немного улеглась. – Броня наша крепка, и танки наши быстры! Подавят гусеницами всех самураев, пока мы тут тащимся!

– Переживаешь, что не успеешь пострелять во врага? – подковырнул друга Удалов.

– Ничуть. Я, между прочим, не рвался в Монголию. Мне в отделе снабжения жилось неплохо.

Друзья умолкли, и длительное время шли, слушая лишь хруст песка под ногами солдатской колонны.

Их призвали в армию одновременно. За неделю перед майскими праздниками начальник отдела кадров вручил им повестки из военкомата. Причина вызова для обоих была неожиданной и неизвестной. Явиться – и всё, больше ни слова.

С попутным грузовиком они отправились в Улан-Удэ. Там, после прохождения медицинской комиссии, военком кратко сообщил, что их призывают на переподготовку на несколько месяцев в Забайкальский военный округ. Но слухом земля полнится. Сарафанное радио донесло, что их отправляют в Монголию, где после событий у озера Хасан в Приморском крае начались новые провокации со стороны японской армии.

Хрустел песок под ногами красноармейцев. Изнурённые полуденным зноем, они молчаливо отматывали километр за километром бескрайнюю монгольскую степь. Шагали, вы-

брасывая вперёд ноги машинально, уперев тупой взгляд в мелькавшие впереди пятки. Никто больше не помышлял скидывать глаза в небо, боясь оступиться и упасть.

– Привал! – раздалась впереди долгожданная команда и, дублируемая командирами взводов, пронеслась эхом по всей колонне. Строй в считанные секунды нарушился, солдаты в изнеможении попадали на землю.

– Сколько ещё нам чапать? – лёжа на спине с закрытыми глазами, вяло спросил Григорий. – Хоть бы признались честно отцы-командиры, всё легче было бы солдату.

– А ты вспомни, Гриша, как мы с тобой в Якутии длину Алдана шагами мерили, – проговорил Удалов. – Тебе сразу станет легче.

– Спасибо, Сано, прибавил сил.

– А что? Думаешь, там легче было? Триста вёрст отмотали мы с тобой тогда по бездорожью – это тебе не фунт изюма съесть. Причём, на пустой желудок.

– Может, и так. Не знаю. Но по мне лучше вообще не ходить пешком. Куда приятнее лежать на лужайке под солнцем, да где-нибудь у реки, – мечтательно высказался Надеждин, растягивая слова.

– Ага. Надёргать рыбки, сварить уши, открыть бутылочку беленькой, – подначил Александр друга. – Мечта идиота!

– Тут ты, Сано, совершенно не прав. Идиот – это глупец, тупица от рождения. У него не может появиться в голове такая светлая мысль вследствие слабоумия. Такая мечта появ-

ляется только у одарённых и культурных людей, уставших от повседневной суеты.

Вдоль распластавшейся на земле колонны шёл полковой санитар. Через десять-пятнадцать метров он останавливался и спрашивал:

– Есть среди вас те, кто не может идти дальше?

– Не-ет, – хором отвечали красноармейцы, и санитар шагнул дальше.

– Признавайтесь, у кого сопрели ягодицы? Есть такие люди в строю? Лучше уж сказать об этом прямо сейчас, на привале. Не стесняйтесь, помощь будет оказана.

– Наши задницы в полном порядке, доктор, – ответил какой-то весельчак один за всех. – Износу им не будет до самого Халхин-Гола.

Позади колонны двигалась санитарная машина, она подбирала красноармейцев, не способных передвигаться самостоятельно. За время пути от границы таких солдат набралось около десятка. Кто-то натёр кровавые мозоли, у кого-то появились страшные опрелости, кого-то поразил тепловой удар. Часть их них, спустя уже сутки, стыдясь положения, в котором они оказались, покидали машину и становились обратно в строй.

– Сано, – позвал друга Григорий, продолжая лежать на спине, уставившись в бездонную синеву неба. – Скажи, а ты испытываешь страх смерти?

– Что за дурные мысли лезут в твою голову?

– Вполне нормальные. Скоро мы дошагаем до Халхин-Гола, и нас отправят в бой. – Надеждин замялся на секунду. – Вот я и подумал: а смогу ли я стрелять в живого человека? Смогу ли в рукопашной схватке пропороть штыком японца?

– Не задумывался я как-то об этом, – сердито отозвался Александр. – И тебе не советую тянуть из себя жилы понапрасну.

– И всё-таки? – не унимался Григорий. – Не страшно будет бежать вперёд под пулями япошек, зная, что в любой момент одна из них может пробить твоё сердце? Фью – и закрылись глаза навечно.

– Ты, Гриша, не тянул бы из себя нитку, как мизгирь, а то запутаешься в собственной паутине! – поучительно обрезал Александр ненужные размышления друга.

– Подъём! – раздалась команда. – В колонну по четыре становись!

Красноармейцы стали нехотя подниматься, лениво группировались в колонны повзводно. Через несколько минут строй колыхнулся, сделав первые шаги к намеченной цели.

В конце седьмого дня полк прибыл к месту дислокации. Началось расквартирование по палаткам. На усталых лицах солдат появились радостные улыбки. Наконец-то можно будет поужинать по-человечески и поспать в нормальных условиях. О предстоящих боях никто из них не думал.

Японская армия под командованием генерал-лейтенанта

Камацубара перешла границу Монголии на рассвете 28 мая 1939 года. Обладая численным преимуществом в два с половиной раза, ей удалось смять передовые рубежи советско-монгольских войск и прорваться к реке Халхин-Гол.

Полк войсковой части № 632, сформированный из резервистов и прибывший из Забайкалья неделю назад, был срочно переброшен через Халхин-Гол для поддержки намеченного контрнаступления. Командир дивизии Н.Ф.Фекленко поставил перед командиром полка задачу: обойти японцев с правого фланга, прижать к реке и занять оборону.

Уже через сутки красноармейцы заняли исходные позиции в полукилометре от передовой линии японцев и окопались. Контрнаступление планировалось начать сразу после кратковременной артподготовки. Танковая рота расположилась неподалёку от пехоты и ждала команду на движение.

– Кажется, началось, – с тревогой проговорил Надеждин, когда сзади послышались первые артиллерийские залпы. Он сидел на дне окопа, прислонившись спиной к осыпающейся стене.

– Что, Гриня, страшно? – усмехнулся Александр, выглянув из окопа.

– А тебе будто нет?

– И мне страшно. Главное, Гриня, не навалить нам в штаны раньше времени, а то в атаку идти будет трудно! – прокричал он, и его голос смешался со звуками стрельбы начавших совместную работу уже всех артиллерийских уста-

НОВОК.

На горизонте, где проходил край японской обороны, выросла стена разрывов. В клубах дыма и песка мелькали взлетавшие вверх обломки наскоро возведённых укреплений. Между взрывами металась человеческие фигурки. Некоторые из них поднимались взрывной волной в воздух и с разбросанными в стороны руками и ногами падали на землю. Потом всё перемешалось и превратилось в одну сплошную серо-чёрную завесу. Вокруг стоял невообразимый грохот.

Надеждин надавил рукой на каску, ему почему-то казалось, что после каждого взрыва его каска вздрагивает вместе с землёй и сползает с головы.

Удалов устроился в углу и отрешённым взглядом смотрел на друга. Он был в каком-то непривычном возбуждении, но особого страха перед атакой не испытывал. В его голове загорался нездоровый азарт, будто ему предстояло с кем-то посоревноваться в сноровке и быстроте, и проиграть в этом необычном состязании ни в коем случае было нельзя. Александр испытывал даже некоторое нетерпение – очень хотелось, чтобы поскорее всё началось.

Артподготовка длилась менее получаса. Потом наступила полная тишина. Беззвучие продолжалась всего несколько минут. После короткой паузы заурчали позади танки и, изрыгнув клубки чёрного дыма, ринулись вперёд. Не успели красноармейцы прийти в себя, как раздался голос командира взвода:

– Приготовиться к атаке!

И тут же, через считанные секунды:

– В атаку! Цепью! За мной!

– Гриша, пошли! – крикнул Удалов и первым поставил ногу на приступок окопа. Он выбрался из окопа и, выставив перед собой винтовку, как учили, пошёл за танком. Надеждин догнал его и зашагал в нескольких метрах справа от него.

Первые сотни метров цепь красноармейцев двигалась уверенно, не ощущая никакого сопротивления со стороны японцев. Танки двигались на малой скорости и стреляли по позиции противника на ходу.

Вскоре самураи пришли в себя и начали огрызаться. Пули засвистели совсем рядом. Ожили уцелевшие японские пушки. Два снаряда разорвались за спиной, один вздыбил землю перед танком. Краем глаза Александр уловил, как один из красноармейцев, словно споткнувшись, упал и не поднялся. Затем упал ещё один слева, за ним ещё. В это время командир взвода, обернувшись, надрывно прокричал:

– По противнику прицельной стрельбой, огонь!

Справа и слева захлопали выстрелы. Далеко впереди себя Александр увидел выскочившего из окопа японского солдата. Тот делал перебежку. Александр остановился, быстро прицелился и выстрелил. Японец продолжал бежать. Александр выстрелил ещё раз. Фигура самурая пошатнулась и исчезла из поля зрения.

«Неужели попал? – совсем безрадостно пронеслось в го-

лове Александра. – Вот так просто: прицелился, нажал на курок, и нет человека. А может это не я? Никто же не распределял японских солдат между наступающими красноармейцами. Мог ведь и другой красноармеец выстрелить в этого самурая?»

Мысль быстро оборвалась. Впереди, словно из-под земли, появилась группа японских солдат. Они бежали навстречу ему, что-то выкрикивая, и по-звериному скалились. Их крика не было слышно среди стоящего гула танков и беспорядочных выстрелов с обеих сторон.

– Гриня, ложись! – прохрипел Удалов и не услышал своего голоса. Но Надеждин и сам сообразил, что нужно залечь. Он растянулся на песке и начал целиться в бегущих навстречу им самураев. Группу японских смельчаков с тыла поддерживал плотный пулемётный огонь. Фонтанчики песка и пыли живой змейкой вздымались то спереди, то чуть сбоку.

Цепь наступающих красноармейцев залегла, солдаты стреляли по японцам теперь уже прицельно. Через некоторое время кучным огнём и несколькими брошенными гранатами им удалось уничтожить выскочившую из окопов группу самураев.

– Вперёд, за мной! – прокричал командир взвода, поднявшись первым. Красноармейцы поднялись с земли и устремились за командиром. Справа и слева один за другим грохнуло два взрыва, выбросив из земли два косматых огненно-чёрных снопа. Осколки от разорвавшихся снарядов про-

свистели над головой Удалова. Он инстинктивно поджал голову в плечи.

– Ура-а! – взлетел над степью многоголосый крик наступающих красноармейцев. В неистовстве они рвали голосовые связки, и скоро крик перешёл в яростный и невообразимый вой.

– А-а-а! – подхватил Удалов. Он наметил впереди себя точку, где метались самураи, и бежал туда, испытывая приступ безудержной ярости. Александр не представлял себе, что будет делать с японскими солдатами, когда добежит. Будет ли стрелять в упор, бить прикладом или колоть штыком. Пока же он бежал вместе со всеми в каком-то неистовом порыве: орал, хрипел, рычал и ругался.

Два танка, достигнув окопов противника, кружась, попытались утюжить их гусеницами, но тут же были подожжены. Самураи выскочили буквально из-под гусениц и, отстреливаясь, попятились назад. Большая часть японских солдат побежала назад. Но в траншее остались несколько воинственных групп самураев, которые выбрали для себя смерть, прикрывая отход. Они повели шквальный огонь, заставив залечь цепь наступающих красноармейцев.

Выбить их удалось только после третьего броска. Оставив на поле боя более двух десятков убитых и много раненых, красноармейцы, наконец, ворвались в траншею. Началась рукопашная схватка. Сдаваться в плен самураи не собирались и дрались до последнего. И только когда оставши-

еся в живых младшие японские командиры поняли, что сопротивление бесполезно, они сделали себе харакири.

За сутки японская группировка, зажата в тиски с двух сторон, понесла большие потери, оставила берег Халхин-Гола и в спешном порядке отошла в сторону границы.

Полк получил приказ вернуться на исходные позиции. Преследование противника продолжили основные силы дивизии и на исходе второго июня выдворили японскую армию в Маньчжоу-го за пределы границ Монголии.

Александр Удалов и Григорий Надеждин остались живыми в этом бою. Когда стихли последние выстрелы, они, разгорячённые атакой, как и все остальные красноармейцы, некоторое время продолжали ходить по освобождённым позициям японцев, с брезгливо-насторожённым любопытством разглядывали трупы самураев и оставшиеся в траншее вещи.

Потом сгрудились небольшими группами, и уже полулёжа на земле, принялись вспоминать эпизоды смертельной схватки. Они курили, смеялись, хвастались друг перед другом своими действиями в рукопашном столкновении, рисуя храбрость и бесстрашие. Для всех из них это был первый настоящий бой, и когда весь этот ад остался позади, сознание захлестнули эмоции. Всё, что они рассказывали друг другу, порой не соответствовало действительности, и было простой выдумкой. Лишь хорошо обстрелянный солдат способен вспомнить детали рукопашной схватки, но никак не

новичок. Большинство красноармейцев среди грохота взрывов, свиста пуль и осколков, бежали к позициям самураев в лихорадочном состоянии, не отдавая полного отчёта своим действиям. В траншее, при столкновении нос к носу с живым самураем, разум потерялся окончательно, сменившись на звериный инстинкт самосохранения.

Никто из них не хотел признаваться в слабости и частичных провалах памяти. Разве можно сознаться в том, с каким трудом каждый из них отдирает своё тело от земли, когда вокруг ухало, свистело, вздымалась земля, а голос командира доносился как бы издалека, казался неестественным и даже призрачным. Весь этот ужас остался уже в прошлом, смертельная опасность миновала, они собрались опять все вместе и обсуждают бой, как недавно просмотренное страшное кино.

Но не все были веселы. Некоторые красноармейцы сидели поодаль и не разделяли всеобщего ликования. Это были те, кто в бою потерял друзей или земляков, с которыми ещё утром они общались и жили общими воспоминаниями.

– А мне, мужики, больше всего запомнилась рожа самурая, когда он вспарывал себе живот. До сих пор стоит перед глазами его ехидная ухмылка. Бр-р! – перестав смеяться после очередной шутки, сказал один из красноармейцев, конопатый, с носом-пуговкой и короткими рыжими бровями по имени Паша. Во взводе его прозвали Рыжиком.

– Видел бы ты свою рожу в этот момент, – усмехнулся ши-

рокоскулый татарин по фамилии Гилязов. – Перекошенное лицо, бешеные глаза. Самурай, видно, от страха сделал себе харакири.

– Ну да! Самураи смерти не боятся, – вступил в разговор сибиряк Кречетов. – А вот сдача в плен позором у них считается. Комроты Климов говорил, я сам слышал.

– А я, блин, чуть с жизнью не попрощался, – наконец-то пробился со своей историей щуплый солдат Жириков. – Спрыгнул в окоп, а самурай – тут, как тут, стволом в грудь мне упёрся. Стоит, скалится. Ну, думаю, всё, капец мне. Смотрю, япошка нажал на курок, а выстрела-то не произошло. Повезло мне несказанно. Видать, в затвор песок попал, вот его и заклинило. Отбросил винтовку самураец и выхватил нож.

– И ты что? – спросил Гилязов. – Застрелил его? Или отпустил драпать?

– Дак я, это... штыком хотел пропороть самурайца, но он, зараза, шустрее меня оказался, – оправдываясь, проговорил Жириков. – Отбил в сторону мой штык, выхватил нож и пошёл на меня.

– Ты, конечно, сразу в штаны наложил, и руки вверх поднял? – спросил насмешливо Надеждин. – Жить, небось, в этот момент страсть как захотелось, правда?

– Жить хочет любая божья тварь, а человек – особенно, – ответил на последний вопрос Жириков, делая вид, что не услышал ядовитой подковырки. – Только вот страху, призна-

юсь вам, я в эти секунды не почувствовал. Стою, как замороженный, и смотрю на японца, и жалко мне его стало, почему-то.

– Вот, брешет! – воскликнул Паша. – Самурай на него с ножом идёт, а у него вместо страха жалость пробудилась! Подумать только!

– И долго ты так стоял? – спросил Надеждин.

– Не знаю, – подумав, признался Жириков и, наткнувшись на глаза Удалова, стыдливо отвёл взгляд в сторону. – Помню лишь, как сверкнуло перед глазами лезвие ножа, будто зайчиком от зеркала резануло. Я сразу очнулся и выстрелил. Японец упал, отполз, а потом воткнул себе в брюхо нож. Вот так всё было.

– Значит, не убил ты его, а только ранил, – степенно заключил Кречетов. – Не захотел самурай раненым в плен попасть, вот и прикончил себя.

– Наверно...

Удалов лежал на правом боку, подперев рукой голову, и безучастно слушал болтовню. Он не одёрнул Жирикова, не уличил во лжи, хотя эпизод с самураем, покончившим с собой, происходил у него на глазах.

В тот момент Александр ворвался в траншею чуть раньше Жирикова, и вдвоём с Узковым – подвижным крепышом среднего роста – они успели очистить траншею от трёх японских солдат. Четвёртый самурай улизнул в боковое ответвление, где и напоролся на спрыгнувшего туда солдата Жирико-

ва. От неожиданности Жириков отпрянул назад и споткнулся о труп, усевшись прямо на него. Необходимые секунды для защиты были упущены, и, если бы Александр не подоспел вовремя, ударив прикладом японцу по руке, тот сразил бы Жирикова выстрелом в упор. Самурай выронил винтовку и действительно выхватил нож, но обернулся уже к нему, Удалову, чтобы с разворота вонзить острый клинок в левый бок. И тут выстрелил Жириков, прострелив самураю плечо. Японец упал, а когда увидел перед собой двух красноармейцев, вспорол живот от безысходности.

«Пусть врёт, если не может обойтись без вранья, – со снисхождением подумал Александр. – Он ведь, по сути, спас мне жизнь. Правда, сначала я ему, а уж потом он мне. И как было на самом деле – какая теперь разница? Ну, потравят байки друг другу, прихвастнут немного, отведут душу и успокоятся. А пройдёт время – и детали первого боя сотрутся в памяти. За этим боем последует другой, третий, четвёртый. Останется ли живым сам рассказчик-выдумщик?»

Удалов почему-то был уверен, что война с японцами не закончится для их полка только одним боем. Стоило ли делать бросок из Забайкалья через степь ради одной схватки? Руководство дивизии наверняка знает истинные планы японцев. Разведка точно уж донесла, что самураи не смиряются со своим поражением и проверят силы Красной Армии ещё не раз.

Александр слушал сослуживцев и не удивлялся тому, что

никто из них почему-то не осмеливался рассказать о том, как бежали они по вздрагивающему полю, петляя среди воронок, как напуганные зайцы, падали на землю и ползли на животе, оглохшие и подавленные ужасом от грохота взрывов и свиста осколков. Как под хриплые команды лейтенанта Хорошенина, преодолевая свой страх, поднимались снова и снова, кричали «ура!» и бежали дальше. Не рассказывали, потому что здесь ничего нельзя было прихвастнуть, а признаться в трусости не позволяла гордость и самолюбие.

– Быстро вы ожили! – раздался голос неожиданно появившегося командира взвода. – А мне вначале показалось, что вы надолго потеряли дар речи.

Красноармейцы замолчали и притихли в ожидании команды.

– Встать! Построиться! – прохрипел Хорошенин. Он сорвал свой голос во время атаки, и теперь его звучание было неузнаваемо.

Солдаты повскакали с земли и быстро построились.

Лейтенант был младше по возрасту многих из красноармейцев, но держался достойно и не давал повода для снисходительного отношения к себе. Он прошёлся взад-вперёд вдоль строя, бросил взгляд на соседние взводы, которые тоже построились неподалёку, и остановился посередине.

– Товарищи красноармейцы! Мы с вами выполнили поставленную перед нами задачу. Оттеснили японских провокаторов от монгольской реки Халхин-Гол, и сейчас возвра-

щаемся к месту постоянной дислокации. Выдворить японскую армию за пределы границ Монголии поручено регулярной группировке сил советско-монгольских войск. Контрнаступление идет по всей линии соприкосновения и в ближайшие несколько дней ни одного самурая не останется на монгольской земле.

Хорошенин закончил короткую пафосную речь и провёл взглядом по лицам красноармейцев, будто хотел убедиться, дошли ли его слова до сознания каждого красноармейца в отдельности, или следует ещё кое-что добавить.

– Вопросы есть? – спросил он.

– Война закончилась, стало быть? – послышался вопрос с фланга. – Теперь резервистов распустят по домам?

Лейтенант повернулся на голос, незамедлительно ответил:

– Нет. Мы продолжим службу на территории Монгольской республики столько, сколько потребуется для обеспечения безопасности дружественной нам страны. Это наш интернациональный долг. Будем отрабатывать военные навыки в мирных условиях.

Никто в эту минуту не мог предположить, что мирная служба продлится совсем недолго. И этот первый бой, который так насыщенно смаковался в невероятных придуманных подробностях, покажется хотя и страшным, но всего лишь маленьким приключением, по сравнению с жестокими сражениями, которые планировались и проводились под руко-

водством Г. К. Жукова.

Новый командующий пренебрежительно относился к солдатским жизням, считая их пешками на огромной шахматной доске военных действий. Ради победы он шёл на огромные потери личного состава, а за невыполнение приказов накладывал «расстрельные» резолюции, не утруждаясь расследованием и проверкой фактов.

Ничего этого пока не знали ни красноармейцы, ни командир взвода Хорошенин, ни командир роты Климов, ни сам командир полка Слотин. Всё ещё было впереди.

Относительное затишье на монгольской границе продолжалось ровно месяц. Японцы иногда совершали небольшие провокации, больше напоминающие набеги кочевников, но каждый раз, наткнувшись на ожесточённый огонь красноармейцев, отступали обратно, оставляя на земле после стычки около десятка трупов.

Подразделение в/ч № 632 под командованием подполковника Слотина всё это время находилось в резерве, занимая западный берег реки Халхин-Гол. Красноармейцы в отражении провокационных натисков японцев не участвовали, занимались боевой подготовкой. Иногда они были свидетелями яростных воздушных боёв между советскими и японскими пилотами, возникающими в небе неподалёку от армейского городка. Однако весь личный состав знал: японцы готовят мощное наступление.

Прорыв приграничных позиций советско-монгольских сил произошёл в ночь на 3 июля 1939 года. Ударная группа японского генерал-майора Кобаяси стремительным рывком сумела смять передовой отряд советских войск и форсировала Халхин-Гол. В течение этого же дня ей удалось захватить гору Баин-Цаган. Советские войска оказались в тяжёлом положении.

Жуков Г.К., возглавлявший в это время особый советский корпус в Монголии, понимал, что, если без промедления не сбросить японцев с горы, они успеют на ней закрепиться, и тогда эта гора превратится в мощный укреплённый пункт. Такого поворота событий допустить было нельзя. Он принял решение немедленно атаковать самураев танковой бригадой без поддержки пехоты.

Завязался жестокий бой между советскими танкистами и японскими солдатами. Танки загорались один за другим, как свечи, и чадили, окутываясь клубами чёрного дыма. Танкисты горели в них заживо. Танковая бригада Яковлева несла огромные потери.

– Что же он натворил? – бормотал себе под нос подполковник Слотин, размышляя об отданном приказе командующего корпусом. Штурм горы танковой бригадой без поддержки пехоты казался ему самоубийством. Наблюдая в бинокль за ходом танковой атаки, Слотин ругался в полголоса:

– Как можно было отправлять танкистов на верную смерть?! Это же сознательное пренебрежение к солдатским

жизням, чёрт возьми!

Командир полка поймал себя на том, что непозволительно критично рассуждает вслух, и с опаской посмотрел по сторонам. К счастью, комбаты с замполитом в это время что-то обсуждали, склонившись над картой, и находились на приличном расстоянии. Услышать его бормотание они не могли.

«Надо держать язык за зубами, – подумал Слотин, мысленно одёргивая себя. – Среди офицеров есть новые люди, к ним я ещё не успел присмотреться. Если сообщат куда не следует – не снести мне головы».

За месяц пребывания Жукова в Монголии комполка успел узнать, как жесток и мстителен новый командующий.

В поддержку бригаде Яковлева Жуков бросил в бой ещё одну танковую бригаду. Штурм горы Баин-Цаган длился до конца дня четвёртого июля. Танки рвались к горе, стреляли, горели, отступали, потом снова с какой-то непостижимой настырностью шли вперёд. Ценой больших потерь танкистам, наконец, удалось раздавить японскую дивизию, сбросив с горы.

На рассвете пятого июля изрядно потрёпанная японская группировка стала отходить к Халхин-Голу.

Скатившаяся с горы японская пехота, отступая, пошла на позиции полка Слотина. Здесь была единственная переправа через реку, на которую рассчитывали японцы. Чтобы не дать возможности неприятелю перебраться на восточный берег Халхин-Гола, Слотин взорвал переправу, замкнув остат-

ки дивизии в кольцо. Началась жестокая схватка. Самураям, во что бы то ни стало, нужно было прорвать окружение, переправиться на противоположный берег и воссоединиться с основными силами. Полк Слотина встал у них на пути.

Александр Удалов и Григорий Надеждин находились на передней линии обороны. Накануне, когда началась танковая атака на гору Баин-Цаган, их взвод получил задачу выдвинуться вперёд, окопаться и обустроить по две пулеметные точки с каждого фланга.

Друзья получили по пулемёту ДП-27 через несколько дней после первого боя и числились во взводе пулемётчиками. Во время затишья они провели несколько учебных стрельб, вспомнили обретенные навыки на срочной службе и сейчас были во всеоружии.

При постановке задачи командиром взвода Удалов уяснил для себя, что идти в атаку не предвидится, бой предстоит оборонительного характера и без помощников – «вторых номеров», которые отвечали за своевременную подноску коробок с дисками. Им с Гришей придётся сдерживать лавину озлобленных самураев с правого фланга, наиболее уязвимо, поэтому он рыл свой окоп с хозяйской основательностью. Грунт был песчаный, податливый, рытьё укрытия вначале продвигалось быстро, затем песок стал осыпаться, работа пошла медленнее. Пришлось крепить края камнями и другими подручными предметами.

Наконец, окоп был готов. Александр стоял в нём в полный

рост. Примерив установку пулемёта на бруствере, он остался доволен своей работой. Слева от него окапывались красноармейцы из его взвода, справа заканчивал рытьё окопа Гриша Надеждин.

... Самураи пошли несколькими плотными и удивительно ровными шеренгами, двигаясь в полный рост. Александру на некоторое время показалось, что они даже не догадываются о наличии впереди себя красноармейцев в окопах – уж слишком непринуждённо они шагали, будто на строевых занятиях. Но это была всего лишь иллюзия, искажённая расстоянием.

– Подпустим противника ближе! – послышался голос командира взвода. – Без моей команды не стрелять!

Команда Хорошенина тут же была продублирована по всей цепи окопов. Красноармейцы приготовились встретить противника огнём.

«Жарко будет, – подумал Александр. – Вон, сколько их прёт на нас! Что, если прорвутся?»

Он начал считать шеренги и сбился со счёта. Начал вновь, и снова сбился. Задние шеренги сливались между собой и не поддавались счёту.

«Нефиг их считать! Косить надо узкоглазых, всех до единого», – взгляд Александра опустился на дно окопа. Там в углу, в небольшой нише, лежали две коробки с тремя дисками патронов в каждой и четыре гранаты.

«Хватит ли патронов? Уж больно много самураев. Что ес-

ли все двинутся на меня? А почему на меня? Я что, один разве? Рядом Гриша, у него тоже две коробки. Итого пятьсот шестьдесят четыре патрона на двоих, помимо двух снаряжённых дисков в самом пулемёте. На левом фланге Вася Бортников и Яша Гнездилов. А ещё левее – второй взвод, за ним третий. У них тоже есть пулемёты».

Александр ощутил внутри себя знакомое возбуждённое состояние, которое он испытывал перед первым боем. Это не было страхом, его организм настраивался к восприятию предстоящего противоборства.

В окопах стояла полнейшая тишина, словно красноармейцы опасались пропустить команду командира. Бесконечно и тягостно тянулось время. Наконец, послышался надрывный крик Хорошенина:

– По японским захватчикам – огонь!!!

Захлопали первые винтовочные выстрелы, спустя несколько секунд над степью стоял уже невообразимый треск. Стреляли с обеих сторон. Первая шеренга японских солдат дрогнула, изогнулась змейкой, но продолжала шагать в направлении окопов.

Удалов прицелился и выпустил короткую очередь, повея стволom вдоль шеренги. Несколько самураев упали и не шевелились. Стрелял и Гриша Надеждин, его очередь была скупой – три-четыре патрона.

«Пристреливается, не палит в белый свет», – с одобрением подумал Александр, оценив на слух стрельбу друга.

Несколько мгновений он стоял, прижавшись грудью к стене окопа, высматривая через прицел наибольшее скопление самураев. Первая шеренга заметно поредела, и расстреливать одиночные фигуры из пулемёта было неэффективно. Разделаться с ними могут и красноармейцы из винтовок.

Уцелевшие японцы из первой шеренги залегли, и начали частую стрельбу, прикрывая подход идущих за ними солдат. Последующие шеренги перешли на бег и, достигнув тех, кто их прикрывал, распластались на земле рядом.

«Ах, вот что вы задумали, – догадался Александр. – Хотите собраться в кулак и рвануть на наши позиции всем скопом? Авось, да и проскочит часть вашей своры? Хрен вам, узкоглазые, не выйдет! Патронов у меня на вас хватит! И гранаты имеются на всякий случай!»

Он поправил каску, пощупал натяжение ремешка, приготовился встретить массивный бросок самураев. Пулемёт Гриши Надеждина тоже пока молчал. Реже стала и стрельба красноармейцев.

Японцы поднялись с завидной одновременностью и настолько стремительно, словно лежали на скрытых пружинах. Подброшенные ею, они бросились вперед с криками «Банзай!»

«Вот теперь настало моё время», – мелькнула мысль сама по себе, и палец Удалова потянул спусковой крючок. Первая очередь снова была короткой, затем последовала более продолжительная.

Самураи в полном бесстрашии продолжали бежать. Их рты были широко открыты, лица перекошены, видимо они продолжали кричать, но их крик заглушался яростным огнём красноармейцев. Александр выпускал одну очередь за другой, а самураев, как ему казалось, не убывало. Они были уже совсем близко. Казалось, пройдёт немного времени, и озверевшие япошки забросают его пулеметное гнездо гранатами, а сами побегут дальше, к Халхин-Голу.

«Нельзя подпускать их на близкое расстояние, нельзя допустить, чтобы граната долетела до окопа, иначе тебе, Сано, крышка», – мелькали мысли, одна за другой, словно они были вовсе и не его мыслями, словно это были какие-то инструкции извне, которых следует неукоснительно придерживаться.

Пулемёт Удалова строчил и строчил, не переставая. Точно также в безостановочном ритме работал рядом пулемёт Надеждина. Краем глаза Александр видел, как содрогалась от очередей спина Гриши.

Самураи, наконец, сообразили, что основную опасность для них представляют два пулемёта на правом фланге, и, сгруппировавшись, перенесли плотный огонь на Удалова и Надеждина. Пули засвистели совсем рядом, вздымая фонтанчики пыли на отсыпанном бруствере. Несколько штук просвистели над ухом. Александр невольно вжал голову в плечи, присел на мгновение. Затем вновь выпрямился, продолжил стрельбу.

– Гранаты, к бою! – донёсся хриплый, с надрывом, голос Хорошенина. Александр скосил взгляд влево, увидел, что большая группа японцев почти добежала до окопов центральной части позиций взвода, на бруствере разорвались первые гранаты. Вот-вот могла начаться рукопашная схватка.

Удалов выпустил несколько очередей перед собой, затем развернул пулемёт и стал поливать свинцом вдоль линии окопов, чтобы уничтожить подбежавших на близкое расстояние самураев. Туда же полетели из окопов гранаты красноармейцев. Пулемёт Надеждина теперь работал за двоих, умолкая лишь на несколько секунд между очередями.

Прорыв японцев захлебнулся. Они залегли, потом короткими перебежками стали отходить к невысокому холму. За ним, в километре от позиций первого батальона занимал оборону второй батальон. Он отражал атаку японцев в северо-западном направлении. Оттуда доносилась стрельба и разрывы снарядов. Там работала артиллерия.

Сколько времени длился бой, Удалов затруднялся сказать. Он знал лишь то, что одна коробка была уже пуста, а во второй остались два диска. Гранатами воспользоваться не пришлось.

Минут через пять подполз вестовой от командира взвода. – Позиций не покидать, – передал он приказ Хорошенина. – Скоро ожидается вторая попытка прорыва противника к реке. Сейчас самураев молотят наши пушки, потом второй

батальон погонит их на нас. Будет опять жарко.

– Трупы самураев я вижу, а сколько наших полегло? – поинтересовался Александр.

– Не знаю, пока не считали. Япошки успели забросить в окопы несколько гранат. Есть убитые и раненые, санитары ими занимаются.

Вестовой уполз, Удалов высунулся из окопа.

– Как дела, Гриша! – окликнул он друга.

– Нормально, а у тебя как?

– В коробе два диска осталось.

– У меня три полных.

Лицо Надеждина было красным и потным, лоб и щёки перемазаны землёй и копотью.

– Красивый ты, Гриша, – громко рассмеялся Александр. – Если бы твоя хохлушка оказалась сейчас рядом, она бы, ей богу, была в восторге от твоей красоты.

Надеждин догадался, почему подтрунивает друг, и совсем машинально потёр ладонью щёку.

– Ха-ха! Ещё краше стал. Посмотри на свои руки, чудак!

– Видел бы себя, шутник! Рожа, как у шахтёра!

Они оба расхохотались, показывая друг на друга пальцем. Им было весело от того, что благополучно закончился бой, что они остались живыми, могут снова видеть друг друга, говорить и смеяться. В этот момент им вовсе не хотелось думать о предстоящем бое, о возможном ранении или даже гибели. Сейчас друзья радовались подаренному им мигу жиз-

ни и от души наслаждались им.

– Хочешь сухарь? – спросил запасливый Гриша и полез в карман.

– Давай, не откажусь.

– Держи, – Надеждин поднял руку для броска.

– Постой, не бросай, ползи лучше ко мне, – остановил друга Александр. – Погрызём вместе, поболтаем. Самураев пока не видно.

Григорий оглянулся по сторонам, потом выбрался из окопа, и, пригнувшись, переметнулся в просторное укрытие Удалова.

– Неплохо ты здесь устроился, – отметил Григорий. – Залёг, как медведь в берлоге.

– Окоп для солдата – это, Гриша, походный дом, – поучительно сказал Александр. – В нём должно быть предусмотрено всё, до последних мелочей. И стол, и кровать, и туалет. Солдат не может знать, сколько времени ему предстоит в нём провести.

Григорий испытующе смотрел на друга, ждал подвоха. Но на лице Александра не было и намёка на насмешку. Хрустнув сухарём, он спросил:

– Ты, Санко, дурку гонишь, или как?

– Какую дурку, Гриша? Представь себе: идёт затяжной бой – головы не поднять, а тебя вдруг приспичило по большому. В твоём узком колодце не присесть, не согнуться. Куда денешься? Выскочишь из окопа и выставишь задницу под пу-

лю неприятеля или навалишь в штаны для позора? – в глазах Александра запрыгали чёртики.

– Выдумщик, – усомнился Григорий. – Когда такое может случиться? Да и таких колодцев, о которых ты рассказываешь, никто из солдат не роет. Глупости ты говоришь, Сано.

– Ты в своём окопчике предусмотрел, где нужду справлять?

– А как же! Подкоп сделал, приямок вырыл. Не один ты такой умный.

Парни помолчали, дожевали сухари.

– Когда войне конец, как думаешь? – неожиданно спросил Григорий.

– Скоро, Гриша, очень скоро. Осталось придавить ногтем японскую вошь ещё пару раз, как сегодня, и не будет эта гнида больше кусаться. Тут до Маньчжурии рукой подать – за день добегут до границы.

– Хорошо бы, – с какой-то непонятной грустью проговорил Надеждин. – Только вот настырные эти самураи, смерти не боятся, дерутся отчаянно. За рекой у них собраны большие силы, сопротивляться будут долго.

– Фигня всё это, Гриня, – весело сказал Александр, легонько ударив друга кулаком в грудь. – Сколько бы кобылка не прыгала, а быть ей в хомуте. Попомни мои слова: через месячишко мы с тобой будем сидеть в одном из лучших ресторанов Улан-Удэ и пить водку за победу!

– Главное, проскочить бы, да пера не обронить, – с гру-

стью промолвил Надеждин. – Сколько людей полегло здесь только за несколько часов! А сколько ещё бойцов останется лежать в этой степи?

– Что-то ты, дружище, совсем скис, – с недовольством заметил Александр. – Уж не помирать ли собрался?

– Не-е, Сано, на кладбище всегда успеется. Мне ещё нужно хохлушку отыскать, детей ей настрогать, затем состариться, и только после этого думать о смерти, – немного повеселев, усмехнулся Григорий.

Друзья балагурили до тех пор, пока не послышалась усилившаяся канонада.

– Кажись, погнали японское стадо на нас, – проговорил Надеждин, прислушиваясь к разрывам снарядов за холмом. – Надо готовиться к встрече. А то ещё застучает комзвода за вольность – обоим прилетит на орехи.

Григорий перебрался в свой окоп. Через полчаса из-за холма показались первые разрозненные группы самураев. Они двигались прямо на позиции роты Климова...

Григорий Надеждин не погиб ни в этом бою, ни в последующих атаках позднее. Смерть миновала его и 20 августа, когда их полк на рассвете подвергся массивной бомбардировке с воздуха. И даже через три дня, в последней решающей схватке, он уцелел.

Это был самый жестокий бой из всех предыдущих, в которых ему с Александром Удаловым довелось участвовать.

В этот день, как потом выразился сам Григорий, состоялось схождение в ад. Переправившись через Халхин-Гол, полк Слотина включился в запланированную операцию по окружению японской дивизии на восточном берегу реки.

Работала авиация противника, бомбы ложились очень кучно, взметая на воздух выхваченную разрывом землю вместе с телами красноармейцев. После налёта авиации заработала советская артиллерия. Больше часа стоял грохот и свист. Земля дрожала непрерывно, будто её лихорадило, как живой организм. А потом, под мелодию «Интернационала», вырывающуюся из громкоговорителей, установленных на бронемашинах, поднялась озверевшая пехота и ринулась за танками сметать ненавистных самураев. Яростный крик «Ура!», взметнувшийся над степью в начале атаки, не смолкал до окончания боя. Кольцо окружения сомкнулось.

Бои по уничтожению окружённой группировки японцев продолжались до конца августа. Потери были большими, исчислялись несколькими тысячами погибших солдат с обеих сторон. После каждого боя степь пестрела трупами.

Командир полка распорядился сформировать похоронную команду. В её составе пришлось поработать и Удалову с Надеждиным. Раненых вытаскивали санитары с поля боя в дневное время под огнём, убитых хоронили по ночам. Это был настоящий конвейер погребения.

Могилы выкапывали огромные по размерам и очень глубокие. Землю выгребали наверх в несколько приёмов, пере-

брасывая её с одного бокового настила на другой. Захоронение советских солдат велось отдельно. Погибших красноармейцев укладывали аккуратно, ровными рядами, на холмике устанавливали памятный столбик со звёздочкой.

Самураев сбрасывали на четырехметровую глубину, как кули с мусором, землю над могилой разравнивали с нескрываемой злостью, не оставляя следов погребения.

Радостное известие о заключении перемирия пришло в полк с запозданием на день.

Узнав, что войне с Японией конец, половина взвода красноармейцев решила искупаться в реке. Побросав на берегу одежду и оставшись в чём мать родила, красноармейцы плюхнулись в воду и стали дурачиться. Через некоторое время Пашка-Рыжик начал надсмехаться над сибиряком Кречетовым, который плавал, по его мнению, как топор.

– Сам ты топор! – рассерженно проговорил Кречетов. – Я, да будет тебе известно, не раз переплывал Ангару, причём, туда и обратно, а это почти два километра.

– Трепаться мы все мастаки, – барахтаясь в воде, проговорил Рыжик с недоверием.

– А я и не треплюсь, – стоял на своём сибиряк. – Сказал, что переплывал – значит, переплывал. Мне врать незачем.

– Тогда докажи! – не унимался Пашка-Рыжик. – Слабо переплыть Халхин-Гол наперегонки со мной? Или у тебя кишка тонка?

– Это у тебя она тонка, – пробурчал Кречетов. – А я сто метров проплываю на одном дыхании. Халхин-Гол – это всего лишь ручей по сравнению с моей Ангарой!

– Спорим, что я первым окажусь на том берегу? – провоцировал Пашка сибиряка Кречетова.

– Спорим. На что?

– На пять подзатыльников.

– Не-ет, меня устроит один публичный пинок в твою тощую задницу, – категорично заявил Кречетов. – Это более доходчивый способ донесения истины для таких, как ты.

Руки спорщиков пришлось разбить Удалову, который в этот момент случайно оказался рядом. Парни стартовали, остальные увязались за ними.

Первым достиг противоположного берега Кречетов. Он плыл действительно как-то неуклюже, переворачиваясь при каждом взмахе с боку на бок, однако, его гребки, в отличие от красивых взмахов Пашки, были резкими и мощными. С сильным течением реки он справлялся более эффективно, чем его соперник.

Красноармейцы переплыли реку и растянулись на песке. Млея под жаркими лучами солнца, они изредка бросали машинальные взгляды на уцелевший чудом японский дзот. Вокруг огневой точки земля была сплошь изрыта многочисленными воронками от снарядов и авиационных бомб. Зарытое в землю бетонное сооружение располагалось на приличном удалении от берега. Из засыпанной грунтом конструкции вы-

глядывала лишь узкая прорезь амбразуры.

– Мужики, там что-то мелькнуло, – удивлённо высказался конопатый Паша. – Ей богу, в дзоте кто-то есть!

– Не болтай ерунды, Рыжик. Там никого не может быть, потому что последний самурай унёс отсюда ноги ещё неделю назад, – заверил Кречетов. – Тебе, как всегда, что-то мерещится.

Красноармейцы приподняли головы, потом уселись, некоторые встали, все начали всматриваться в амбразуру.

– Ни черта не видно отсюда, отсвечивает, – чертыхнулся Жириков и направился к дзоту. За ним потянулось ещё пять любопытствующих человек. Кречетов плюнул презрительно вслед и не сдвинулся с места.

Когда красноармейцы были уже на подступе к дзоту, из амбразуры неожиданно брызнула пулемётная очередь. Все шестеро замертво повалились на землю.

Оставшиеся на берегу красноармейцы от внезапности не сразу сообразили, что же произошло у дзота. Они с недоумением вскочили с земли, вместо того, чтобы сразу залечь, и в состоянии шока смотрели туда, где только что шагали их товарищи. Этих секунд было достаточно пулемётчику, чтобы перенести огонь на них.

– Ложись! – крикнул Удалов, и первый распластался на песке.

За ним попадали на песок все остальные. Несколько человек, казалось, не услышали его отчаянного крика. Они,

взмахнув руками, вдруг странно изогнулись и стояли в этой нелепой позе несколько секунд, пытаясь повернуться на крик. Потом их ноги подломились, они упали, уткнувшись лицом в песок и больше не двигались.

– Гриня, ты живой?! – окликнул друга Александр, когда смолкли выстрелы.

– Пока живой, – помедлив, ответил Дымов. – Только надолго ли, черт возьми? Вокруг ни камня, ни деревца, даже голову некуда уткнуть. Да и голые ж... пускают солнечных зайчиков, не хуже зеркал.

– Главное, мужики, не шевелиться, надо прикинуться убитыми, – посоветовал Удалов, лёжа вниз лицом и не подавая признаков жизни. – Пусть самурай думает, что прикончил всех, до единого.

– Он и так уже всех расстрелял, – послышался в стороне голос Тимохи Узкова, земляка Александра.

– Неужели только мы втроём задержались на этом свете? – не поверил Дымов, и громко спросил:

– Эй, есть ещё кто живой?

– Я живой, – отозвался Ришат Гилязов.

– А чего молчал?

– Вас слушал.

Больше никто не отозвался. Красноармейцы лежали, боясь пошевелиться. Каждый из них лихорадочно соображал, что можно предпринять в сложившейся ситуации. Все они были безоружны и беспомощны, и хорошо понимали: стоит

только чуть шевельнуться, как японский пулемётчик тут же добьёт оживший «труп». Но и лежать десять часов под палящим солнцем в ожидании ночи было бы предосудительным решением. Солнце за это время не пощадит никого из них. Кожа уже через пару часов вздуется пузырями, а голову хватит тепловой удар.

– Что будем делать, мужики? – подал голос Узков. – У кого какие соображения?

– Ждать надо, Тимоха, ждать, – с уверенностью сказал Дымов. – Думаю, взводный нас уже потерял. А может, и стрельбу кто-нибудь слышал. Может, сейчас комполка уже пялится на нас в бинокль, изучает обстановку.

– Ну, допустим, увидел он нас дохлыми, и что? – спросил Узков. – Не направит же сразу брать дзот голыми руками? Это осиное гнездо можно только с воздуха разворотить, здесь даже пушка бессильна.

– Правильно мыслишь, Тимоха, – вступил в разговор Александр. – Никто самолёт в ближайшее время сюда не направит. Сами вляпались – самим и выбираться надо.

– А как? – в отчаянии спросил Григорий.

– Подождать надо ещё чуток, пусть притупится внимание самурая. Он, может, даже пожрать сейчас надумает, отвлечётся, – время-то обеденное. А мы вскочим все разом и – броском к воде.

Несколько минут царило полное молчание, все переваривали предложение Удалова. Неожиданно послышался глухой

стон, стало понятно, что среди убитых лежит раненый красноармеец.

– Вот тебе бабушка и юрьев день! – вслух удивился Дымов. – Этого ещё нам не хватало.

– Лежать! – скомандовал Удалов. – Мы ему ничем не поможем.

– Как? Бросить раненого товарища? – возмутился Григорий. – Ты что говоришь, Сано?

– Лежать говорю! – рыкнул Александр. – Не двигайся!

Прошла ещё минута, раненый вновь застонал.

– Надо хоть взглянуть, кто это, и куда его ранило, – не соглашался Дымов и стал медленно, по сантиметру, начал поворачивать голову в направлении доносившегося стоны. Пулемётчик не стрелял. Дымов подождал немного и приподнял голову.

– Это Кречетов, – оповестил Дымов. – Ранен в голову и в живот, весь в крови.

Раненый сибиряк очнулся и начал подниматься на колени.

– Кречетов, лежи! – успел крикнуть Григорий. В этот момент из дзота полоснула пулемётная очередь и сделала смертельный росчерк на теле Кречетова. Одна шальная пуля на исходе очереди попала Дымову в лоб.

Всё это увидел Удалов собственными глазами, успев до выстрелов повернуть голову вместе с Дымовым.

– Гриша!!! – вне себя дико закричал Александр.

– Бежим! – крикнул Узков.

Оставшаяся в живых тройца в едином порыве вскочила с земли и помчалась к реке. Удалов рванулся вправо, Узков – влево, Гамзулин мчался посередине.

До кромки воды оставалось метров двадцать, бег измерялся секундами, и, все-таки, очередь японского смертника смогла догнать Гилязова. Он не добежал до реки несколько шагов и был убит. Узков и Удалов успели сигануть в воду.

Александр погрузился под воду до самого дна и плыл на такой глубине до помутнения в голове. Потом вынырнул на мгновение, хватанул в лёгкие воздуха до отказа и опять ушёл под воду, для страховки изменив угол движения.

Они вынырнули с Узковым одновременно у самого берега. Судорожно глотая воздух, вцепились глазами друг в друга, не веря в своё спасение. Или они оказались уже вне зоны прицельного огня, или самурай просто махнул на них рукой, или ещё была какая-то неизвестная причина, но стрельбы из дзота больше не последовало.

На западном берегу их уже ждали. Удалов увидел сгрудившихся однополчан, на метр впереди от толпы стоял командир Хорошенин с биноклем.

Узков и Удалов со страдальческими лицами вышли из воды и остановились в нерешительности, стыдливо прикрывая причинное место руками. Вид их был глупым, жалким и беспомощным.

– Где остальные? – зловещим голосом спросил Хорошенин, переводя взгляд с одного на другого.

– Там... полегли все... – срывающимся голосом, хрипло выдавил из себя Узков.

– Разрешите одеться, товарищ командир? – вяло спросил Удалов, и, не дожидаясь ответа, поплёлся к разбросанной на берегу одежде, отыскивая свой комплект. Сейчас ему было всё равно, что скажет командир взвода, как он с ними поступит. Александр находился в подавленном состоянии после всего произошедшего. Безгранично угнетала гибель единственного друга. В смерть Гриши Дымова не хотелось верить. В этот момент он был готов принять любую кару ради того, чтобы свершилось чудо, чтобы эта нелепая смерть друга оказалась всего лишь кошмарным сном, дурным видением.

Дождавшись, когда Удалов и Узков оденутся, Хорошенин скомандовал:

– Следуйте за мной.

Толпа красноармейцев расступилась, командир взвода, а вслед за ним и Александр с Тимофеем, прошествовали через образовавшийся коридор. Толпа сомкнулась и в тревожном молчании последовала за ними на небольшом удалении.

Хорошенин остановился у штабной палатки, хмуро произнёс:

– Заходите.

С понурой головой двое спасшихся красноармейцев шагнули внутрь. За столом сидели командир роты Климов и командир полка Слотин.

– Вот, привёл, товарищ подполковник, – не выдерживая уставных требований, виноватым голосом произнёс Хорошенин и замер.

Некоторое время Слотин неотрывно смотрел на Удалова и Узкова, будто размышлял, какой же первый вопрос задать этим людям. Лицо его выглядело усталым и злым.

– Пловцы, мать вашу! – выругался командир полка вместо ожидаемого вопроса. – Наплавались?! Охладили пыл-жар?

В душе Слотин понимал, что стоящие перед ним красноармейцы ни в чём не виноваты, но не мог смириться с тем, что по нелепой случайности в его полку произошла ужасная трагедия. Её могло бы и не быть, окажись он на берегу в тот момент, когда эти красноармейцы затеяли соревнование по плаванию. Он, просто-напросто, урезонил бы зачинщиков заплыва, посадил бы их на гаупвахту за самовольный уход из расположения военного городка.

– Кто организатор заплыва? – спросил командир роты Климов, обратившись к Удалову. – Ты? Отвечай!

– Не было никакого организатора, – насупившись, ответил Александр. – Всё произошло само по себе.

– Мы узнали, что войне конец, пошли на радостях к Халхин-Голу, – дополнил Узков. – Погода жаркая, вот и решили искупаться.

– Ладно, искупались, но какого чёрта вас понесло на противоположный берег? Кто предложил переправиться?

Удалов и Узков стояли и молчали. Они знали, кто затеял

спор, спровоцировав состязание, слышали, как этот человек утверждал, что обгонит всех и первым вступит на восточный берег монгольской реки. Знали, но признаваться не собирались. Зачинщика спора уже не было в живых, и возлагать всю вину на мёртвого было бы непростительным кощунством.

Александр поднял голову и посмотрел на Хорошенина. Ему вдруг захотелось заглянуть в глаза командиру взвода, ведь тот стоял неподалёку, когда солдаты плескались в реке, и наблюдал за происходящим. Ведь это с его молчаливого согласия красноармейцы пустились вплавь на противоположный берег. Почему же он сейчас набрал воды в рот? Почему не пояснит Слотину, как всё произошло? Испугался, что комполка всю вину возложит на него и тогда придётся отвечать за гибель подчинённых? Неужели струсил бесстрашный командир, который неоднократно водил взвод в атаку и даже рубился с самураями в рукопашном бою? Почему он вдруг испугался? Или смелость бывает разной? Бесстрашно сражаться с неприятелем – это одно, и совсем другое – брать ответственность на себя, снимая вину с простого красноармейца?

Хорошенин не выдержал взгляда, потупился.

«Значит, так оно и есть. Испугался лейтенант военного трибунала, боится испортить свою карьеру, – сделал вывод Удалов и усмехнулся.

– Чего ухмыляешься? – спросил Климов. – Твои товарищи погибли, а тебе смешно?

– Непонятно мне, в чём нас обвиняют? Мы ведь не могли знать, что за рекой обосновался смертник? Войне конец, японцы капитулировали.

– Если бы вы не отправились на другую сторону – трагедии бы не произошло! – с заметным раздражением сказал Климов. Судя по всему, ему хотелось быстрее выдавить из красноармейцев признание вины, составить рапорт и постараться забыть о случившемся.

– Самурай мог расстрелять других людей, которые оказались бы в том месте, – не соглашался Удалов. – И жертв могло быть больше.

– Не надо строить прогнозы, что могло быть, а чего не могло, – всё больше раздражаясь, проговорил Климов. – В том районе не планировалось передвижение наших войск. Смертник сдох бы от голода, прежде чем увидел перед собой цель для поражения.

Предчувствие подсказывало Александру, что наказание последует в любом случае. Будет ли он заператься, или признается, что участвовал в разрешении спора в реке – итог подведён уже заранее, командованию требовался конкретный виновник и наглядная порка в оправдание трагедии. Это усматривалось и в поведении собравшихся командиров. Может быть, Хорошенин в своём докладе успел уже назвать фамилии спорщиков. И, конечно же, сказал при этом, что знает об участниках спора с чьих-то слов, а сам он ничего не видел, подчинённые ушли из расположения городка самовольно.

Пока стояла пауза, Александр подумал, что в обвинении Климова есть, наверно, доля правды. Ведь была же возможность отговорить Кречетова и Рыжика от состязания. Была, чего уж кривить душой. Если бы только знать, что на противоположном берегу их дожидается смертник! Стоило лишь на Пашку-Рыжика цыкнуть, макнуть головой в воду на минуту, и тот бы умолк. И не состоялось бы никакого заплыва, и все ребята остались бы живыми. И закадычный друг Гриша в их числе. А, раз так, он, Удалов, должен понести наказание за смерть друга.

Александр обвёл взглядом собравшихся и неожиданно для всех заявил:

– Это я предложил сделать заплыв наперегонки и готов понести наказание.

Он видел, как вскинул от удивления брови лейтенант Хорошенин, не веря собственным ушам, видел, как приоткрылся рот у комроты Климова, как уставился на него в непонимании земляк Узков. Александр смотрел на всё это и неожиданно почувствовал в себе некоторое облегчение. Даже усмехнулся от зрелища.

Теперь ему стало безразлично, что ждёт его за такое признание. Он корил себя за гибель Гриши Дымова, и посчитал, что должен понести за это наказание.

На лицах Климова и Хорошенина проступило облегчение, в ожидании решающего слова они уставились на Слотина. Командир полка, наоборот, нахмурился ещё сильнее, затем

негромко выдал:

– На гауптвахту его.

И тут Узкова словно прорвало. Он торопливо заговорил:

– Тогда и меня сажайте вместе с ним. Это я убеждал красноармейцев плыть всем вместе. Сказал, что такой заплыв мы посвятим в честь победы над японскими самураями, и он останется в памяти на всю жизнь.

– Уведите, – сморщился Слотин. – Обоих.

Когда красноармеец с винтовкой вывел Удалова и Узкова из палатки, он добавил с несвойственной ему злостью:

– Клоуны, чёрт возьми!

Удалова и Узкова посадили на гауптвахту на десять суток. Слотин доложил в штаб корпуса о происшествии, изложив его в своём донесении, как вооружённое столкновение при разведке местности. Вечером того же дня дзот, из которого были расстреляны безоружные красноармейцы уничтожила авиация бомбовыми ударами. Самурай-смертник, прикованный цепью к стене, как выяснилось позднее, сделал себе харакири.

16 сентября 1939 года все боевые действия в районе Халхин-Гола прекратились.

...Удалов и Узков отделались десятью сутками гауптвахты, однако, не были исключены из списка представленных к награждению. Оба они удостоились ордена Красной Звезды за последний яростный бой, заклеянный бойцами, как «схождение в ад».

Сталинградский пяточок

Осенью 1942 года на Сталинградском фронте сложилось критическое положение. Немцы неудержимо рвались к Волге. Ожесточённость боёв нарастала с каждым днём. Германская авиация принялась наносить сильнейшие бомбовые удары по жилым кварталам. Город за очень короткое время превратился в руины, непрерывно чадил, бои шли уже за каждый дом. Чтобы отстоять город, советское командование бросало на правый берег Волги всё новые и новые резервы.

312-й стрелковый полк, прибывший три дня назад для пополнения истекающей кровью дивизии на правом берегу Волги, стоял в деревне Зуевка в ожидании приказа на переправу.

Ветер дул со стороны горящего Сталинграда и приносил оттуда запах гари от сожжённого тола, мазута, железа и прочих материалов, которые горели и плавилась.

– Скорее бы на тот берег перебраться, – глядя на далёкие клубы дыма над городом, хмуро проговорил Василий Ромашкин.

Сергей Тимофеев повернулся лицом к другу, съязвил:

– Мандраж одолел?

– Три дня сидим у моря и ждём погоды. Не знаю, как ты, а меня угнетает ожидание, неизвестность давит на мозги.

– Раньше я что-то не замечал за тобой уныния, – усмех-

нулся Сергей. – Чувствительный ты стал, Вася.

– Станешь тут чувствительным, – хмуро отозвался Ромашкин. – Сегодня утром краем уха услышал, как переправлялось пополнение перед нами. Чертовски жутковато стало. Говорят, при переправе чуть ли не треть полка фрицы утопили в Волге, а ещё часть людей полегла потом уже на правом берегу, когда пробивалась к дивизии.

Василий на секунду умолк, продолжая вглядываться туда, где виднелись дымы. Потом, не оборачиваясь, добавил с тоской:

– В танке было бы спокойнее, всё-таки, броня – штука надёжная.

– Вась, кончай ныть, – буркнул Сергей. – Мы с тобой не по собственному желанию оказались в пехоте.

– Так-то оно так, – не успокаивался Васька. – Я, вообще-то, трусом себя не считаю и готов повоевать в пехоте какое-то время, коль остался без машины. Готов защищать город и биться с фрицами, но только в настоящем бою. Идти в атаку, стрелять в гадов, пропарывать фашисту пузо и намазывать его кишки на штык. А утонуть в реке, не успев даже выстрелить ни разу – глупая и нелепая смерть. Такой смертью я мог бы умереть и дома, в родной реке. Стоило ли тащиться в такую даль, чтобы захлебнуться в Волге? Разве не так?

– Что поделаешь, если наш эшелон немцы разбомбили и технику погубили? Хорошо, хоть сами живы остались. Со-

седний вагон, вон, в полном составе взлетел на воздух. Куда нас теперь пристроить? Не оставить же в прифронтовой полосе в ожидании, когда вернутся из ремонта покалеченные танки? За Волгой сейчас не хватает защитников, а тут неожиданно затычка из танкистов подвернулась. Вот и решили нами заткнуть образовавшуюся брешь.

– Тут всё понятно, как дважды два, – согласился Василий. – Мы с тобой рядовые солдаты, командирам виднее, какую дыру нами закрывать.

Друзья сидели на покосившемся крыльце чудом уцелевшего дома от разорвавшейся неподалёку бомбы. Деревня была полуразрушенной от налётов немецкой авиации. Люди давно ушли отсюда, опасаясь частых бомбёжек с воздуха. Увели с собой всю живность, включая собак. По крайней мере, за все три дня в деревне ни разу не послышался собачий лай.

– Тут тишина, как на кладбище, – выговорил Ромашкин спустя несколько минут. – А на той стороне молотилка работает круглые сутки. Стучит и стучит, зараза. Даже здесь невозможно спать под такую музыку. Как же там спят бойцы?

– Завтра узнаешь, – ответил Сергей.

– Ага. Если немцы не отправят нас на корм рыбам, – усмехнулся Ромашкин.

В это время из соседней избы, где находился штаб полка, вышли офицеры и скорым шагом направились к своим под-

разделениям. Лица их были сосредоточены, никто не улыбался.

Через полчаса весь полк был построен перед штабом. Командир полка, человек небольшого роста на коротких кри-вых ногах медленно двигался вдоль строя. Иногда он оста-навливался напротив какого-нибудь солдата, интересовался, откуда тот прибыл, каким оружием владеет. Получив ответ, молчаливо кивал головой и шагал дальше. Остановившись напротив Тимофеев, спросил:

– Доводилось воевать?

– Никак нет! – ответил Сергей. – Прибыл на фронт после окончания курсов механиков-водителей танка.

– Стрелять из винтовки учили на курсах?

– Так точно! И не только из винтовки. На полигоне дове-лось пострелять из ручного пулемета и даже из противотан-кового ружья.

– Это хорошо, – одобрительно сказал командир полка. – На той стороне все твои навыки пригодятся, солдат. А насчёт танка не переживай. Вот вышвырнем фашистов из города – пересядешь на свой танк. Будешь догонять драпающих фри-цев на броне и давить их гусеницами, фашистскую сволочь.

Командир полка перевёл свой взгляд на Василия Ромаш-кина, хотел и его спросить о чём-то, но передумал и двинул-ся дальше вдоль строя.

– Этой ночью нашему полку предстоит переправиться на правый берег, – отрывисто проговорил он, остановившись

посредине строя. – На той стороне дивизия истекает кровью, там с нетерпением ждут подкрепления. Защитникам Сталинграда сейчас приходится нелегко. Бои идут за каждый дом, за каждый метр городской застройки.

Командир полка умолк на некоторое время, поводя взглядом по лицам солдат. Он знал, что немалая часть этих людей не доберётся до окраины города и погибнет ещё в пути. Кому-то судьбой уготовано быть сброшенным взрывной волной с палубы катера в холодную воду Волги, а кому-то суждено пожить еще некоторое время и погибнуть часом позже от вражеской пули, взобравшись на противоположный берег, и успеть пробежать с криком «ура!» несколько десятков метров. Кто-то из этих солдат уткнётся лицом в землю чуть позже, уже в конце километрового промежутка ада по изуродованной снарядами земли, который следует преодолеть, чтобы достичь передовых позиций защитников города, и самим стать защитниками чадящих руин.

Всё это ещё предстояло быть, а боевой коренастый майор на кривых ногах вглядывался сейчас в лица напрягшихся бойцов первой шеренги, будто пытаясь разглядеть среди них тех, кому выпадет счастье остаться в живых, с кем ему потом предстоит обживать в разрушенных домах, превращая их в неприступные крепости.

– До наших боевых позиций рукой подать, – продолжил командир полка после непродолжительной паузы. – Но этот короткий путь будет кровопролитным, он простреливается

немцами со всех сторон. Успех прорыва к окраинам города будет зависеть от каждого из вас. Я надеюсь, в нашем полку не окажется трусов, которые от страха за собственную жизнь будут прятаться за спинами своих товарищей. Страх надо преодолеть сейчас, на этой стороне, для этого есть ещё пару часов, а на правом берегу смело вступить в бой с фашистами. Вот так, товарищи бойцы. Иного нам с вами не дано. Конкретные задачи перед вами поставят ваши непосредственные командиры. Разойдись!

С наступлением темноты к берегу на малых оборотах причалили катера. Началась погрузка. Предупреждённые о соблюдении тишины, бойцы переговаривались шёпотом.

Катера отчалили от берега без ходовых огней. Едва они преодолели около полусотни метров – начался артиллерийский обстрел покинутого берега, затем в ночном небе послушался гул немецких самолётов. Они сбросили осветительные бомбы, и катера стали видны, как на ладони. Тотчас загорелись прожекторы, принялись шарить по небу в поисках невидимых самолётов. Торопясь, заухали наши зенитки с окраины Зуевки.

– Ну, вот, началось! – глухо прорычал Василий Ромашкин и сплюнул на палубу со злостью. – Как я и предполагал. Сейчас примутся нас топить, суки, как слепых котят!

Сергей ничего не ответил. Он стоял, вцепившись мёртвой хваткой в металлическое ограждение и с участившимся биением сердца смотрел в небо. Где-то внутри, казалось, обра-

зовался большой жгут, который, медленно вращаясь, наматывал на себя все внутренности, подтягивая их к горлу.

Первая бомба упала в реку далеко за ними, почти у самого берега, не причинив вреда переправляющимся. За ней следом посыпалось сразу несколько, образовав на поверхности громадные водяные столбы. Они тоже не достигли цели. А через минуту мощный взрыв раздался совсем рядом, бомба угодила в соседний катер. Было видно, как судно с развороченной кормой потеряло ход, остановилось и стало крениться. Уцелевшие бойцы в панике заметались по палубе. Осветительная бомба догорела и погасла, а когда зажглась следующая – Сергей с Василием не увидели уже ни катера, ни бойцов. Их успела поглотить пучина. Река бурлила, пенилась, вздымалась высокими водяными столбами от разрывов бомб и казалась кровавой. Вокруг клокотало, ухало, стонало и кричало. Весь путь до берега прошёл, как в кошмарном сне.

Едва катер ткнулся бортом о полуразрушенный причал – напуганные и мокрые бойцы молниеносно перепрыгнули на дощатый настил.

– Вперёд, не задерживаться! – послышался голос командира взвода. – Все за мной! Бегом марш!

– Пронесло, – выдохнул на бегу Василий. – Мы с тобой живы, Серёга! Теперь нам сам чёрт не страшен!

Солдатам, пережившим кровавую и безответную переделку на воде, казалось, что на берегу у них появилось больше

шансов остаться в живых. Но в этот момент никто из них не мог предположить, в какую мясорубку отправит их судьба уже совсем скоро.

Фашисты выждали, когда высадившееся подкрепление поднимется по круче, и открыли по нему плотный огонь из всех видов оружия. Роты, не успев выдвинуться на запланированные участки обороны, кучно залегли у самой кромки берега. Враг не давал возможности поднять головы.

Так продолжалось минут десять, потом стрельба немного стихла. Приподняв головы, в отвесах взрывов и бледного зарева пожара на окраине города, Сергей и Василий увидели впереди метрах в трёхстах большую группу немцев, идущих в полный рост. Они шли в атаку. Справа вдоль берега двигалось несколько танков. Просчитать их точное количество в темноте Сергею не удалось. Наступающих фашистов поддерживала артиллерия. Танки остановились и начали стрелять по пятаку, на котором распластался потрёпанный на воде 312-й стрелковый полк.

И тут послышались хриплые команды артиллеристов с уцелевшими орудиями. Они успели поднять свои пушки и миномёты по береговой круче и приступили к стрельбе. Миномёты «работали» по немецкой пехоте, пушки вели прицельный огонь по танкам.

А плотные немецкие цепи тем временем приближались. Сергей видел, как немецкие солдаты падали под разрывами мин, но продолжали идти в полный рост.

Он лежал рядом с Василием в воронке от артиллерийского снаряда. В ней ещё присутствовал запах сгоревшего тола, вспоротая земля была рыхлой и теплой.

– Скажи, Серёга, страшно, да? – спросил Ромашкин друга, переводя дух, когда они скатились в воронку. – Сейчас нас поднимут и поведут в контратаку.

– Страшно, но в штаны не наложу, это факт! – тяжело дыша, отозвался Сергей, высунув голову из воронки. – Назад нам с тобой, дружище, дороги нет. Теперь только вперёд, к развалинам. Там наше спасение.

Первая цепь немцев приближалась всё ближе и ближе. Фашисты шли, не останавливаясь, хотя вокруг них рвались мины и по ним вёлся шквальный пулемётный огонь. Было видно, как часть из них падала и больше не поднималась, другие же с необъяснимым упорством продолжали идти вперед. Словно совсем не замечали рядом сражённых насмерть сослуживцев.

– Как заговорённые, ё-моё! – выдохнул рядом Василий. – Прут и прут! Будто белены объелись!

Где-то справа от них послышался надрывно-хриплый голос комбата:

– Приготовиться к контратаке!

Команду тут же продублировал ротный, добавив:

– Прорываться будем на свой участок по левому флангу!

– Вась, не поверишь, чувствую себя, как перед стартом на стометровке! – проговорил Сергей взволнованно.

– Оно так и есть, – пробурчал со злостью Ромашкин. – Сейчас комбат пальнёт из ракетницы, как из стартового пистолета, и побежим мы все, сломя голову к финишной ленточке. Только вот я, в отличие от тебя, Серёга, испытываю в данный момент совсем иное чувство.

Василий не успел договорить, что он испытывает, как комбат выстрелил вверх одновременно из двух ракетниц и с надрывом прохрипел:

– В атаку, вперё-ёд!

Василий с Сергеем выскочили из воронки и, сутулясь, как будто в такой позе было безопаснее, побежали следом за хрипящим комбатом.

Вокруг них визжали пули, где-то справа ухнули два разорвавшихся снаряда. Над головой Сергея просвистел осколок. Комбат проголосил «ура!», его тут же подхватили все бегущие и этот леденящий душу крик моментально заполнил всё пространство.

Вражеская цепь была совсем близко, казалось, ещё несколько минут и рукопашной схватки не избежать. Но всё произошло иначе. Бежавший впереди комбат вдруг остановился, постоял пару секунд и упал на спину, разбросав руки. Бойцы некоторое время продолжали ещё бежать, но чей-то властный голос сбоку прокричал:

– Ложись! Немцы на расстоянии выстрела! Стрелять прицельно!

И все бегущие попадали на землю. Началась беспорядоч-

ная стрельба. Сергей взял на мушку здорового немца и выстрелил. Немец продолжал шагать, как ни в чём не бывало.

«Промазал!» – мелькнуло в голове Сергея. Он передёрнул затвор винтовки и вновь прицелился. И опять промазал. Где-то внутри закипела злость на себя. Сергей задержал дыхание, и только потом потянул крючок на себя. Немец будто споткнулся и упал.

«Неужели убил? – радостно пронеслось в сознании Сергея. – Я убил немца? Нет, не убил. Уничтожил. И не человека, а врага. Что это я не стреляю? Почему остановился? Нужно стрелять, не останавливаться. Теперь вон в того, который шёл рядом. Сергей вновь прицелился. Но немец упал раньше, чем он потянул на себя курок.

«А, чёрт! – чертыхнулся Сергей с досады. – Кто-то меня опередил. Может, Васька?»

Он покосился на Ромашкина, который распластался неподалёку и вёл огонь.

От плотного огня немцы, наконец, залегли, потом стали отходить.

Командование 312-го полка понимало, что дальше не продвинуться. Наступило небольшое затишье. Поступила команда окопаться, чтобы закрепиться на достигнутом рубеже. Какой приказ последует дальше – никто из бойцов не знал.

Окапывались спешно, с тупым остервенением вгрызаясь в землю сапёрными лопатками. Немецкая артиллерия про-

должала перепахивать землю, но снаряды рвались уже реже.

– На кой хрен окапываться, коль скоро побежим дальше? – проворчал Ромашкин. – Можно было и в воронках отлежаться до следующего броска.

– Кончай брюзжать, – тяжело дыша, оборвал друга Сергей. – Что если танки попрут на нас? Для чего-то же они здесь появились? Куда побежишь? Подавят нас на ровном поле, как клопов на простыни.

Васька умолк, представив, очевидно, как на него движется немецкий танк.

Передышка продлилась недолго. Едва бойцы отрыли неглубокие окопчики, а санитары оттащили к берегу убитых и раненых, послышался гул орудийных выстрелов и пулемётных очередей с вражеской стороны. Немцы вновь пошли в атаку. Всё повторилось, как в предыдущий раз. Задрожала земля, засверкали огненные всполохи, от дыма и гари запершило в горле.

Немцы и на этот раз шли длинными шеренгами в полный рост. Вероятно, они были в полной уверенности, что оттеснят высадившийся десант обратно к реке, сбросят его в студёную воду и потом добьют оставшихся в живых с береговой кручи.

Зарывшиеся в землю красноармейцы встретили фашистов плотным прицельным огнём. На левом фланге успела занять позиции полковая рота 82-миллиметровых миномётов. Она без промедления открыла огонь по атакующей цепи

немецких солдат.

Повторную атаку фашистов удалось отбить, но из-за непрекращающегося массированного огня немецкой артиллерии и танков пришлось вернуться на исходные позиции. Немцы, прорвавшие линию обороны на северном участке фронта 62-й армии, имели цель выйти к берегу Волги и закрепиться на захваченном плацдарме. Достижению их цели помешал высадившийся на правый берег 312-й стрелковый полк. Это стало полной неожиданностью для немцев. Натолкнувшись на упорное сопротивление со стороны десанта, они временно отступили, и, по всей вероятности, решили выждать до утра, чтобы в светлое время визуально определить силы противостоящего им десанта.

Прорвавшаяся группировка немцев в корне изменила задачу, поставленную перед командиром 312-го полка. Связавшись с командиром дивизии, он получил приказ: немедленно контратаковать противника и не допустить его выхода на берег Волги.

– Нужно продержаться сутки, майор! – прокричал командир дивизии в трубке. – Завтра ночью с левого берега тебе придёт подкрепление. На линии обороны брешь за это время ликвидируют. Возьмём немца в кольцо и уничтожим, а ты продолжишь свой путь. Держись, Ерохин.

– Легко сказать: продолжишь свой путь, – недовольно проворчал командир полка, передав умолкнувшую трубку радисту. И уже про себя подумал: «Если будет с кем продол-

жить этот оставшийся путь. Там, в развалинах ждут стрелковый полк, а я приведу туда батальон, а то и вовсе всего лишь потрёпанную роту. А может случиться и так, что эту оставшуюся роту приведу на окраины города уже не я, а кто-то другой».

Пока было сравнительное затишье, и командир полка ставил перед командирами подразделений новую задачу, красноармейцы, попрятавшись в окопы, отдыхали.

– Бегаем туда-сюда, как бараны в загоне, а ворота для выхода никак не найдём, – со злостью проговорил Ромашкин, сидя в углу окопа. – Скоро светать начнёт. Если не прорвёмся до рассвета – хана нашему полку. Будем у немцев как на ладони, они вызовут авиацию и перебьют нас, как пить дать.

– Кончай хандрить, Васька. И не хорони себя раньше времени, – проговорил Сергей, высунулся на мгновение из окопа, осмотрелся, и снова занял место в противоположном углу. – Прорвёмся. Я в этом уверен. Отцы-командиры не дураки, найдут правильное решение. Мы с тобой ещё на танках повоюем.

Убедительный тон друга подействовал на Ромашкина. Спустя некоторое время он стал рассуждать о предстоящей контратаке.

– Я ещё на левом берегу слышал от одного миномётчика, что у них на вооружении есть дымовые мины. Вот если бы они шарахнули ими по немцам – мы бы и проскочили. И ещё неплохо было бы, если бы со стороны развалин нас поддер-

жали огнём. Хлобыстнули бы фрицам сбоку.

– Не будет этого, – заявил Сергей. – Там просто некому нас прикрыть, и боеприпасов у защитников нет. Ты же слышал о их положении. Они сами ждут не дождутся, когда мы придём им на помощь.

– Так-то оно так, и всё же...

– Спасение утопающих – дело рук самих утопающих, – совсем невесело проговорил вдруг Сергей. – Я вот что сейчас думаю, дружище...

Сергей внимательно посмотрел на друга и не успел закончить свою мысль. Совсем рядом разорвался снаряд, друзья вздрогнули и инстинктивно втянули головы в плечи, плотнее прижались к стенке окопчика.

– Этих немцев здесь не должно было быть, – продолжил Сергей, вслушиваясь в кратковременное затишье. – Комбат говорил, что нам предстоит преодолеть прибрежную полосу под шквальным огнём артиллерии и пулемётов. О присутствии здесь немцев ни сказано было ни слова. Я думаю, фашистам удалось на каком-то участке прорвать нашу оборону, и они двинулись к берегу, чтобы захватить плацдарм. Но тут неожиданно появились мы и спутали им все карты. Теперь, как я полагаю, нашему полку предстоит здесь задержаться, прежде чем снова рвануть к «Баррикадам». Комполка поставит задачу отбросить немцев назад. Будет жаркая схватка.

– Ты стратег, Серёга, – одобрительно отозвался Ромашкин. – Выходит, зря я костерил отцов-командиров насчёт ры-

тья окопов?

– Выходит, зря.

– Как думаешь, сколько времени потребуется нам, чтобы положить здесь на лопатки всех гансов-фрицев?

– Спросил бы что попроще, – грустным голосом ответил Сергей. – Я всего лишь рядовой Тимофеев, а не командир полка. Хотя и он вряд ли ответит на твой вопрос.

– Это почему?

– А потому, Васёк, что на данный момент он не располагает сведениями о силах и средствах вынырнувшей нам навстречу немецкой группировки.

– Да, Серёга, наверно, ты мыслишь правильно, – с унылым оттенком в голосе протянул Ромашкин. Помолчав немного, он вдруг встрепенулся, позвал в темноте:

– Слышь, Серёга?

– Чего тебе?

– А вдруг немцы сейчас посовещаются меж собой и драпанут обратно, пока темно. Мы ведь им хорошо юшку начистили, верно? Зачем им терять голову?

– Блажен, кто верует, – усмехнулся в темноте Сергей. – Не для того они сюда прорвались, чтобы улепёгивать назад. Ты видел их танки?

– Ну, видел... и что?

– Как думаешь, для чего они сюда припёрлись? Чтобы с обрыва полюбоваться ночной Волгой и укатить назад?

– А что? Может, это у них была разведка боем?

– Ночью? Не городи чепуху. С рассветом они убедятся, сколько нас тут, чем мы располагаем и попрут с удвоенной силой – с танками и авиацией. Наши командиры, как мне кажется, именно так сейчас и рассуждают.

Друзья умолкли и даже задремали. Их зыбкий сон был прерван окриком старшины Ковригина:

– Тимофеев! Ромашкин! Спите, что ли?

– Никак нет, товарищ старшина! – соврал Ромашкин. – Наблюдаем за противником по очереди.

– Вижу я, как вы наблюдаете, – проворчал старшина, присев на краю окопа. – Отозвались только с третьего раза. Слушайте сюда.

В темноте лицо старшины было плохо различимо и было непонятно: то ли он гневается, то ли подтрунивает над необстрелянными бойцами.

– С этой минуты поступаете в моё непосредственное подчинение. Вы и ещё те бойцы, что справа от вас. Сейчас получите гранаты и ждите моих дальнейший указаний. Вопросы есть?

– Есть, товарищ старшина, – не колеблясь, проговорил Сергей.

– Спрашивай.

– Продвижение к «Баррикадам» отменяется?

– Какое может быть продвижение, когда немцы того и гляди сядут нам на хвост, а потом начнут лупить в спину. Это будет самоубийством для нас. Пока не отрубим этот хвост,

нам хода нет, бойцы. Через четверть часа начнёт работать наша артиллерия с левого берега, после чего полк пойдёт в атаку. Слева от нас санитары собрали раненых для отправки на левый берег. Мы с вами остаёмся здесь для их прикрытия на случай прорыва немцев с правого фланга. Это, конечно, маловероятно, но наш командир такую возможность не исключает.

– Во втором эшелоне, стало быть, – блеснул своими познаниями Ромашкин.

Старшина не ответил, выпрямился и метнулся к соседнему окопу.

– Это что же получается? – произнёс Ромашкин. – Мы в резерве?

– Во втором эшелоне, – съязвил Сергей. – Будем наблюдать за боем со стороны.

Друзья и предположить не могли, каким горячим окажется их «второй» эшелон уже через полчаса. А пока они принялись выколупывать небольшие ниши в стене, чтобы чуть позже разместить в них полученные гранаты.

Меньше, через четверть часа началась артподготовка...

Заменяв винтовки на автоматы и получив дополнительно по три связки гранат, Сергей с Василием сползли на дно окопа и ждали начала контратаки. Им казалось, что для них бой закончился и всё самое страшное осталось уже позади. Пройдёт какое-то время, закончится артобстрел с левого бе-

рега, в небо взлетят сигнальные ракеты и полк ринется на позиции немцев. В том, что полку на сей раз удастся смять немцев и обратить их в бегство, друзья ничуть не сомневались. Пугающая внезапность прошла, во время большой передышки командиры, конечно же, успели тщательно проработать предстоящий бросок и учли всё до мелочей.

Гранаты они получили на случай появления танков. Но танки их не пугали. Им почему-то казалось, что, если даже и прорвутся несколько танков – они далеко не пройдут. Их тут же уничтожат миномётчики или бойцы с левого фланга из противотанковых ружей. Они с Ромашкиным находились «во втором эшелоне», и гранаты им выдали так, на всякий случай.

Наши артиллеристы с левого берега подолбили позиции немцев с четверть часа и умолкли. Спустя несколько минут раздалась протяжная команда: «В атаку! Вперед!». Солдаты повыскакивали из окопов и под прикрытием дымовой завесы побежали на немецкие позиции. Сергей и Василий высулись из окопа и стали с интересом наблюдать за продвижением полка.

Немецкие танки появились совсем неожиданно. Они прорвались к береговой полосе незамеченными на правом фланге, рассчитывая, вероятно, зайти с тыла и ударить в спину ушедшим в атаку красноармейцам. Танки шли с потушенными фарами и на малой скорости. Подойдя совсем близко к бойцам «второго эшелона», танки включили фары и через

несколько секунд из стволов пушек изрыгнулись языки пламени, заработали их пулемёты, с немецкой стороны в небо ушли несколько осветительных ракет.

– Танки с правого фланга! – послышался голос старшины Ковригина. – Приготовить гранаты к бою! Не дрейфь, бойцы! Ща мы...

Последние слова старшины утонули в грохоте разорвавшегося снаряда. Там, где только что виднелась высунувшаяся из окопа его голова, зияла воронка. Земля дымилась, и в этой дымке в отблесках осветительной ракеты было хорошо различимо обезглавленное тело старшины.

– Ё-моё, Серёга! Старшине голову снесло! – заорал испуганно Ромашкин.

– Вижу, не слепой, – отозвался Сергей. – Не ори, он тебя уже не услышит. Командовать теперь некому, придётся драться самостоятельно.

Друзья насчитали десять танков. Шесть из них, не доходя до окопов, под прямым углом отвернули в сторону и, включив полные обороты двигателя, на большой скорости помчались догонять ушедший в наступление полк. Оставшиеся четыре танка, не доходя до крайнего окопа, остановились и открыли пулемётный огонь вдоль всей линии одиночных укрытий. Экипажи этих машин, по всей вероятности, не воспринимали серьёзно горстку бойцов, засевших в вырытых на скорую руку мелких и тесных земляных укрытиях. Они собирались по-быстрому расправиться с маленькой группой

безумцев и пуститься догонять своих.

Солдаты, засевшие в двух крайних окопах, уловили небольшую паузу между очередями, бросили в сторону танков по связке гранат и тут же скрылись в окопах. Гранаты не долетели до цели. Снопы от взрыва взметнулись далеко от бронированных машин. Два танка прекратили стрельбу и устремились на те окопы, из которых только что были брошены гранаты. Ревущие машины быстро достигли окопов смельчаков и принялись их утюжить, вращаясь на одной гусенице.

– Смотри что творят, суки немецкие! – прокричал в испуге Васька, сползая по стенке окопа. – Они и нас так раздавят!!

– Не паникуй, а шевели мозгами, дурень! – выдохнул Сергей.

– Как?! Швырнуть гранату не получится! Пулемёты лупят так, что башки не поднять. Высунешься – в секунду мертвец!

– Немцы на это и рассчитывают! Слушай сюда: как только танк приблизится к нашему окопу – у нас будет момент, когда мы окажемся под прикрытием его брони от дальнего пулемёта и будем уже вне зоны обстрела самого танка. Нужно воспользоваться этим моментом. Выскочим перед ним и откатимся в воронку слева от нас. Понял, братуха?

Простой расчёт Сергей спас их от верной гибели. Когда танк, отутюжив два крайних окопа и похоронив в нём заживо недавних хозяев, был на расстоянии нескольких мет-

ров, Сергей и Василий, рискуя попасть под гусеницы, резким броском выбросились из окопа и молниеносно перекатились в большую воронку. Танк лязгнул гусеницами совсем рядом, обдав друзей смрадным горячим выхлопом. Ромашкин с перепугу уткнулся лицом в землю и прикрыл затылок руками. Сергей же не растерялся, выполз из воронки и швырнул связку гранат вдогонку прогремевшему танку.

Когда он высунулся вновь, танк чадил. С брони танка в спешном порядке скатывались немцы в чёрных комбинезонах.

– Васька, бей гадов! – азартно прокричал Сергей, ткнув друга ногой, и прицелился в одного из них. Едва он успел выстрелить в крайнего немца, как другой фашист, уже стоя на земле, резко развернулся и выпустил по Сергею короткую очередь из автомата. Пули просвистели совсем рядом. Сергей скатился обратно в воронку. Васька приподнялся и с осторожностью выглянул наружу.

– А в кого стрелять-то? – с шумом выдохнул он.

– В фашистов с подбитого танка! – рыкнул на друга Сергей. – Как крысы брызнули в разные стороны.

– Так нету уже никого.

– Как нету? Куда они могли подеваться?

Немецких танкистов действительно не было видно. Даже того, в которого Сергей выстрелил.

«Трупа нет, видать, я промазал, – мелькнуло у него в голове. – Может, ранил? Где же они, чёрт возьми?»

Внимательно приглядевшись, он заметил немцев под дымящимся танком. Они спрятались за гусеницы и изредка огрызались короткими очередями из автомата и одиночными выстрелами из пистолета.

«Вот идиоты, – подумал Сергей об укрывшихся под чадящим танком фашистов. – Совсем скоро рванёт боекомплект и разнесёт вас на куски!»

Тем временем два танка, обходя слева и справа чадящую машину, вознамерились доделать работу своего предшественника. Всё повторилось, как и в предыдущий раз. Едва бойцы высунулись из окопов для броска гранат, как тут же были расстреляны. Один солдат сумел-таки выскочить из укрытия и, извиваясь ужом, пополз навстречу танку. Но и ему не удалось завершить замысел до конца. Оторвавшись от земли для броска, он вдруг дёрнулся от настигшей его пулемётной очереди и упал ничком вместе с гранатой.

Танки, вероятно, легко подавили бы и остальных защитников санитарного пункта, если бы вовремя не начали стрелять по ним миномётчики с левого фланга. Первый танк сразу же был подбит. Второй, отстреливаясь, попятился задом вслепую, норовя завалиться правой гусеницей в воронку, приютившую Сергей с Василием.

– Серёга, сигай скорее, он раздавит нас, сука стальная! – в ужасе закричал Василий и ринулся из воронки.

– Дурак! Наверху тебя нашей миной накроет! – прохрипел Сергей, стаскивая друга за ноги обратно в воронку и тут

же, не теряя ни секунды, швырнул гранату под гусеницы надвигающегося танка. Гусеница от взрыва лопнула, скатилась с опорных катков и вытянулась на земле во всю длину. Ревущая машина крутанулась на одном месте и остановилась у самого края воронки.

– Теперь не зевай! – прокричал Сергей и нацелил автомат на верхний люк. – Держи на прицеле механика-водителя, я лупану по верху.

– Есть! – отозвался Василий, будто получил приказ командира.

Фашисты не ожидали сюрприза из воронки и были уничтожены в считанные секунды. Четвёртый танк, который стрелял из пушки и поливал свинцом вдоль линии окопов с дальней позиции, развернулся и пошёл в обратном направлении. Миномётчики с левого фланга выпустили по нему ещё несколько мин, но немецкий механик-водитель, лавируя между деревьями, удачно уполз в лес...

Шёл 911-й день войны

Танковый батальон, в котором служил Иван Березин, на предельной скорости двигался по просёлочной дороге в сторону Курска. Где-то там, между селом Лучки и хутором Калинин, было очень жарко. После стремительного наступления немецких войск в течение суток им удалось смять оборону 51-й стрелковой дивизии и взять её в кольцо. Полки были обескровлены, потеряли оперативную связь между собой и действовали обособленно друг от друга, безуспешно пытаясь вырваться из окружения.

Иван гнал свою «тридцатьчетверку» в составе колонны без остановок уже целый час. Стоял июльский зной, обожжённые солнцем просёлочные дороги превратились в толстый слой пыли. В смотровую щель ничего, кроме густого пыльного облака, не было видно. Впереди идущий танк виднелся лишь тёмными очертаниями.

– Березин, заснул что ли? – раздался в наушниках голос командира, который вывел Ивана из воспоминаний.

– Нет, товарищ старший лейтенант, не сплю и даже носом не клюю, – бодро отозвался Иван.

– Если не спишь, чего тогда чуть не поцеловал задницу «пятнадцатого?»

– Так ни хрена ж не видно, товарищ старший лейтенант! Дорогу будто кто пеплом посыпал, забивает всё вокруг.

Едем, как сквозь песчаную бурю в пустыне. Песок на зубах скрипит, в горло лезет.

– Ладно, кончай базар, – незлобно проворчал старший лейтенант Саюшкин. – Буря в пустыне! Взбрeдёт же такое в голову! Гляди в оба, сержант, целоваться будем после войны!

«Да, целоваться будем после войны», – мысленно повторил Иван слова командира и вспомнил о последнем письме от Таисии. Его он получил ещё в марте, находясь в стрелковой части. До сих пор оно лежит у него в левом кармане гимнастёрки.

Таисия писала, что не смогла выдержать душевных пыток от разлуки с ним, записалась на курсы радисток, а после окончания ушла на фронт. Письмо было отправлено в день её отъезда, и больше весточек от неё он не получал. Причины могло быть две. Первая, наиболее объяснимая, заключалась в том, что у него сменился номер полевой почты. После освобождения Сталинграда их обескровленную дивизию отправили за Волгу на переформирование, они с Родиным попали во вновь сформированную танковую бригаду.

У Таисии, естественно, не было его нового адреса, ему же не был известен номер её полевой почты. Они потерялись в жестоком круговороте войны. Найти друг друга теперь можно было только через родственников.

Второй причиной, которой Иван страшился больше всего, могла быть отправка Таисии за линию фронта, ведь она хорошо владела немецким языком. Он понимал, что оттуда

вестей можно ждать очень долго, и это тяготило его больше всего.

«Интересно, как она выглядит в военной форме? – подумал Иван и почувствовал, как по телу растекается тёплая волна нежности. – Что стало с её косами? Заставили обрезать или разрешили оставить? Скорее всего, сама обрезала, знала ведь, куда направляется, и что её может ожидать в тылу у немцев».

«А ещё я заходила перед отъездом к твоей маме, – сообщила Таисия в конце письма. – Приходила твоя сестра Катерина, мы пили чай и много смеялись. Когда прощались, я растрогалась и шепнула на ушко твоей маме, что люблю тебя больше жизни и не удержалась, рассказала ей о нашей договорённости насчёт свадьбы после войны. Скажи, Ванечка, я правильно поступила, раскрыв нашу тайну твоей маме? Ты ведь не станешь ругать меня за это, правда? Не откажешься от своих слов, не отвергнешь меня, верно? Хотелось бы узнать твой ответ как можно скорее. Всё. Пока. Целую также нежно и ласково, как целовала тебя в нашем любимом гнёздышке на берегу Чусовой. А как это было, знаем только мы четверо: ты, я, река, да закатное солнышко. Твоя Таисия».

Колонна сбросила скорость и через полкилометра съехала с дороги в низину, остановилась. Саюшкин выбрался из танка, побежал в голову колонны.

Отсутствовал он недолго. Получив приказ от комбата, старший лейтенант поставил задачу перед экипажем, и танк

понёлся в сторону разъезда Беленихино.

Пока батальон был в пути, немцам удалось занять село Лучки, они оттеснили остатки 51-й дивизии к хутору Калинин, сжав кольцо ещё плотнее, и двинулись к разъезду Беленихино, рассчитывая захватить его с ходу.

Танковая колонна разделилась на две части. Одна часть во главе с комбатом двинулась к хутору Калинин, чтобы обеспечить прорыв остаткам дивизии из кольца, вторая часть с командиром роты на предельной скорости помчалась на перерез немецким танкам, движущимся к разъезду Беленихино.

Они успели вовремя. Немецкие танки были уже на подходе. Они выползали из балки, пройдя по ней незамеченной колонной, и разворачивались в ряд для наступления. Иван хорошо видел их в смотровую щель.

«Сейчас сойдёмся», – с волнением подумал Иван и вспомнил рассказы о танковых боях старшего сержанта Калиновского, с которым он лежал в госпитале. Механику-водителю перебило обе ноги пулемётной очередью, когда он выполз из горящего танка.

Калиновский был весельчак и балагур. Его нескончаемых баек и анекдотов хватало для всех категорий персонала госпиталя. Но главное, что уловил Иван во всех рассказах о танковых сражениях, была тактика поведения танкиста. Её он усвоил прочно и сейчас готов был применить наставления на деле.

Волнение возникло вовсе не от страха быть убитым. Этот страх у него если не пропал совсем, то выветрился из головы основательно уже через месяц уличных боёв в Сталинграде. Сегодня предстоял его первый бой в качестве механика-водителя, и он ни в коем случае не мог подвести своих товарищей, просто не имел на это права.

«Главное, Ванчик, держать нервы в кулаке, – давал совет Калиновский, узнав, что Иван собирается переходить к танкистам. – Железные нервы должны быть у тебя. Идёшь на немца в лоб до последнего. У фашиста нервишки слабые, он первым в штаны наложит и отвернёт со страха, подставится тебе боком. Тут уж не должен зевать пушкарь – должен успеть замазать ему в бочину «по самое не могу».

Немецких танков было вдвое больше.

«На каждый наш приходится по две штуки, – размышлял Иван, мёртвой хваткой вцепившись руками в рычаги управления. – А если кого-то из наших подожгут в самом начале, на мою долю придётся уже три немецких коробочки, чтобы выиграть этот бой. Славная драчка получается!»

Но задача перед ними не стояла, чтобы уничтожить все немецкие танки. Им предстояло задержать немцев на неопределённый период, не дать им прорваться к Беленихино до подхода подкрепления. Часть батальона, которая отправилась к хутору Калинин, после обеспечения прорыва должна была, как можно скорее, зайти к немцам в тыл.

Иван не отрывал глаз от своей цели – немецкого танка Т-3,

который шёл прямо на него и который предстояло уничтожить. Он находился от него уже на расстоянии около пяти-сот метров и с каждой секундой становился всё ближе и ближе. Ивану казалось, пройдёт ещё немного времени, и он увидит сверкающие глаза немецкого танкиста в узкой смотровой щели, неподвижно уставившиеся прямо на него.

– Сержант, видишь цель? – раздался в шлемофоне до удивления спокойный голос старшего лейтенанта Саюшкина.

– Вижу, товарищ старший лейтенант, – ответил Иван.

– Иди на него в лоб, не виляй. Держи машину ровно.

– Есть!

– Смотри-ка, хоботом не водит по сторонам, в нас упёрся стволом, гадёныш, – со злостью проговорил командир танка. – Сейчас стрельнёт пристрелочным.

И действительно, сначала Иван увидел клубок дыма, выскочивший из ствола пушки немецкого танка, затем столб огня и земли поднялся впереди, чуть левее траектории движения его тридцатьчетвёрки.

«Промазал, – с облегчением подумал Иван и снова напрягся в ожидании второго выстрела. Он знал, что лобовая броня его Т-34 способна выдержать снаряд немецкого танка, но было всё равно как-то не по себе. – А что будет дальше? Стрельнёт ещё раз, возможно, опять промажет, но будет и третий, окончательный. К тому времени мы с ним сойдёмся вплотную, врежет в смотровую щель, не промахнётся».

Иван на секунду представил, как танки на большой скорости влепятся друг в дружку и вздрогнул от страшной картинки.

«Главное, Ванчик, держать нервы в кулаке. Железные нервы должны быть у тебя. Немец первым наложит в штаны. Идёшь на немца в лоб до конца», – всплыли в памяти слова балагура Калиновского.

«А чего ждать? – задался вопросом Иван. – Лупить надо встречным! Пугануть гада, может он вильнёт, тут ему и влупить в бочину»!

– Березин! – прокричал Саюшкин. – Видишь овражек впереди?

– Ну?

– Гвозди гну! Дави на педаль до конца! Надо подскочить туда в тот момент, когда фриц нырнёт в эту ямку, либо захочет её обойти.

– Понял!

Расчёт командира танка оказался точным. Немец решил обойти стороной овражек и всего лишь на полминуты показал свой бок. Этого было достаточно для пушкаря-виртуоза из Казани. Татарин Байбеков вlepил сходу снаряд в немецкий танк. Тот задымил, крутанулся на единственной гусенице и встал.

– Молодец, Азат! – воскликнул радостно Саюшкин. – Березин, быстро разворачивайся, начинается ад!

Иван дернул за рычаг, стальная махина послушно развер-

нулась, понеслась в указанном направлении. Классическая схема боя пошатнулась, поле завертелось перед глазами Ивана. Пот обильными струями стекал по лицу, в голове звенело от ударов двух снарядов, которые ударили в броню по касательной. Танки горели с обеих сторон. Вокруг всё гремело, грохотало и скрежетало, удушливый дым пробивался в танк через смотровую щель, застилал глаза, разъедал горечью горло...

Немцы, несмотря на преимущество в численности, потеряли большое количество машин и, дрогнув, в спешном порядке стали отходить. Пуститься в преследование было заманчиво, но задача перед батальоном стояла иная. Не исключалась возможность и повторного наступления немцев на разъезд, а артиллеристы ещё не успели занять оборону.

Когда бой утих, танкисты повылазили из танков, расположились на земле, загалдели, кто-то стал сворачивать самокрутки, кто-то принялся стягивать сапоги, чтобы просушить влажные портянки, а кто-то просто лёг на спину и уставился неподвижным взглядом в бездонное небо.

Уцелевшие танкисты с сожжённых машин собрались в отдельную группу и устроились поодаль. Лица их были мрачные и скорбные, у некоторых головы были обмотаны бинтами. После передышки им предстояло похоронить погибших товарищей.

Экипаж старшего лейтенанта Саюшкина расположился в тени с левой стороны своего танка.

– Ну, что орёлики? У всех портки сухие или кому-то требуется просушка исподнего на солнышке? – с издевкой спросил он и остановил свой взгляд на Иване Березин. Ивану этот взгляд не понравился, показался если не презрительным, то явно издевательским.

За Саюшкиным водился грешок высокомерия и несдержанности. Ему ничего не стоило публично оскорбить человека, отmaterить или даже ударить. Но как командир танка он был отменный и удачливый, имел две медали и два ордена. За эти качества ему многое прощалось. Зная взрывной характер молодого офицера, люди предпочитали не связываться с ним. Так было до тех пор, пока в его новом экипаже не появился Иван Березин.

Участник сталинградских боёв, он не захотел мириться с выходками Саюшкина, решив при первом же удобном случае сбить с него спесь. Если бы его командир был кадровым офицером, солидным дядькой старшего возраста, такое решение вряд ли бы созрело в голове Ивана. В Сталинграде он научился прощать вспышки гнева изнурённых боями людей, уважать бесстрашных командиров. Но здесь был другой случай.

Саюшкин ничем не отличался от него самого. Отсутствие специального образования, незначительная разница в возрасте, не новичок на фронте. Иван тоже мог бы стать младшим офицером. На фронте это дело случая.

Поведение Саюшкина сформировалось ещё в детдоме, где

он воспитывался. В борьбе за выживание у воспитанников инстинктивно вырабатывалось стремление быть выше всех и сильнее всех. Такая установка утвердилась в его голове навсегда. Он добился своего: стал вначале верховодить пацанами, затем командовать взрослыми людьми. Но отношение к подопечным осталось прежним.

На срочной службе будущий командир был механиком-водителем, на войне стал командиром орудия. В начале сорок второго его направили на курсы младших лейтенантов, доверили танк. Звание старшего лейтенанта Саюшкин получил месяц назад, когда после госпиталя его направили во вновь формирующуюся отдельную танковую бригаду, в составе которой было всего три танковых батальона.

Березин лежал с ним в одном госпитале, они часто виделись на прогулках, но близкого знакомства не заводили. Иван знал о всех злоключениях Саюшкина в госпитале, о которых не знали его товарищи.

Однажды Иван оказался случайным свидетелем позорного поражения будущего командира в любовной схватке с медсестрой. Та отвесила бравому танкисту пощёчину и спустила нахального ухажёра с лестницы. Саюшкин знал об этом, поэтому относился к Ивану с настороженностью.

– А вы прощупайте, товарищ старший лейтенант, – не удержался Иван, принимая подковырку на свой счёт. – Просуньте руку в штаны и сразу определите. Может, у кого и мокро под задницей, только признаться в этом человек стес-

няется. Вы сразу выведете его на чистую воду.

– А ты, Березин, оказывается, и язва ко всему прочему, – сбросив улыбку с лица, сказал Саюшкин.

– Каков есть, другого из меня не выстругать, товарищ старший лейтенант, – занозисто произнёс Иван и пристально посмотрел в глаза командира. – И ещё мне хотелось бы знать: что вы подразумеваете под «всем прочим»?

По лицу Саюшкина пробежала волна негодования, желваки угрожающе пошевелились на щеках несколько раз. Однако, он сдержался, чтобы не нагрубить заносчивому подчинённому.

– Смелость, выдержка и неплохое вождение танка во время боя, сержант, – зло прищурившись, ответил Саюшкин. – А ты что подумал?

– Ничего я не подумал, просто любопытствовал. Не люблю недосказанность и тайные мысли.

– Я тоже не люблю, Березин. И не только это.

Наступила неловкая пауза. Заряжающий Житников, пригладив большой заскорузлой рукой жиденькие волосы на голове, задумчиво произнёс:

– Эх, жизнь ты, наша жизнь. Только что стояли в одной очереди для отправки на небеса, а через минуту уже и позабыли, что ворота туда ещё никто не затворил.

– Ты это о чём? – с недоумением в глазах спросил стрелок-радист Андрей Голдобин.

– О том, что человек многого не может понять в своей

жизни, – многозначительно произнёс Житников, глубоко затягиваясь ядрёным самосадам. Выпустив две густых струи дыма через нос, добавил:

– Пока не окажется в одночасье у этих самых ворот.

Житников Игнат Ерофеевич призвался на фронт из Архангельской области, из поморов, и было ему больше сорока лет. Он сам напросился в танкисты.

– Быстро бегать я не могу, а вот снаряды подтаскивать, да в ствол пушки отправлять – справлюсь, пожалуй. Силёнкой, да выносливостью природа не обидела, – заявил он на призывном пункте. Так и очутился он в танкистах, сменив несколько танков и два командира. Саюшкин стал у него третьим.

Все члены экипажа годились Житникову в сыновья, в том числе и старший лейтенант Саюшкин, которому месяц назад исполнилось двадцать пять лет. К советам Житникова прислушивались все, включая и командира, если эти советы касались организации фронтового быта. В технические премудрости он носа не совал, потому что в технике не разбирался и большую часть времени оставался молчалив. Однако, иногда этот седоусый и жилистый заряжающий удивлял своих товарищей странными размышлениями, за что и получил прозвище Мудрец. Вот и сейчас он затеял витиеватый разговор, смысл которого сложно было понять с первых слов.

– Ты, Игнат Ерофеевич, как всегда начинаешь напускать туман в наши головы, – насмешливо высказался Голдобин. –

Не пойму я тебя.

– А что тут понимать? – бесцветным голосом произнёс Житников, пыхнув самокруткой в очередной раз. – Жизнь человека на войне и гроша ломаного не стоит. Никто не может знать, когда погаснет его парус жизни. А коли так, надо каждую минутку направлять свежий ветер в паруса друг дружки, проживать эти минутки в мире и согласии. А вы, как молодые петухи, наскакиваете один на другого, бьётесь клювами, гордыню свою выпячиваете. К чему всё это? Люди все разные, и умом, и характером, и житейским опытом, но цель у них сейчас должна быть единой: бить фашистов. И точка. А кто из нас тут смелее, да храбрее – швейцар у небесных ворот потом определит.

Игнат Ерофеевич докурил самокрутку до ногтей, затушил её о каблук сапога и затолкал в пыль. Все члены экипажа уткнулись глазами в то место, где под слоем пыли скрылся огарок самокрутки. У них был вид пристыженных учеников. С минуту они молчали.

– Ерофеич, а про какие-такие паруса жизни ты тут нам наплёл? – спросил Голдобин, тряхнув белесым чубом. В его ярко-голубых глазах светилась хитринка. Он не относил на свой счёт слова укора Житникова, потому что никогда не вступал в противоречия ни с кем из танкистов. Был весел и сговорчив.

– Поверье есть у поморов, – не заставил себя ждать с ответом Игнат Ерофеевич. – При рождении ребёнка ангел при-

крепляет к его спине тень своих крыльев в виде паруса и отпускает в плавание по широкой реке жизни. Каждый человек волен плыть туда, куда ему заблагорассудится. Только вот парус этот изначально настроен таким образом, чтобы можно было плыть только по прямой линии. Чтобы свернуть в сторону, нужно сперва научиться правильно им управлять. Вот и осваивает такую науку каждый человек по-разному. Кто-то тычется в крутые берега и потом долго карабкается по круче наверх, кто-то попадает в омут и уходит на дно в начале своего пути, а кто-то на протяжении всей жизни плывёт только прямо и никуда не сворачивает. Вот такую притчу услышал я в детстве от своего деда.

– Да-а, любопытная притча, – задумчиво произнёс Голдобин. – Только, Ерофеич, что-то не возьму я в толк, как же правильно поступать со своим парусом? Плыть, куда кривая вынесет, или же почаще дёргать за канаты, чтобы жизнь была прекрасной?

– Этого не дано знать ни одному человеку на земле, – многозначительно заявил пожилой помор. – В познании и есть весь смысл жизни человека.

Пока танкисты рассуждали о смысле жизни, к их позиции подкатила «эмка», из неё выскочил офицер, передал что-то на словах командиру роты и снова укатил в сторону Беленихино.

Капитан Садырин, который остался с ними за комбата, собрал командиров танков и поставил новую задачу.

Через час, отдав почести погибшим в бою танкистам, передав раненых в медсанбат подоспевшей стрелковой части, поредевшая колонна снялась с позиции и двинулась в направлении хутора Калинин. Там было очень горячо...

Когда до хутора оставалось совсем небольшое расстояние, Иван через смотровую щель увидел на горизонте большие клубы дыма. Горел хутор. Ещё более мрачная картина предстала перед глазами, когда они подошли ближе.

В северной части большого поля на незначительном удалении друг от друга чадили несколько десятков неподвижно застывших машин с обеих сторон. Между ними неуклюже ползали немецкие и наши танки. Они огрызались вспышками выстрелов, пятились назад, прячась за бронёй чадящих машин, потом снова высывались, опять стреляли и осторожно выдвигались вперед. Казалось, бой был неуправляемый. Танки, словно кровожадные пауки, рыскали по полю в поисках добычи самостоятельно. Советская артиллерия, которая занимала позиции на окраине хутора была основательно разбита. Искорёженные орудия, задрав в небо стволы или уткнувшись ими в землю замерли в неестественном облике. Всё поле заволокло дымом и было усеяно трупами немецких и советских солдат. Казалось, пехота с обеих сторон была полностью уничтожена. С краю поля, на левом фланге, уцелело около полдесятка советских пушек. Они периодически

стреляли по немецким танкам, экономя снаряды.

– Да-а, покрошили тут наших мужичков в окрошку! – слышался голос Саюшкина. – Намолола фаршу калининская мясорубка!

«Где-то здесь должен находиться Васька Родин, – мелькнула тревожная мысль у Ивана. – Жив ли ты, верный мой товарищ и земляк?»

Едва он успел подумать о друге, как раздалась команда Саюшкина:

– Березин! Разворачивай машину влево! Будем заходить с фланга вслед за командиром!

Иван моментально рванул рычаг на себя, машина резко повернулась влево, затем полетела вперёд. Такой же манёвр сделали и две передних машины. Они понеслись к группе немецких танков, которые стремительно продвигались к позиции наших артиллеристов.

«Надумали подавить пушкарей, сволочи, – догадался Иван. – Командир решил пойти на выручку».

В этот момент рядом ухнул сильный взрыв. Танк подпрыгнул, Ивана швырнуло с сиденья, он ударился головой о стальной борт и потерял сознание.

Когда очнулся – в танке было полно дыма, мотор молчал.

– Что это было, командир?! – крикнул он и тут же схватился за голову. Она, казалось, готова была развалиться на части. Иван посмотрел на руки, они были в крови.

– Ваня! Живой, чертяка!? – обрадованно откликнулся

стрелок-радист Голдобин. – А я уж подумал, нашёл и тебя осколок через смотровую щель. Вся башка в крови, лежишь, как мертвяк. Давай вываливайся наружу быстрее – каюк нашей коробочке. Бомбой «Юнкерс» угостил. Гусеница перебита, башню заклинило, чудом не загорелись. Отличной мишенью стал теперь наш танк для немцев. Командир высунулся из башни – так его сразу осколком и срезало. Насмерть.

– Житников где? Что с Азатом? – спросил Иван, задыхаясь от дыма. – Они живы?

– Вываливайся скорее, пока не вспыхнули! В любую секунду огонь доберётся до топливного бака!

Иван открыл люк, выполз из него на землю, успел глотнуть пару раз полной грудью, и собрался отползти подальше от танка, но не успел. Рядом разорвался снаряд...

...Очнулся он уже в санитарной машине. Грузовик, натужно урча и подпрыгивая на ухабах, тащился по просёлочной дороге. Кузов был полностью устелен ранеными.

Иван сразу вспомнил, что с ним произошло.

«Андрей! Что с ним? – мелькнула мысль о Голдобине. – Успел выбраться или остался в танке? Что с Житниковым и Байбековым? Живы ли?»

Он медленно повернул голову сначала в одну сторону, потом в другую, пытаясь взглядом отыскать среди раненых хотя бы одно знакомое лицо. Никого из членов экипажа среди них не оказалось.

«Что со мной?» – подумал Иван, когда вдруг почувство-

вал боль в ушах. Кроме пульсирующей боли в ушах слышалось непрерывное попискивание, будто рядом билась в отчаянии попавшая в мышеловку мышь. Попробовал по очереди пошевелить конечностями – они к величайшей радости повиновались ему. Правда, левая нога выше колена отозвалась резкой пронзительной болью, а в правом плече забились горячими толчками кровь. Иван скосил глаза вдоль тела и увидел толстый слой окровавленных бинтов на бедре.

– Очнулся, слава богу, – послышался знакомый голос позади.

Иван попытался повернуть голову назад, чтобы взглянуть на говорившего человека, но резкая боль не позволила ему сделать этого. Он произвольно вскрикнул.

– Лежи Березин, лежи не шевелись, – тяжёлая заскорузлая рука легла ему на забинтованную голову. – Это я, Житников Игнат.

– Ерофеич, – радостно произнёс Иван. – Куда мы едем?

– В полевой госпиталь, – невесело отозвался пожилой заряжающий. – Куда же ещё мы можем ехать в таком состоянии?

– Как наши? – спросил Иван, спустя некоторое время. – Где они?

– Вдвоём мы с тобой остались, Ваня, – печальным голосом выдавил из себя Житников и немного передвинулся по днищу кузова, чтобы Иван мог сбоку видеть его лицо.

– Как... вдвоём? – переспросил Иван. До него не сразу до-

шёл смысл слов Игната Житникова. – Пересадили на другой танк?

– В другой мир они перешли, Ваня. Нет больше ни Андрюши, ни Азата. И Саюшкину ты больше никогда уже ничего не докажешь...

– Как их убило? – хриплым голосом спросил Иван.

Игнат ответил не сразу. Вероятно, он восстанавливал в памяти ушедший бой по минутам, чтобы ничего не упустить и рассказать всё то, что видел собственными глазами.

– Когда «Юнкерс» положил бомбу и танк наш умолк, командир решил осмотреться, что к чему. Долго возился с люком, пока смог открыть. А как открыл – его тут же сразило осколком. Я вытащил Саюшкина, положил в воронку рядом с танком, а сам отполз в небольшой овражек неподалёку. Стал ждать, когда вы появитесь, чтобы прикрыть в случае чего. Азат спрыгнул удачно, успел вовремя укрыться за гусеницей – вслед за ним очередь автоматная брызнула. Он тебя должен был вытаскивать. К этому времени из дымов выскочила небольшая группа уцелевших немецких танкистов. Они бежали прямо на нас. Голдобин был ещё в танке, срезал их из пулемёта. Через пару минут я увидел тебя и Голдобина. Он успел вылезти. И Азат в это время тебя заметил, изпод танка выполз следом за тобой. Тут вас всех и накрыло одним снарядом.

Житников умолк. Рядом с Иваном застонал раненый, потом стал бредить, громко выкрикивая отдельные слова.

– А ты как со мной оказался? – спросил Иван.

– Когда разорвался этот проклятый снаряд, я, грешным делом, подумал, что всех вас поубивало. Лежал в овражке и ждал, когда стрельба немного утихнет. Потом пополз, чтобы забрать оружие и сумку командира. У меня в магазине оставалось совсем мало патронов. Голдобин и Байбеков были мертвы, а ты оказался жив. Я и потащил тебя в овражек. А тут, откуда ни возьмись, немецкая пехота поперла на хутор вслед за танками. Заметили нас тобой. Пальнули. Я тебя успел столкнуть в овражек, а сам словил две пули. Одну – в руку, другую – в ногу. Слава богу, кости не задели. Обе на вылет прошли. Распластался я, прикинулся убитым. Немцы мимо прошли. Потом перевязал себя, тебе ногу перетянул. Крови ты потерял много, потому и очнулся только сейчас.

– Что было потом?

– Часа полтора пролежали мы с тобой в овражке. Ты в себя не приходил, всё время бредил, звал какую-то Таисью. С тобой я уже не мог уйти, и в одиночку ходок из меня получился никудышный. Так и лежали рядышком. Потом наши вдруг окрысились, в контратаку пошли. Отбросили немцев от хутора, тут же санитаров выслали с машиной. Подобрали нас. Едем вот на сортировку. Километров пять осталось. Там у нас железяки немецкие повытаскивают и развезут по тыловым госпиталям. Меня, думаю, поближе к передовой оставят, а тебя дальше отправят. Тяжёлое твоё ранение. Контузия, как-никак, ногу разворотило быстро и плечо порезало.

Месяца два-три проваляешься на койке.

– Спасибо, Ерофеич, – тихо произнёс Иван. – Ты мне жизнь спас.

– Ты, Ваня, молчи лучше, – сказал Житников. – Тебе нельзя много говорить. Узнал, что хотел, и ладно. В госпитале успеешь ещё наговориться.

Весь оставшийся путь прошёл, как в тумане. Иван то впадал в забытие, и перед глазами тотчас вставало улыбающееся лицо Таисии, то вновь приходил в себя и видел озабоченный взгляд Ерофеича.

Машина остановилась у приземистого навеса с дощатой крышей. Вместо стен по бокам был натянут брезент. Это и был полевой госпиталь, возведённый наспех. Вокруг него стояли машины и подводы с ранеными, сновали санитары с носилками. Тут же располагалась прачечная, на которой трудились пятёрка женщин среднего возраста. В их распоряжении были два пожилых солдата, которые таскали из ручья воду в вёдрах и выносили помой. На натянутых между деревьями множественных верёвках были развешаны выстиранные простыни, халаты, полотенца, бинты и разное тряпье.

– Большое тут хозяйство, – удивлённо проговорил Игнат Житников, обратив свои слова неизвестно к кому.

К их машине подошли четыре солдата-санитара, открыли задний борт, приставили деревянный трап. Двое поднялись в кузов, двое остались внизу с носилками.

– С прибытием, мужики, – выговорил один из них, стара-

ьясь придать голосу бодрый тон. – Из Вологодской волости есть кто?

Никто из раненых ему не ответил, и он замолчал.

Санитары сделали четыре ходки, прежде чем Иван оказался у них на носилках. Они подняли носилки и понесли под навес. Житников, опираясь на палку, попытался проследовать за ними.

– Тебе там делать нечего, – хмуро сказал один из санитаров. – Этого сейчас будут резать, а ты дожидайся своей очереди вон там.

Игнат посмотрел в том направлении, куда показал кивком головы санитар и увидел большую группу раненых, расположившихся прямо на земле.

– Я дождусь тебя, Ваня, – громко произнёс он вдогонку и поковылял к легкораненым.

А машины с ранеными всё прибывали и прибывали...

Иван Березин пролежал в госпитале больше трёх месяцев и вернулся в родную часть лишь в конце октября. Танковый батальон, форсировав Днепр, к этому времени успел продвинулся далёко вперёд. Старых боевых друзей Иван не застал – личный состав батальона обновился полностью.

Стремительное наступление, в котором поучаствовал Иван, длилось до первых чисел декабря, а потом замедлилось. Встретив упорное сопротивление немцев, передовые

части механизированного корпуса остановились на подступах к Кировограду.

Деревня Ново-Григорьевка лежала впереди на расстоянии двух километров от исходной позиции танкового батальона.

На полпути к ней земля вспучилась небольшой возвышенностью. На карте она значилась, как высота 107, 2. Эта высота за прошедшие сутки боёв несколько раз переходила из рук в руки немецких и советских солдат. К вечеру после очередной контратаки ею вновь завладели немцы.

Подступы к деревне были укреплены основательно. С северной стороны перед въездом в деревню немцы успели подтащить артиллерию, которая держала на прицеле всё пустое пространство между высотой и кромкой лесного массива на северо-востоке. Пустым, правда, оно было пару дней назад. Сейчас всё поле было изрыто разрывами снарядов и вспорото гусеницами тяжёлых танков. Разбитые и искорёженные машины в большом количестве замерли в смертельном облике. Часть из них, подбитая сравнительно недавно, продолжала ещё дымиться. Между сожжёнными танками земля была сплошь усеяна трупами обеих противоборствующих сторон.

Вечером прошёл небольшой снег, который припорошил следы ушедшего боя, словно в срочном порядке позаботился спрятать от сторонних глаз картину кровавой бойни. Через час эта страшная картина была накрыта скорбным саваном.

От батальона, в котором служил Иван Березин, осталось всего шесть танков Т-34. Остальные были сожжены или стоя-

ли посреди поля без стволов и башен. Другой батальон, шедший за ними во втором эшелоне, где-то затерялся.

Стрелковый полк, к которому был прикомандирован танковый батальон, занимал передовые позиции немцев, которые удалось отбить несколько суток назад.

Пехота полка и танкисты, выдворив немцев с первой линии обороны, без промедления прогулялись по ходам сообщений и заглянули в блиндажи, которые немцы покинули в спешном порядке. Поражало убранство помещений. В отличие от наших блиндажей, в них имелась входная дверь, а не плащ-палатка, прикрывающая проём. Внутри имелись настоящие кровати и мебель, на столах оставалась посуда из фарфора. Потолок был сооружён из толстых брёвен в три наката и обшит изнутри досками. Блиндажи были тёплыми, люди могли спать здесь без верхней одежды.

Немцы обосновались в этой деревне основательно. Они, по всей вероятности, не допускали мысли, что войска Красной Армии смогут форсировать Днепр до начала ледостава. Тем более не мыслили о том, что русские окажутся способными совершить столь стремительный прорыв вглубь территории от правого берега Днепра.

Танкисты заняли один из таких блиндажей и не предполагали, что придётся провести в нём не одну ночь. До этого в ходе операции по расширению плацдарма на правом берегу Днепра их танковая бригада двигалась вперёд по пять-десять километров за сутки. Переночевав в одной деревне, на

следующий день танкисты с ходу брали другой населённый пункт и ночевали уже в нём. Так они шли от самого Днепра.

Наступление застопорилось два дня назад. Это не стало полной неожиданностью для всех. Если широко шагать – штаны непременно порвутся.

Ново-Григорьевка оказалась хорошо укреплённым пунктом, взять который с ходу не удалось. Кроме ожесточённого сопротивления немцев ещё сказывались и негативные факторы, которые складывались на всём пути от Верхнеднепровска, который был захвачен с ходу после форсирования Днепра. Говоря языком солдат – выдохлись.

Кухня не поспевала, бойцы неделю питались одними сухарями. Люди не успевали выспаться, как поступал новый приказ на выдвижение. Заспанная, голодная пехота взгромождалась на броню, и танковая колонна с десантом снова мчалась вперёд. Сказывались значительные потери личного состава и техники.

Второй эшелон не поспевал за ними и не мог восполнить всех потерь. У пехоты тоже не намечалось существенного подкрепления. Все подразделения армии двигались своими коридорами, намеченными заранее. Пополнение формировали по ходу за счёт местного населения освобождённых территорий.

Иван лежал на топчане в углу блиндажа, накрывшись ватником, и не мог уснуть. Впервые за последние три месяца у него появилось какое-то незнакомое тревожное чувство. Он

перебирал в памяти все последние события и не мог понять, отчего вдруг в груди образовалось это странное волнение. Ему давно казалось, что он уже перестал бояться смерти, а ежедневные атаки воспринимал, как обычную работу, которую научился делать хорошо. Его теперь трудно было чем-либо испугать, тем более – удивить.

За год боёв перед глазами прошло столько ужасающих картин смерти, что, казалось, более страшных событий уже не будет никогда, потому что страшнее того, что ему пришлось испытать просто не может быть.

Завтра они обязательно отнимут высоту у немцев. Туда заташат свои пушки артиллеристы, а они, подминая гусеницами бегущих по склону фашистов, помчатся дальше брать эту неприступную Ново-Григорьевку. Только на сей раз не так безрассудно, как они пытались ломиться напролом прошедшие два дня.

Сегодня Ивану удалось засечь, откуда в деревне лупили в них «Фердинанды». Они стояли посредине деревни в замаскированных сараях. Таких самоходок было несколько. Их экипажу чудом удалось выйти из зоны обстрела этих «Фердинандов». Два Т-34, которые шли слева от него, сгорели у Ивана на глазах.

«Мне опять повезло, – мелькнула неожиданная мысль. – Уже больше года удача сопутствует. Сколько времени она может ещё продлиться?»

То, что это было везение – сомневаться не приходилось.

В Сталинграде погибли все его сослуживцы, с которыми он переправлялся через Волгу. Потом приходило пополнение на смену погибшим, но и оно в связи с ежедневной гибелью бойцов успело обновиться несколько раз.

Из того пекла они с Васькой Родиным выбрались, казалось, совсем случайно. Но и друга теперь больше нет рядом с ним. Он погиб тогда в бою под хутором Калинин, его обгоревшее тело извлекли из танка и похоронили в братской могиле. Васька остался лежать в курской земле навсегда.

Об этом Иван узнал лишь после возвращения из госпиталя. В тот день он впервые за время пребывания на фронте смахнул со щеки накатившуюся слезу. С трудом справившись с комком в горле, он дал себе клятву: будет теперь не просто воевать, выполняя поставленную задачу, а убивать этих гадов при любой возможности, с упоением давить гусеницами бегущие перед ним фигуры серо-зелёного цвета. С потерей друга в нём появилось беспощадное ожесточение не только против всяких гансов и фрицев, но и ко всему немецкому – танкам, пушкам, машинам, блиндажам...

– Что, Березин, не спится? – спросил его командир орудия Арефин. – В башке дурные мысли вертятся?

– Вертятся, – ответил Иван. – О жизни размышляю.

– А чего о ней размышлять? Сегодня жив остался – и слава богу. На войне глупо заглядывать далеко вперёд. Нужно радоваться тому, что подфартило сегодня. А завтра – это будет завтра. Так легче жить, Ваня.

– Совсем не думаешь о будущем? – удивился Иван.

– Совсем.

– Как тебе это удаётся?

– Каком кверху, – усмехнулся в полутьме Арефин. – Приказ такой себе объявил. Не выворачивать раньше времени душу наизнанку и точка. Думать начну в первый день после победы. Если, конечно, доживу. В чём я глубоко сомневаюсь.

– Почему? – спросил Иван, ловя себя на мысли, что сам с некоторых пор стал сомневаться в бесконечном везении. Он видел, как быстро сменяются вокруг него люди и не верил в собственную исключительность. К смерти он был готов, и, как ни странно, ему было жаль почему-то не себя, а мать, сестёр, Таисию...

– Потому что статистика – вещь неоспоримая. На войне бессмертных и неуязвимых не бывает. Я на фронте с первых дней, и на сегодня таких как я – уже единицы. А война ещё не скоро закончится. Скоро настанет и мой черёд, – обречённым голосом закончил Арефин. Кстати, которое число сегодня?

– Уже, наверное, пошло 19-е декабря, – ответил Иван.

– Значит, пошел 911-ый день моего пребывания на фронте, – каким-то невзрачным голосом произнёс командир орудия.

Павел Арефин был старше Ивана на четыре года, но выглядел намного старше своих лет. Когда началась война – он заканчивал срочную службу где-то на Украине, до демо-

билизации оставались считанные дни. Танковый полк, в котором он служил, успел поучаствовать лишь в одном бою. Потеряв все машины, остатки полка попали в окружение и несколько месяцев пробивались к своим. Потом судьба сложилась, как у многих других. Сначала пятились до Волги, потом наступали.

Арефин сменил пять экипажей, дважды отлежал в госпитале. Совсем недавно узнал, что вся его семья погибла в оккупации.

– Настроение у тебя, Паша, совсем не боевое, – сказал Иван. – С таким настроением воевать нельзя, нужно проситься в хозроту.

– Э-э, нет, Ваня, – встрепенулся Арефин. – Стоит мне увидеть цель, а затем хлопнуть по ней – моё настроение враз подскакивает до максимума.

В словах командира орудия была правда. Он действительно преображался в бою, бурно радуясь каждому удачному выстрелу. Арефин громко восклицал, когда его снаряд разносил вдребезги огневую точку немцев, и ругался матом, когда вражеский снаряд ударял по их броне.

Арефин умолк, пытаясь, вероятно, уснуть. Через полтора часа ему предстояло заменить в карауле заряжающего Сотниченко.

Мысли Ивана унеслись в родной посёлок. Вспомнилась Таисия, как наяву проплыло перед глазами их последнее свидание на берегу реки, в уютном гнёздышке.

«Где же ты сейчас, Таисьюшка? Почему не даёшь о себе знать?» – подумал он, представив её в очередной раз в военной форме.

В первое время, когда Таисия сообщила, что отправляется на фронт, Иван не мог представить её в солдатской гимнастёрке. В его памяти она осталась навсегда в ситцевом платье, в котором пришла на проводы. Но позже, увидев однажды молодых медсестёр, он мысленно поставил Таисию рядом с ними и нарисовал для себя её образ.

Иван долго ещё думал о своей девушке, пока не задремал.

В тревожной дрёме он вдруг увидел их встречу в каком-то незнакомом городе. Вокруг висел густой туман, домов нельзя было различить. Она бежала ему навстречу с распростёртыми руками и что-то кричала, а он стоял и не мог сдвинуться с места. Наконец, Таисия добежала до него, бросилась на шею, принялась целовать. Но Иван почему-то не чувствовал её поцелуев, как не чувствовал и её объятий. Девушка была холодной и невесомой, казалась какой-то полупрозрачной...

Но это был всего лишь зыбкий фронтальной сон.

Иван встретился во сне с Таисией в то время, когда её уже не было в живых. За две недели до освобождения Киева её арестовало гестапо. После мучительных пыток девушку расстреляли.

В разведывательно-диверсионной группе, где она была радисткой, её звали Анечкой. Аусвайс был выписан в немецкой комендатуре на имя Анны Павловны Семенченко. О Таисии

Савельевне Степановой никто из её окружения не знал.

Ещё не рассвело, когда комбат собрал к себе оставшихся командиров танков. Задача перед ними была поставлена очень быстро. Она была такой же, как и день назад, с небольшими поправками на изменение количества наступающих танков и уточнённые данные огневых точек противника.

Командир танка, лейтенант Егоров, был очень молод для своей должности. Он окончил танковое училище незадолго до форсирования Днепра и фронтовой порох нюхал всего два с половиной месяца. До отправки на фронт он работал трактористом где-то в Подмоскowie. О своей довоенной жизни он никому не рассказывал. Или стеснялся, или рассказывать было нечего. Егор Егоров был маленьким, щуплым и больше походил на подростка, нежели на командира. По причине своей неказистой внешности он старался держаться солидно и строго, чем вызывал иронические улыбки подчинённых. Однако, внешность вовсе не мешала ему командовать танком грамотно. Парень был смел и решителен, танкисты постепенно привыкли к излишней требовательности командира и перестали шушукаться за его спиной.

– Экипажу построиться! – крикнул Егоров, вернувшись от комбата.

Четверо членов экипажа нехотя повиновались педантичному приказу, встали в одну шеренгу у танка. Лейтенант раскрыл планшет, несколько секунд смотрел на карту.

– Слушай боевой приказ!

В течении минуты он в подробностях объяснил поставленную задачу перед остатками батальона, затем жестом руки подал знак подойти ближе.

Танкисты сгрудились вокруг командира, стали следить за его карандашом. Егоров показал на карте маршрут, по которому должны двигаться два танка, которым предстояло ворваться в деревню с тыла и провести разведку боем. Один из двух танков был их.

– Вопросы есть? – спросил Егоров, обводя строгим взглядом свой экипаж.

– Всё ясно, командир, – отозвался один за всех Павел Арефин. Он единственный из всего экипажа одобрял скрупулёзность в действиях командира и относился к его уставным требованиям без снисходительной ухмылки.

Лейтенант взглянул на часы, крикнул:

– В машину!

Через пару минут все шесть танков двинулись к высоте, стреляя по ней на ходу. За ними следом пошла пехота.

У подножия высоты два танка отвернули вправо и пошли вдоль леска в обход деревни. Их задача заключалась в том, чтобы вначале отвлечь на себя внимание, а потом, когда будет уничтожена артиллерия на высотке, уйти скрытно по дну балки и подойти к деревне с тыла. При благоприятной обстановке прорваться в деревню, по возможности разведать силы противника, затем поднять шум и быстро уйти обратно.

Немецкие артиллеристы, испугавшись захода противни-

ка с тыла, стали разворачивать сразу две пушки. Этим промедлением и ослаблением огня незамедлительно воспользовались башнеры тех танков, что шли на высоту прямо. Они очень оперативно расправились со всеми огневыми точками.

«Танки дело сделали, – отметил Иван мысленно. – Артиллерия на высотке разбита. Теперь пусть дерётся пехота. Мы двинемся на разведку боем».

– Березин! – раздался в шлемофоне голос Егорова. – Бери правее, прижимайся к лесу!

Иван рванул рычаг, тяжёлая машина резко развернулась и, набирая скорость, понеслась по низине. Второй танк под номером «30» последовал за ними.

Их предположение оказалось верным. С противоположной стороны деревни стояло только два орудия немцев. По одному на экипаж, как выразился перед боем Арефин.

Второй танк, отделившись от полоски леса, свернул в сторону и понёсся прямо на пушку. Танк Егорова продолжал идти вперёд по балке, не сворачивая. Командир хотел, вынырнув из балки, вынудить немцев развернуть пушку на себя, облегчив второму экипажу выполнение задачи на прорыв слева.

«Тридцатка» неслась вперёд и стреляла по огневой точке. Иван видел, как впереди рвались их снаряды. Они ложились рядом с целью, один из них попал в дом, тот загорелся. Уцелевшая немецкая пушка продолжала стрелять.

– Березин! Немец развернул орудие! Сейчас лупанёт! Вы-

ворачивай влево, подставляй лоб! Живо! – торопливо командовал Егоров.

Иван повернул корпус машины, старался держать танк ровно, понимая, что сейчас многое зависит от него. В следующую секунду он услышал команду «Огонь!» и тут же их танк сильно тряхнуло, Ивана отбросило на сиденье назад. Немцы оказались проворными. Снаряд, выпущенный немецким артиллеристом одновременно с выстрелом Арефина, ударил по броне с оглушительным грохотом.

– Ах ты, сволочь! – раздался в шлемофоне гневный голос Арефина. Он едва удержался, чтобы не свалиться вниз на боекомплект. – С первого выстрела хотел зажечь?! Хрен тебе на постном масле! Щас я тебе заткну пасть, падла! Понял?

Раздался ещё один выстрел.

– Ну, что я говорил?! – раздался в шлемофоне радостный возглас Арефина.

Иван видел результат его выстрела. Немецкая пушка подскочила вверх и упала на бок, вокруг неё неуклюже копошились несколько человек.

– «Тридцатка» горит, командир, – крикнул Иван, увидев впереди густую завесу дыма над вторым танком.

– Вижу! – ответил Егоров и тут же прокричал:

– Теньков! Не зевай!

– Понял, командир! – ответил стрелок-радист и без промедления нажал на гашетку.

Длинная пулемётная очередь прошла свинцом шевеля-

щиеся фигуры немцев. Они попадали на землю и больше не поднимались.

– Арефин! Бери работу «тридцатого» на себя.

– Есть, командир!

Иван услышал звук поворотного механизма башни. Арефин готовился к выстрелу.

– Огонь!

От выстрела Ивана привычно качнуло на сиденье. Он увидел, как подпрыгнула вторая пушка. Теньков без команды зачистил обслуживающий персонал батареи. Дорога была открыта.

Танк влетел в деревню, сбросил скорость и повернул на главную улицу. Она была в огне и дыму.

– Хорошо поработали наши пушкари, – сказал Егоров. – Теперь нам надо держать ухо востро. Где-то здесь спрячутся самоходки. Фрицы наверняка уже извещены о нашем присутствии, и готовятся к стрельбе.

Их танк медленно пополз по улице. Она была на удивление широкой. Вдруг впереди из дымящегося проулка немцы выкатили пушку и принялись разворачивать её в спешном порядке, направляя ствол в сторону их танка.

– Вперёд! – крикнул Егоров. – Давить гадов!

Танк, успев выстрелить один раз, на полном ходу смял пушку и понёсся дальше. Впереди с правой стороны из следующего проулка выползала самоходка, за ней следовал грузовик с солдатами в кузове. Немцы, по всей видимости, пе-

ребрасывали резервные силы на левый фланг боя, где разгорелась очередная бойня. Они не ожидали появления русского танка у себя в тылу.

– Арефин! Пушку вправо! По «Фердинанду» бронебойным! Огонь!

Арефин прямой наводкой «влупил» немецкой самоходке в бок. Та сразу же загорелась. Солдаты, завидев русский танк, стали в панике выпрыгивать из кузова. Теньков принялся расстреливать перепуганных солдат.

– Командир, разреши раздавить эту гадину?! – прокричал Иван.

Цель была заманчивой. Очень хотелось подмять под себя грузовик с оставшимися в кузове солдатами.

– Давай! – услышал он в ответ.

Иван развернул танк и на полном ходу врезался в грузовик. В считанные минуты с ним было покончено. В смотровую щель ему были видны обезумевшие глаза немецких солдат. Иван вырулил опять на главную улицу, и танк помчался дальше.

Они успели проскочить ещё несколько сотен метров, как вдруг увидели, как впереди с двух сторон из проулков выползли два «Фердинанда», направляя на их Т-34 свои стволы.

– Так вот вы где, суки крестастые! – воскликнул Арефин, прильнув к орудию. – Выползли из своих нор, нервишки не выдержали, да?

Он успел опередить немецких артиллеристов. Выпущенный им снаряд с первого раза поджёг одно из самоходных орудий. Второй «Фердинанд» ударил по ним, но снаряд разорвался в нескольких метрах от танка, брызнув осколками по броне.

– Мазилы, вашу мать! С сотни метров попасть не можете! – выругался Арефин и тут же выстрелил в ответ. Его снаряд достиг цели, но самоходка чудом уцелела, не загорелась. В следующую секунду она огрызнулась вспышкой огня, её снаряд угодил в лобовую броню танка.

Танк сильно тряхнуло, но броня опять выдержала. Арефин успел выстрелить два раза и поджёг самоходку.

– Вперёд! – прокричал Егоров.

Танк устремился к противоположному краю деревни, чтобы до конца выполнить задачу. В голове Егорова вдруг мелькнула шальная мысль: прорваться к своим на полном ходу через немецкие позиции с тыла. Но этой мысли не суждено было сбыться. В конце деревни на фоне горящего дома появился «Тигр».

– Арефин! – успел прокричать лейтенант и дальнейшие его слова утонули в оглушительном грохоте. Немецкий танк всадил в лоб Т-34 болванку с расстояния около пятидесяти метров.

Когда Иван очнулся, мотор уже молчал. Арефин с разорванным низом живота валялся на днище. Егоров и заряжающий Сотниченко были мертвы. Их посекло осколками.

Тенькову снесло голову.

Иван понял, что остался в живых лишь чудом. Снаряд пробил броню на уровне головы стрелка-радиста и прошёл через командира орудия. Ивана от удара сбросило с сиденья, на его долю досталось три осколка. Один попал в колено, второй рассёк правую руку, третий вспорол кожу на лбу.

Танк горел, заполняя внутреннее пространство едким дымом. Дышать становилось трудно. Кровь заливала лицо Ивана, нога была вывернута в колене и не сгибалась. Он попробовал открыть аварийный люк, но его заклинило. Взгляд упал на разбитый бензопровод. Под ним на днище растекалась лужа газойля. В любой момент он мог воспламениться. Иван подтянулся на руках к командирскому люку, распахнул его. Едва он выполз из люка – пламя из танка рванулось наружу. В эту секунду по броне брызнула автоматная очередь. Иван почувствовал, как обожгло левую руку и левую ногу. Он свалился на землю и на какое-то время потерял сознание. Когда очнулся – увидел бушующее пламя вокруг башни. Стиснув зубы от нестерпимой боли, пополз от танка. Он успел преодолеть всего несколько метров, когда раздался оглушительный взрыв. В танке взорвался боекомплект.

Иван Березин погиб мгновенно.

Шёл 911-й день войны...

Женский лесоповал

В середине января на Дальнем Тырыме начались сильные снегопады. Погода была тихой, безветренной. Крупные тяжёлые хлопья снега, кружась, плавно вальсировали в воздухе и, заканчивая чарующий глаз танец, бесшумно ложились на землю и на ветви спящих деревьев. Иногда в полдень снегопад прекращался, сквозь серые тучи на короткое время пробивалось солнце, и тогда кристальной белизны снег начинал искриться, сверкал многочисленными алмазами. Созерцать это сказочное зрелище долго не получалось – в глазах появлялась резь,плыли радужные круги. Валентина прикрывала веки и сидела, не шевелясь, несколько минут, вспоминая что-нибудь приятное.

Сейчас на душе у неё было полное спокойствие. Такое умиротворение наступило совсем недавно, после её поездки домой на Новый год. Теперь, вспоминая первый месяц своей работы на делянке, на лице её появлялась ироническая улыбка. А тогда...

... Страх и отчаяние преследовали её с утра и до вечера. В те дни норму удавалось выполнять лишь наполовину, причём, трудилась Валентина от восхода солнца и до наступления темноты. От душившей её обиды она плакала по любому поводу, а этих поводов было предостаточно. Плакала оттого, что дерево падало неудачно, зацепившись за соседний ствол

и ей приходилось отпиливать комель на весу, а он, проседа под собственной тяжестью, зажимал лезвие пилы. Она напрягалась изо всех сил, пытаясь вытащить его, но лезвие с противным хрустом неожиданно лопалось, оставаясь внутри ствола. Поскуливая от досады, она забивала в щель деревянный клин, освобождала обломок лезвия, и со слезами на глазах заряжала новое полотно. Все сломанные полотна сдавала мастеру. Тот, качая недовольно головой, выдавал пару новых и педантично делал запись в учётной карточке, чтобы потом по итогам месяца вычесть из зарплаты стоимость повреждённого имущества. Плакала, когда ель попадалась слишком витой, и ей в течение получаса никак не удавалось расколоть пополам отпиленное по размеру бревно. Отмахав целый день топором и кувалдой, наработавшись с тяжёлым ломом, поворачивая им непослушные стволы, к вечеру у неё немела спина, дрожали руки и ноги, и уже не оставалось сил, чтобы складировать брёвна. Она садилась и отдыхала. Потом, после небольшой передышки, преодолевая слабость, заставляла себя складывать колотые бревна в штабель. И только когда всё было сделано, безвольно падала на бревна. В ожидании Тараса ей удавалось немного набраться сил, чтобы добрести до барака.

Мастер, как правило, являлся к ней для обмера в последнюю очередь. Всё это время она сидела, находясь в прострации, не в силах шевелиться. Мозг в такие моменты не работал, мысли не рождались. Перед глазами, как в калейдо-

скопе, набирая обороты, кружилась радужная карусель. Тело становилось невесомым и вместе со цветной мозаикой начинало быстро вращаться, ввинчиваясь в странную тёмную воронку. Кружась, Валентина стремительно летела в бездонную пропасть. Страху при этом она не испытывала. Хотелось, чтобы полёт побыстрее закончился, и она смогла бы, наконец, достичь спасительного дна, где можно было лечь и не двигаться.

Через месяц стало легче. Она, к своему удивлению, быстро освоила нелёгкую профессию лесоруба и все трудности, как ей сейчас казалось, остались позади. Молодость взяла реванш, тело приспособилось к физическим нагрузкам и заматерело, в руках и ногах появилась сила и выносливость, четыре кубометра уже не являлись для неё заоблачной цифрой.

В начале декабря малочисленное женское общество приросло еще на четыре «рабочих единицы», как выразилась озорная выдумщица и остролов Феня. С ней Валентина подружилась с первого же вечера. Малорослая и худая, со смуглым лицом и чёрной копной волос на голове, она больше походила на отбившегося от табора цыганёнка, нежели на двадцатилетнюю женщину.

Тогда, возвратившись из леса и увидев в комнате Валентину, Феня радостно воскликнула:

– Ба, девки! Да у нас, как я понимаю, новенькая! Как звать-величать?

– Валя Куприянова, – улыбнулась Валентина, шагнула навстречу и протянула руку для знакомства.

Женщины обменялись рукопожатиями, назвали свои имена.

– Ну, всё, девки! Поход в столовку сегодня отменяется! – на правах старшей заявила Феня. – Будем ужинать здесь. Дождалась своего часа наша бутылочка беленькой. Доставайте свои заначки, гулять будем.

– Чего это ты тут раскомандовалась? – спросила сердито рыжеволосая женщина с золотистым пушком на верхней губе. Звали её Зиной, она была пухленькой, можно сказать, даже круглой, и чем-то походила на зрелую тыкву. – Кто тебе дал полномочия командовать обществом?

– У нас коммуна, Зинуля, и командуем мы по очереди, – невозмутимо отпарировала Феня. – Утром ты изгалялась надо мной, днём распоряжалась Любаша, теперь настала моя очередь верховодить вами. Так что, будь добра подчиниться.

– Мнение остальных тебя не интересует? Может, Валя не желает твоей пирушки, а, может, и я не хочу с тобой пьянствовать? Или вон, Любушка наша, ухайдокалась за день, бедняга, и на черта ей глотать полстакана твоей беленькой, когда и без водки хочется побыстрее обнять подушку.

– Вот потому вы, девки, и кукуете в одиночестве до сих пор, поскольку любите обнимать по вечерам только подушку, а не мужика, – с озорством поддела подруг Феня и заговорщически подмигнула Валентине. Не обращая внимания

на заявление Зины, она выложила на стол кусок сала и поставила рядом бутылку водки.

– Ой, кто бы говорил? – ввернула Любушка, доставая из тумбочки половину булки чёрного хлеба и завёрнутую в газету большую селёдку, – не ты ли раньше всех принимаешь горизонтальное положение?

– Это всё от того, что нет на нашем лесопункте нормальных мужиков, – в своё оправдание ответила Феня. – Одни выворотни собрались.

– Кто-кто? – переспросила Валентина.

– Выворотни, – повторила Феня. – Или ты не слышала такого слова?

– Нет, – призналась Валентина.

– Дерево так называется, которое бурей выворачивает из земли. Упадёт такое дерево и лежит на земле никому ненужное. А когда попадается людям на глаза, то ни на что уже не годится – короед ствол погрыз. Ни дом из него срубить, ни досок напилить. Так и остаётся лежать посреди леса, пока в труху не превратится. – Феня усмехнулась. – Пока гниёт, никто на него уже не зарится. Вот и наши мужики живут здесь так, будто их буря без корней оставила. Хвоя ещё зеленеет, а процесс омертвения уже запущен.

– И сколько здесь мужчин?

– Десять вальщиков, да четыре мужика на подводах, которые наши дрова к реке свозят – вот и все мужики. Ну, ещё Тарас – тарантас, божий одуванчик.

– И что, так уж и не найдётся среди них ни одного подходящего? – рассмеялась Валентина.

– На кой нам выворотни? – повесила вопрос Феня в пространство. Весь вид её говорил о внутреннем отторжении окружающих её мужчин. – У каждого из них в биографии тёмные пятна имеются, и, в довесок к этому, большинству из них уже за сорок перевалило – поздно уже женихаться.

Женщины переоделись в домашние халаты, присели за стол. Зина порезала сало и хлеб, Люба разделала толстую жирную селёдку. Валентина достала банку с квашеной капустой, выложила на тарелку. Командовала ужином Феня. Она отбила сургуч на горлышке бутылки, разлила водку по стаканам.

– Ну, девки, давайте вздрогнем! – Феня подняла стакан, держа его за донышко кончиками пальцев. – Первый тост за знакомство.

Водку пили все по-разному. Зина медленно цедила её мелкими глотками, Любаша опорожнила стакан в два приёма, Валентина осилила только половину налитой ей водки. Феня же, в отличие от подруг, лихо опрокинула содержимое стакана в рот одним махом.

– Ух, какая жгучая, зараза! – выдохнула она, и, морщась, тряхнула головой из стороны в сторону. – Кто только её выдумал?

– Вопрос не в том, кто водку выдумал, а в том, кто научил тебя её пить? – старательно жуя сало, поучительно прогово-

рила Зина.

– Детдом, кто же ещё? – не задумываясь, ответила Феня. – Там мы все очень быстро обучались дурным привычкам.

– Не все, – возразила Любаша. – Я вот знаю одного мужчину, тоже детдомовца, так он и не пьёт, и не курит.

– Ну, это, подруга, исключение. Скорее всего, твой знакомый или инвалид, или подкаблучник, или ещё в детдоме затюканным трусом стал. Других вариантов мне неизвестно.

На некоторое время все умолкли, набросились на закуску. Потом Феня наполнила стаканы по второму разу, произнесла:

– Предлагаю выпить за нашу дружбу! Здесь, в тайге, мы, женщины, особенно в ней нуждаемся. Друг даруется каждому из нас судьбой на всю жизнь, но потерять его можно в один момент. Это ведь очень просто: предать, обмануть, подставить, да мало ли существует подлых поступков? А потом, даже после глубокого раскаяния и прощения, друга уже не вернуть никогда. Давайте помнить об этом, девочки, давайте будем всегда стоять друг за друга горой, что бы не случилось с каждым из нас.

– Феня, ты такая умная, – растрогалась Люба. – Так красиво говоришь, что слеза невольно накапывается.

– Умная-то она только после первой рюмки, а потом её ум куда-то пропадает, – не удержалась и съязвила Зина.

Женщины будто не заметили сарказма Зины, все разом подняли свои стаканы и дружно выпили. Через минуту их

щёки раздумянились, они принялись расспрашивать Валентину о её жизни. Она рассказала о себе всё, без утайки, её новые подруги поведали о своих судьбах.

Феня, по её рассказу, после детдома сразу выскочила замуж за такого же обездоленного парня, оба устроились работать в леспромхоз. Через три года случилось несчастье – мужа придавило бревном насмерть, она осталась одна с двухгодовалым ребёнком на руках. Сейчас её сын находился на попечении знакомой бабки, которой Феня ежемесячно отвозила часть заработанных денег.

Любаша и Зина были старше своей подруги на два года. Зина успела побывать замужем, но разошлась через год после свадьбы. Дети обзавестись не успела. Любаша до сих пор оставалась старой девой. Обе когда-то учились в одном классе, потом их пути на время разошлись, и вот два года назад судьба вновь свела их вместе.

– До двадцати пяти лет прожила на кордоне с отцом, откуда там жениху взяться? – высказалась она с обидой в конце своего повествования, и из этих слов невозможно было понять, на кого она в большей обиде: на отца, который не отпускал её от себя, пока не скончался, или на свою незавидную судьбу?

Валентине с подругами повезло, они оказались порядочными и отзывчивыми. В тот памятный для неё вечер она поделилась с ними о своём страхе, пережитом на делянке, и о том, что на следующий день ей предстоит валить деревья

уже самостоятельно, без подсказок и страховки Тараса Михеевича. Выслушав опасения Валентины, захмелевшая Феня придвинулась к ней, положила свою заскорузлую ладонь ей на затылок, и, взлохмачивая волосы, пригрозила:

– Не смей завтра без меня валить ёлку, поняла? Хочешь, чтобы тебя придавило в первый же день? Не позволю, слышишь? Пока не убедишь меня, что можешь работать самостоятельно – я от тебя не отойду ни на шаг, уловила?

– Но ты же не выполнишь свою норму? – неуверенно запротестовала Валентина.

– К чёрту норму! – громко возмутилась Феня. – Человеческая жизнь не может ставиться на одни весы с нормами! Правильно я рассуждаю, разлюбезные мои подружки?

– Правильно, Фенечка, – ответила Зина. – Правильно на все сто процентов. Только вот кричать об этом на всю комнату не стоит. Давай-ка спать ложиться, беленькую мы приговорили, пора и на боковую.

Выпитая водка быстро сморила женщин. Забравшись под одеяло, они заснули почти мгновенно. А Валентина в ту ночь долго не могла уснуть. Обещаниям Фени она не поверила и посчитала это пьяной болтовнёй. Лежала, ворочалась, вспоминала все наставления мастера, готовила себя к завтрашнему дню.

... Валентина очнулась от воспоминаний, открыла глаза и увидела перед собой Феню. Утопая по колено в снегу, та двигалась к ней напрямиком по снежной целине.

– Ты что тут, уснула? – запыхавшись, спросила она. – Кричала, кричала тебя, а ты – ни гу-гу.

– Задумалась, ничего не услышала, – сказала Валентина. – Что-то случилось?

– Тарас-тарантас наведывался недавно, просил пораньше сегодня закончить работу.

– Что так? – удивилась Валентина.

– Мужиков наших провожать будем. На Койве новый лесопункт открывают, их туда перебрасывают.

– Всех что ли?

– Всех, кроме возчиков, тех пока оставили с нами, – пояснила Феня. – А к нам уже завтра прибывает женская бригада. Из эвакуированных набрали.

– Женский батальон, значит, пойдёт в наступление, – усмехнулась Валентина. – Что за бабы-то, хоть? Умеют ли с пилой да топором обращаться?

– Ой, подруга, даже и не знаю, не спрашивала.

– Ладно, приедут – сами увидим, какие из них вальщики, – снисходительно сказала Валентина загрубевшим от морозного воздуха голосом. Она даже не задумалась в этот момент, что всего три месяца назад сама страшилась вида падающей на землю могучей ели и ломала лезвие лучковой пилы по два раза на день. Валентина чувствовала себя сейчас опытным лесорубом. – От нас-то что требуется?

– Поварихе нашей, Пелагее, помочь надо. Скрючило беднягу. Рука отнялась и спина не разгибается.

Они посидели вместе минут пять, потом Феня отправилась на свою делянку.

Вечером коллектив лесопункта впервые собрался в полном составе. Маленькое помещение котлового пункта едва уместило всех собравшихся. Ранее таких сборищ не практиковалось. Поскольку в распоряжении поварихи посуды было недостаточно, питаться приходилось в несколько смен, по очереди. Первыми посещали столовую женщины, за ними следовали мужчины-вальщики, потом подтягивались возчики. Тарас Михеевич питался после всех вместе с Пелагеей.

Мужчины сдвинули столы, расставили по обе стороны по несколько табуреток, положили сверху на них длинные строганные доски, получились две лавки. Столы покрыли скатертями, лавки застелили невесть откуда взявшимися домоткаными половиками. Женщины разнесли несколько чугунков с дымящейся картошкой, поставили хлеб в тарелках. Раскрасневшаяся от работы у плиты, с блестящими глазами появилась Феня с большим жестяным подносом. На нём, блестя золотистой корочкой, покоились четыре зажаренных зайца. С четвертью самогона в руках появился сам мастер. Среди собравшихся пронёсся сдержанный гул удивления.

– Прошу рассаживаться, – распорядился Тарас Михеевич. – Кто с кем захочет. Только потеснее, товарищи, местов у нас, понимаете ли, в обрез, а разместиться надобно всем.

Тихо перешёптываясь между собой, смущённые мужики стали усаживаться за стол, плотно прижимаясь плечами друг

к другу. Женщины расположились на противоположной лавке. Обе стороны смотрели друг на дружку с нескрываемым любопытством, словно никогда ранее не встречались. Тарас Михеевич установил свой табурет во главе стола, но не сел на него, стоял подле и ждал, когда народ утомонится.

– Товарищи! – торжественным голосом начал свою речь «царь и бог» Дальнего Тырыма. – Сегодня у нас с вами особый день, потому как накануне произошло множество событий. О них я должен сообщить вам лично, такой указ получен мною утром по телефону от самого товарища Балдина.

Тарас Михеевич умолк на некоторое время, уткнув взгляд в листок бумаги, который держал в руке.

– Кто такой Балдин? – шёпотом спросила Валентина Феню.

– Ты, что, с луны свалилась? Это же директор нашего лесхоза.

– А у нашего Тараса какая фамилия?

– Царё-ёв, – с растяжкой ответила Феня и с удивлением покосилась на подругу. – Ты что, до сих пор не знала?

Валентина покачала головой из стороны в сторону:

– Нет.

– Мои сообщения будут вот какие, – Царёв повёл глазами сначала вдоль женской стороны, потом перебросил взгляд на мужскую половину, будто хотел уточнить, с какого же сообщения ему начать в первую очередь, после чего уткнулся в бумажку, стал читать:

– После победы под Москвой наши войска контратаковали противника и перешли в общее наступление на советско-германском фронте. Тяжёлые бои сейчас ведутся за освобождение городов Ржев, Вязьма и Дорогобуж. Фашисты яростно сопротивляются, но советское командование уверено, что в ближайшее время они будут выбиты из этих городов. После мощного напора нашей армии враг окончательно дрогнет и побежит назад. Товарищ Сталин призвал всех наших солдат и офицеров победоносно идти вперёд, и только вперёд, не отступая назад ни на один шаг. Для достижения скорейшей победы над врагом отечества, все граждане, оставшиеся в тылу, должны равняться на солдат-героев и сами становиться героями. Наш труд должен стать самоотверженным и благородным. Мы обязаны трудиться во имя победы над фашистами, не щадя ни сил, ни своего здоровья. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами! Ура, товарищи!

– Ура-а! – раздалась в ответ жидкая разноголосица.

На лесопункте отсутствовало радио, все важные новости передавались мастеру вестовым из головной конторы. Люди узнавали о положении в стране и на фронтах от мастера, когда собирались на ужин. Города, населённые пункты, фамилии военных начальников и героев боевых действий Тарас Михеевич записывал для памяти на бумажку, остальное передавал на словах. Сейчас из его уст прозвучала явно чья-то чужая речь, вероятнее всего, он записал часть обращения

парторга леспромхоза.

– Это, товарищи, я сделал первое сообщение, – выдержав небольшую паузу, продолжил Царёв. – Теперь будет второе.

В маленьком зале столовой наступила напряжённая тишина. Взоры собравшихся людей устремились к мастеру, в глазах каждого из них застыл немой вопрос: хорошим или плохим будет это второе сообщение?

Вновь уткнувшись в свой листок, Царёв продолжил читать.

– Metallургический завод перешёл на усиленный режим работы, выпуск чугуна и стали значительно увеличился. Фронт требует от заводов всё больше новых танков и пушек. Заводу не хватает угля, строевого леса и пиломатериалов. Руководство лесхоза и партийный комитет совместным решением постановили увеличить количество лесозаготовительных пунктов, а также пилорам. Их придётся строить с нуля, а для этого потребуются кадры, имеющие опыт работы в лесной промышленности. – Тарас Михеевич оторвал глаза от бумажки, снял очки и заговорил своим привычным говорком.

– Товарищ Балдин по этому случаю отписал мне приказ о переводе наших мужиков на новое место. Здесь, на Дальнем Тырыме остаются одни ба... женщины, то есть. Мужиков завтрава конным транспортом велено мне направить в Кусью. Там им всё расскажут и объяснят. Обратным рейсом возчики привезут замену мужикам – вакуированных жен-

щин. Будем расселять.

– Что они умеют делать, эти эвакуированные женщины? – спросила Зина. – Как будем выполнять план?

– Что умеют – покажут, чего не умеют – вы научите, – ответил Царёв. – А насчёт плана у нас будет особый разговор.

– Никак, круглосуточно заставляют работать? – не удержалась Феня. – Так для этого делянку надо осветить, чтоб видно было, как мы станем ложиться и подыхать на ней, а заодно следует и похоронную команду из Кусьи вызвать.

Сказав это незлобиво, без тайного умысла на противостояние, решив просто обратить на себя внимание мужиков, которые, вынырнув из толстой и грубой спецодежды, сбрив страшные бороды, оказались совсем не такими старыми, как ей ранее представлялось. Перед ней сидели не «выворотни», а солидные, но вполне привлекательные мужчины. Съехидничав, она и не предполагала, чем придётся заплатить за свой длинный язык буквально через несколько минут.

– Ты, Феня, не шуток, и не баламуть народ, – одёрнул ее Тарас. – Не до шуток ноне, и панику сеять ни к чему. Слышала, ведь, что фронту нужны танки и пушки? А из какой стали, да чугуна их вылить, коли в печах угля не будет? Кумекаешь? То-то же! Для полной победы над врагом целая цепочка образуется в промышленности, прочная и неделимая. Проклятый фашист только возрадуется, если хотя бы одно звено из этой цепочки вывалится. Понимать надобно,

так как время военное. Поэтому и план теперича будет по пять кубов с носа в день.

– Так-то, оно, так, Михеич, – подал голос с конца стола Северьян Плотников, кряжистый мужик лет сорока с сивой окладистой бородой. – Пуп надорвать – дело нехитрое, но я полагаю, если работу исполнять из-под палки, результатом будет дырка от бублика. Человек, ведь, не враг своему здоровью. Чтобы грыжа вываливалась по доброй воле своего владельца – тут нужен особый стимул.

Слова Северьяна, похоже, понравились мужикам. Они зашевелились, заулыбались, одобрительно закивали головами. Женщины же, напротив, почему-то вдруг нахмурились и уставились на Царёва. По их лицам нельзя было понять, чьей стороны они придерживаются.

– Партийная ячейка, товарищи, и лично товарищ Балдин подумали и об этом, как его... стимуле, – окинув народ каким-то недобрый тяжёлым взглядом, процедил слова Царёв. – Теперь норма снабжения хлебом будет увеличена на сто граммов. А передовики заготовок будут поощряться карточками на получение мануфактуры, одежды и обуви, им станет выделяться ещё и дополнительное горячее питание.

– Не густо, Михеич, для тех, кто будет жилы рвать, – усмехнулся всё тот же Северьян. – Чёрствый тот пряник, которым ты собираешься заманить людей в тайгу для работы под луной. Об такой пряник можно и зубы обломать. А вот кнут у тебя, как я вижу, прочный, сыромятный.

И тут Царёв не выдержал, взвинтился так, как никто от него не ожидал. Лицо налилось кровью, он почти закричал: — Пупок, говоришь, развяжется?! Грыжа твоя вывалится?! А у солдат на фронте она не вываливается, когда они пушки на своих руках через реки и болота волокут под бомбами, да не евши толком неделями, сидя на одних сухарях?! Дают им мятный пряник, чтобы они бежали под пулями, да снарядами на врага?! А в Ленинграде люди сутками работают, и получают за это пайку в четыре раза меньше, чем ты?! И умирают от голода прямо на работе! Да коль разобраться, как следовало, у нас тут не жизнь, а ровно курорт какой-то, я вам скажу! Стыдно тебе должно быть, Северьян, за такие-то слова. Шибко стыдно. Ты есть самый несознательный лемент и гоист, как контра в революции. Твоё счастье, что высокое начальство не слышит тебя.

Царёв замолчал, смотрел едкими глазами на людей. Его хлесткая речь будто невидимой плетью прошлась по сознанию каждого из них. Пристыженный Северьян опустил голову, подпёр бороду своими ручищами, под ними виднелись пунцовая кожа.

Наступила зловещая тишина. Казалось, будто Царёв временно отключил все звуки вокруг в назидание несознательности собравшихся лесорубов и включит их только после того, когда лица людей сгорят от стыда.

Прошла минута, другая. Царёв продолжал сидеть и молчать. Молчали и лесорубы, уткнувшись взглядами в пол. И

вдруг в этой напряжённой тишине раздался голос Валентины Куприяновой. Обливая собравшихся укоризненным взглядом, она заговорила взволнованным, чуть подрагивающим голосом:

– Какой неприятный разговор! Мне стыдно было слышать слова торга за сверхурочный труд от крепкого, здорового мужчины. Стимул ему поднесите, иначе он не будет заинтересован в достижении победы над врагом! Будто и не советский человек говорит. Мне страшно слышать такое требование! В стране полыхает война, фашисты топчут нашу землю, расстреливают и вешают мирных граждан, насилуют женщин, а Северьяну Плотникову нужен какой-то стимул, чтобы без особого труда для себя свалить лишнее дерево! Неужели до сих пор непонятно тебе, дорогой товарищ, что победа над врагом зависит от трудовых усилий каждого из нас? – Валентина посмотрела на Северьяна Плотникова испепеляющим взглядом.

От жгучих глаз девушки тот опустил голову ещё ниже, сжался в комок, будто готовясь к тому, что после обличительных слов она возьмёт в руки увесистый дрын и начнёт им обхаживать по спине.

– На новогодний праздник я побывала дома, повстречала сестру. Она работает на металлургическом заводе. Вы знаете, как там сейчас трудится народ? Нет? Так я вам скажу: рабочие вкалывают во имя победы, не жалея себя. Выполняют по две – две с половиной нормы ежедневно. Их теперь

так и называют – «двухсотники», потому что норму они выполняют на двести процентов. Стали появляться и «трёхсотники». Такие рабочие объединяются в бригады, их называют, «фронтowymi». Подростки встают за станок и работают наравне со взрослыми. И никто из этих людей не ноет и не требует ничего взамен! – Валентина замолчала, полоснула гневным взглядом по лицам мужиков, хотела ещё что-то добавить, но, махнув с презрением в их сторону рукой, села.

– Смотрю я на всё происходящее здесь и диву даюсь, – не вставая из-за стола, вступила в разговор Тамара – степенная бледнолицая женщина с короткой стрижкой и бледным лицом. Фамилия у неё была трудновыговариваемая и никто из женщин даже не пытался её запомнить. Эта женщина была беженкой, приехала в Кусью к дальней родственнице, по дороге под бомбёжкой потеряла пятнадцатилетнего сына.

– Как можно в такое страшное время думать о собственной выгоде? Мы что здесь, голодаем? У нас нет куска хлеба? Нет крыши над головой? Мы спим на снегу? Нас истязают? Слышали бы этот разговор люди, которые остались под немцем! Или те, кто оказался в блокаде! Они бы не поверили своим ушам, окажись среди нас! Правильно сказал Тарас Михеевич: живём, как на курорте, а некоторые при этом ещё умудряются ныть, пытаются урвать для себя лишний кусок. Стыд и срам, товарищи. Предлагаю немедленно прекратить всякие рассуждения на эту тему. Есть Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года, в

нём всё оговорено: какая продолжительность сверхурочных работ, как производится оплата, и кому что положено. Северьян и все, кто поддерживает его, вероятно забыли о его существовании. А если знакомы с этим указом, но давят на представителя власти публично, значит они самые настоящие саботажники, и спрос с таких людей в условиях военного времени должен быть очень строгим.

Тарас во все глаза с удивлением смотрел на женщин и не верил в происходящее. Он думал, что они поддержат Северьяна Плотникова, ожидал услышать от них злые высказывания в свой адрес, и, когда повисла тревожная тишина, готовился к отражению атаки.

Вышло всё наоборот. Теперь ему предстояло защищать мужиков от ястребиных нападков женщин. Они загалдели вразнобой, начались взаимные упрёки и обвинения. Заводная с пол-оборота Феня несколько раз назвала мужиков «выворотнями». Те, в свою очередь, объявили её провокатором, талдычили ей в лицо, что, если бы она не брякнула про похоронную команду, Северьян бы молчал и не заводил Тараса.

Один из мужиков, что сидел по правую сторону от Плотникова, не переставал оправдывать Северьяна, доказывая, что тот действовал прежде всего в интересах женщин, а им, мужикам, теперь всё равно, им уже здесь не работать, а на новом месте у них будут другие виды работ и другие условия.

Царёв понял, что наступает критический момент, когда разгорающаяся перепалка может запросто перерасти в пота-

совку. Он взял табурет, и, перевернув его вверх ножками, грозно постучал по краю столешницы несколько раз.

– Тихо, бабоньки, – произнёс он властным голосом. – Чего вы раскаркались, как вороньё на скотобойне? И вы, мужики, успокойтесь, не то бабы выцарапают вам на физиономиях свои имена. Впервой я надумал свести вас ликами друг с дружкой, думал миловаться станете напоследок, а теперь, понял, что допустил ошибку. Словом, ставлю точку в вашем жарком споре.

Поставив табурет на пол, Царёв продолжил уже другим, глухим голосом:

– Не всем нашим мужикам предстоит робить на новом месте, половина из них отправляется на фронт бить фашиста. Это последнее моё сообщение вам.

Тарас Михеевич перевернул свой листок, зачитал фамилии. В списке вызываемых в военкомат значилась и фамилия Северьяна Плотникова. В который раз за столь непродолжительное время вновь воцарилась тишина.

Когда Плотников услышал свою фамилию, его руки, лежащие на бороде, дрогнули, он отнял их от лица и с осторожностью покосился на Тамару. Словно убедившись, что опасность миновала, поднял голову и повернулся к Царёву. На его щеках раз за разом перекатились желваки, будто судорога прошла по лицу. Раздуваясь, шевельнулись ноздри, как у встревоженного мерина.

– Михеич, – обратился он к Царёву, – Коль такое дело,

позволь мне высказаться напоследок?

– Говори, – буркнул тот сердито.

– Я знаю, слово – не птаха, туда-сюда не летает, в рот не возвернётся и на язык обратно не сядет. Что мною сказано, то сказано, отрицать не стану. Покоробил я всех своими словами. Но, поверь, Михеич, поверьте и вы, бабы, не за себя я говорил, за коллектив беспокоюсь. Видел я, как даются новичкам эти четыре куба, наблюдал, как бабы надрываются. Что будет с месячным планом нашего лесопункта, если завтра все мужики уедут, а им взамен привезут сюда неумех? Ни кнутом, ни уговорами нужный штабель не сложить. И когда заерепенилась Феня, на меня что-то вдруг нашло, будто прорвало изнутри. Вот и наговорил лишнего, – Северьян повернулся в сторону Тамары, посмотрел ей в лицо многозначительно. – И про Указ я вспомнил сразу, когда услышал про пять кубов с носа. В нём ведь сказано, что обязательные сверхурочные работы делятся от одного до трёх часов в день, и оплата производится в полуторном размере. А вы сейчас как трудитесь? Обычную норму выдаёте не за восемь, а за двенадцать часов. Где ж вам взять дополнительное время? Ночью? Тогда на ходу засыпать будете, сонных и деревом может придавить ненароком.

«Сладко стелешь, – подумала Валентина о Плотникове. – Грамотно и убедительно, ничего не скажешь. Только вот неискренно как-то, по глазам видно. И известия об отправке на фронт испугался, руки сразу задрожали, когда Тарас Ми-

хеевич зачитал твою фамилию. Интересно, как ты поведёшь себя там, на фронте»?

– Ладно, будем считать, что я не кипятился, а ты не отзывался плохо о принятых мерах товарища Балдина и партийного комитета леспромхоза, – примирительно сказал Царёв. – Только в следующий раз не руби лапшу на навозной доске, когда тебя начнёт рвать изнутри. Грязные слова, что гнус в жару, шибко раздражают обчество, и сеют смуту в душах. Понятно тебе?

– Угу, – с облегчением выдавил из себя Плотников и немного повеселел.

– Отвертелся, выворотень, – наклонившись к уху Валентины, прошептала Феня. – Всё сошло с рук хитрому староверу. Думает, поверили мы его вранью, обвёл всех вокруг пальца и сидит радёшенек. Видела я его глаза, когда он потешался над Тарасом. Злые они были, враждебные.

– Ничего, на фронте его сразу раскусят, – также тихо ответила Валентина.

– Может и так. А может, он от страха к немцам переметнётся? – не отступалась Феня. – Говорят, его отец в гражданскую с беляками заодно был и до сей поры, якобы, где-то в тайге хоронится.

– Да ну его к чёрту, – отмахнулась Валентина. – Послушай-ка, лучше, о чём Царёв говорит.

Тарас Михеевич в этот момент стоял у стола и, помогая себе жестами, произносил длинную напутственную речь отъ-

езжающим мужикам. Шпаргалки из парткома у него не было, говорил своими словами о том, что думал.

– Так вот, дорогие товарищи мужики, будущие бойцы Красной Армии! Громите с бесстрашием фашистскую банду и возвращайтесь живыми героями! – закончил он путаную речь и без промедления скомандовал:

– Наливайте по этому поводу Пелагеиного напитку. Выпьем за всё, что я вам сказал и пожелал.

– Спасибо тебе, Михеич, за добрые слова, – ответил за всех Северьян, и его рука потянулась к четверти с самогоном. Разливая мутную жидкость по кружкам и стаканам, он на мгновение остановил свой взгляд на Валентине. Зрачки его чёрных глаз на секунду сошлись в маленькие точки, словно перед прыжком, потом опять расширились. Взгляд был таким же холодным и недобрым, каким его уловила Валентина, когда Северьян, говоря о стимуле, смотрел на Царёва.

«Может, на Дальнем Тырыме и неплохой народ собрался, работающий, но держать ухо остро никогда не лишне. В любом коллективе всегда отыщется какой-нибудь урод, который не хочет жить по общепринятым правилам», – вспомнились Валентине слова брата.

«Как прав оказался Иван, и какой умница, – подумала она в следующий момент. – Разбирается в жизни, как умудрённый опытом человек. Ему всего-то семнадцать, а он знает уже что-то такое, чего мне ещё недоступно».

Она покосилась с опаской на свой стакан, задержала его на

секунду перед плотно сжатыми губами, затем, прикрыв для чего глаза, нерешительно отпила два глотка скверно пахнущего самогона. Прижав ладонью рот, поморщилась, потом закусила солёным рыжиком. Феня, сидевшая рядом с ней, взглянула на подругу с сочувствием и озорно подмигнула. Запрокинув голову, одним глотком осушила стакан до конца.

– Вот так пьют настоящие лесорубы, подруга! Учись! – залихватским тоном проговорила Феня, стукнув доньшком стакана о стол.

– Лихо у тебя получается, – одобрительно пробасил Плотников. – Где обучилась такому мастерству?

– Были добрые учителя, вроде тебя, – на выдохе ответила Феня.

Четверть с самогоном прошла по столу по второму кругу. Потом по третьему. Веселье разгоралось. Еще совсем недавно враждующие между собой стороны вдруг словно оттаяли и потеплели душой. Посыпались шутки, вскипал смех, кто-то пробовал запеть частушки. Повеселевший Царёв несколько раз с кружкой в руке подсаживался к женщинам, хвалил за работу и говорил комплименты. В этой шумихе Валентина не сразу заметила исчезновение Фени. Не оказалось за столом и Северьяна Плотникова.

– Зинуль, – обратилась она к подруге. – Ты не знаешь, куда запропастилась наша красавица?

– Фенька, что ли?

– Ну, да.

– Кто ж её знает? – пьяным голосом ответила Зина. – По-моему, за патефоном пошли куда-то с Северьяном. Танцы решили устроить.

– Какой патефон, какие ещё танцы? – встревожилась Валентина. – Давно ушли?

– Я, что, засекала? Нужны они мне оба...

– Тьфу, ты, бестолковая баба, – ругнулась Валентина, – за патефоном вдвоём не ходят.

Она отыскала на вешалке свою телогрейку и выскочила на улицу. Мужское общежитие располагалось в одном бараке с женским, только вход в него был прорублен в стене отдельно, а коридор изолирован дощатой перегородкой.

Валентина сразу догадалась, где следует искать Феню. И действительно, в подтверждение её догадки, в одной из мужских комнат в окне горел свет. Когда она очутилась в коридоре, за дверями предполагаемой комнаты слышалась какая-то возня, сдавленные крики и рыдания.

Дверь в комнату оказалась не запертой. По всей вероятности, её хозяин даже не предполагал, что в разгар вечеринки кто-то может сюда наведаться.

Перед глазами Валентины предстала мерзкая картина. Феня, с распластанным до пояса платьем, зажавшись в угол нар, как загнанный зверёк, сидела, закрыв ладошками свои маленькие сухие груди. Но оголённом плече виднелась большая кровотокающая царапина, волосы были взъерошены, из

одной ноздри сочилась кровь.

– Не подходи ко мне, ублюдок, – не в силах уже больше кричать, шипела Феня, будто потревоженная змея, готовая в любой момент броситься на обидчика, вцепиться в него зубами и рвать на куски. – Не смей... если только ты это сделаешь – я убью тебя, выворотень, и сама удавлюсь...

– Вот дура. Я же предлагал тебе по-хорошему, даже денег давал, но ты сама не согласилась, – бормотал Северьян, растёгивая ремень на брюках. – Ладно бы, недотрогой была, вроде этой комиссарши Куприяновой, я бы ещё мог понять. Но, ты-то, не она, насквозь вижу, что стерва ты прожжённая, чего ломаешься? Завтра я уеду, мы больше никогда не встретимся. На фронте меня могут убить, так хоть память о себе оставлю.

Валентина не знала, как поступить. Озираясь по сторонам, она увидела кочергу. Толстый железный прут с загнутым расплюснутым концом стоял в углу при входе. Не раздумывая, Валентина схватила её и, вскинув над собой, решительно шагнула к Северьяну. В этот момент тот обернулся, придерживая руками уже спущенные до колен штаны, вскрикнул с изумлением:

– Ты?! Чего удумала, сука неподкупная?! Брось кочергу!

– Это я хочу тебя спросить: чего ты удумал, женский защитник? Вот, как, оказывается, ты печёшься о бабах?

Северьян замер на мгновение, соображая, как ему выпутаться из сложившейся ситуации. Потом высвободил одну

руку, молниеносным движением схватил со стола нож и ринулся на Валентину.

– Обоих в расход пущу! – успел крикнуть он и вдруг, издав на выдохе какой-то странный звук, похожий на хрюканье, медленно осел на пол – Валентина успела опустить ему на голову увесистую кочергу.

– Ты его убила? – трясаясь в страхе, спросила Феня, вглядываясь в бездыханное тело насильника. Северьян не успел натянуть на себя штаны и лежал сейчас на полу животом вниз с обнажённым задом.

– Его убьё-ёшь, – протянула Валентина, с удивлением глядя на кочергу в своей руке. – Вон какой бычара!

Поставив кочергу на прежнее место, добавила:

– А если бы убила – туда ему и дорога. Пошли отсюда, пока он не очнулся.

Феня быстро сползла с нар, набросила на себя телогрейку, и, косясь на Северьяна, попятилась к выходу.

Через несколько минут они были уже в своей комнате и заперли дверь на крючок.

– Вдруг ты его убила? – всхлипывая и содрогаясь всем телом, глухо спросила Феня. – Что тогда?

– Не ной раньше времени, – со злостью ответила Валентина. – Тебе-то чего переживать? Не ты же его кочергой огрела, не тебе и отвечать. Раздевайся и ложись спать. Ты до сих пор ещё не протрезвела, любительница выпить.

Феня безропотно исполнила приказание и, поскулив ещё

некоторое время уже под одеялом, заснула.

«А если я действительно прибила Северьяна насмерть? – подумала Валентина, расхаживая по комнате взад и вперёд. – Что, если он пока жив и нуждается в помощи? Лежит сейчас один посредине комнаты в луже крови и тихо умирает. Я должна что-то предпринять!»

Она посмотрела на спящую Феню, остановила взгляд на припухшей щеке, на запёкшейся крови под носом.

«Что за глупые мысли? – словно протрезвев, задала себе вопрос Валентина. – Сестра милосердия выискалась? Я ведь сама видела, как он пошевелился, когда закрывала дверь. И никакой крови на полу не было. Жив и здоров бугай-наильник, и моя кочерга для него, что для слона дробина. А получил он поделом, и, можно сказать, ещё легко отделался. За такие дела сажают в тюрьму».

Валентина выключила свет и подошла к окну. Сквозь стекла был виден край неба. Снег перестал валить ближе к вечеру, и ночь обещала быть ясной. На небе появились звёзды. Они переливались, сверкали и были очень яркими, будто их вымыли, прежде чем рассыпать по небосклону.

В комнате было темно и тихо, приятно пахло хвоей от большого букета пихтовых веток, которые девочки приносили с делянки ежедневно и ставили в вазу на столе. Валентина стояла и думала, что вот она сейчас попала, как птица в клетку. Может передвигаться по комнате, дышать, думать, размышлять о завтрашнем дне, но одновременно с этим была

уже несвободной. Что-то невидимое и неосязаемое загнало её в замкнутое пространство. Она понимала, что находиться с такими ощущениями до утра не выдержит. Для неё нужна была ясность положения, в котором она очутилась.

Восстанавливая в памяти всё, что произошло, она не могла вспомнить того момента, когда ударила Северьяна. Это мгновенье не задержалось в голове, выпало из сознания напроочь. Сердце забилося учащённо, слегка закружилась голова, по телу ледящей волной пробежался холодок. Её почему-то потянуло на место происшествия.

Когда Валентина после мучительных терзаний уже взяла в руки телогрейку, чтобы направиться в комнату Плотникова, кто-то с силой дернул ручку двери из коридора, потом принялся отчаянно трясти. Дверной крючок, звеня металлом, заплясал в петле. Валентина замерла.

– Эй, какого чёрта заперлись? Вы что там, оглохли? – слышался требовательный голос Зинаиды. Язык её сильно заплетался. – Отворяйте сейчас же, не то мы с Любанькой высадим дверь!

Валентина с облегчением выдохнула, быстро подошла к двери, сдёрнула крючок с петли.

– Вы чего тут забаррикадировались? – пьяно улыбаясь, спросила Зинаида, проходя в комнату. За ней, пошатнувшись, вошла Люба.

– Мужики пьяные в коридоре шарахались, вот и закрылись от греха подальше, – соврала Валентина.

– Валечка, мужиков не надо бояться, они такими славными оказались, – осклабилась Люба. – Я даже целовалась с одним из них. Он такой потешный, этот Василий. Жаль, танцы сорвались.

– А что, Северьян не принёс разве патефон? – с замиранием сердца поинтересовалась Валентина.

– Он его разбил вдребезги, когда с крыльца свалился, – усмехнулась Зинаида. – Таковую шишку себе на лбу набил – мама не горюй! Даже Тамара Петровна его пожалела, зелёной лоб разукрасила.

– Жив, значит, остался наш заступник, – почему-то ничуть не обрадовавшись, промолвила Валентина, а про себя подумала: «И здесь ужом вывернулся. Вот ведь хлюст какой».

– Фенька вырубилась что ли? – поинтересовалась Люба, кивнув головой на нары.

– Отдыхает наша Феня. Она тоже с крыльца свалилась, вместе с Плотниковым.

– Не повезло девке в очередной раз, – сочувственно высказалась Зинаида. – Как выпьет, зараза, так с ней обязательно что-то происходит. Какого чёрта она попёрлась пьяная с Северьяном? Он бы и один сходил.

– Пить меньше надо, – строго сказала Валентина. – Тогда и крыльцо не будет шатким, и зелёнка не пригодится.

Она больше не стала слушать пьяную болтовню женщин и улеглась на нары. Отворачиваясь к стене от света лампы,

сказала требовательно:

– Вы тут долго не шарахайтесь, гасите свет и ложитесь спать. Работу на завтра никто не отменял.

Зина и Люба почесали пьяные языки ещё некоторое время и, наконец, уgomонились. В тёмной комнате установилась тишина, и было отчётливо слышно, как тикают настенные часы-ходики.

Тайна Нинки Кувалды

Нинка Кувалдина работала бригадиром по ремонту путей. Она была высокого роста, не по-женски плечиста, носила кирзовые сапоги сорок второго размера, и другой обуви, казалось, не признавала. Мужчины, работающие на станции, прозвали Нинку «мужиком в юбке» и откровенно побаивались её.

Если кто-то из них оказывался в числе нарушителей и осмеливался при этом вступить с Нинкой в пререкания, она моментально сжимала пальцы в кулак и угрожающе подносила эту весомую конфигурацию к носу провинившегося мужика. Тот испуганно пятился от неё, а Нинка, не останавливаясь, продолжала наступать и шипела, как ядовитая змея, выговаривая при этом совсем нелицеприятные слова.

Делалось это для того, чтобы держать мужиков «в узде». Так Нинка понимала роль бригадира в ремонтной бригаде.

Общежитие для неё было родным домом. В одной комнате с ней проживало ещё трое девчат. Жили дружно, делились между собой всеми печальями и радостями. Если возникали мелкие разногласия, судьёй каждый раз выступала Нинка Кувалдина. Между собой они звали её просто Кувалдой и подчинялись беспрекословно.

Шла война, работа заполняла всё жизненное пространство девчат, отнимая у них ту часть жизни, которая при дру-

гих обстоятельствах тратилась бы ими на развлечения.

Свободные часы хотя и редко, но, всё-таки, выпадали, и тогда девчата устремлялись в клуб железнодорожников. Либо в кино, либо на танцы. Они долго прихорашивались, по очереди подходя к зеркалу, критически осматривали друг дружку, стряхивали с одежды невидимые пылинки и только после этого все вместе отправлялись в клуб. Ни усталость, ни полупустой желудок не являлись препятствием на их пути. Молодость брала своё.

Нинка Кувалдина ходить на танцы не любила, хотя при своей тучной внешности и угловатости вальсировала на удивление легко и непринуждённо. Порой на неё что-то находило, и она категорически отказывалась идти в клуб. Иногда такой фортель она выкидывала даже на полпути к клубу. Шла, шла, а потом молча разворачивалась и возвращалась обратно. Что являлось причиной такого решения, девчата долго не могли понять, списывая такие выходы на капризный характер.

Как бы они не убеждали, что танцы – это единственная отдушина для молодёжи, Нинка была непреклонной и до возвращения подруг коротала время в полном одиночестве.

О причине резкой переменчивости настроения Кувалдиной однажды догадалась одна из подруг – Василиса.

Девчата собирались на танцы и, как обычно, вертелись перед зеркалом. Вернее, перед зеркалом вертелись только двое: Надя Дылдина и Ксюша Ермолова. Василиса успела пе-

реодеться и уже привела себя в порядок. Нинка всего лишь один раз подошла к зеркалу, придирчиво осмотрела себя, подправила причёску и тут же отошла к окну, облокотившись на подоконник.

Место у зеркала заняла Ксюша. Василиса стояла позади неё и ей было видно отражение вертлявой подруги. Ксюша была старше их всех, месяц назад ей исполнилось двадцать девять лет. Она была полной противоположностью Нинки Кувалдиной. Малюсенькая, худенькая, со стороны её можно было принять за девчонку-подростка. Немного округлое, смугловатое лицо с небольшим румянцем на щеках выглядело совсем юным. Лишь тёмные глаза из-под мохнатых ресниц смотрели на окружающий мир совсем не по-детски – придирчиво и слегка высокомерно. Эти глаза приковывали внимание всех молодых парней, которые почему-то хотели видеть только эти пушистые глаза и не замечали появившихся тонких морщинок вокруг них, как и не замечали наметившихся точно таких же тонких ниточек уже на лбу.

Василиса скосила глаза на Нинку и перехватила её пристальный, изучающий взгляд, устремлённый на Ксюшу. Этот взгляд, казалось, вот-вот сожжёт невидимым лучом её миниатюрную фигурку. Во взгляде усматривалась ревность, зависть и одновременно скрытое презрение. И тут Василиса всё поняла.

Кувалдиной, по всей вероятности, было невыносимо тяжело глядеть на то, как парни наперебой приглашают Ксюху

на танец, а потом, уже в танце, жадно заглядывают ей в лицо масляными глазами, притягивают плотно к своей груди, и шепчут что-то на ухо, отчего Ксюша каждый раз откидывала голову назад и заливалась смехом.

– Не пойду я сегодня с вами, – сухо произнесла Нинка и отвернулась к окну.

– Нинка, ты чего? – удивилась неожиданному заявлению подруги Надя Дылдина. – Сегодня должны прийти новоиспечённые машинисты поездов. Вчера они сдавали экзамен на самостоятельное вождение, а сегодня получили корочки. Обязательно припрутся в клуб всей группой. Будет весело, Нин, вот увидишь. Вина притащат, будут угощать. Причастимся на дармовщинку. Пойдём, а?

– Сказала не пойду, и точка, – со злостью проговорила Нинка, не поворачивая лица в комнату. – И не надо меня уговаривать.

– Ну, как знаешь, подруга. С тобой спорить, что молоточком бить по рельсам: звук есть, а рельсу хоть бы хны, – быстро сдалась Надя, и тут же устремилась к освободившемуся зеркалу, чтобы последний раз взглянуть на себя со стороны перед выходом. По её безразличному тону чувствовалось, что она не собирается продолжать уговоры, зная заранее, что её усилия ни к чему не приведут.

Василиса на миг представила себя на месте Нинки и ей стало вдруг жалко эту обиженную природой девушку. Как бы она сама поступила, очутись на её месте? Каково было бы у

неё на душе, когда за весь вечер ни один парень не отважится пригласить тебя на танец. И не только пригласить, а даже ни разу не посмотреть в твою сторону, не заговорить с тобой хотя бы по пустякам. И это притом, что в зале не все красавицы, присутствуют совсем плюгавые девчонки, куда страшнее, чем ты, но даже и к ним иногда подходят парни, берут за руку и ведут, как принцессу, через вес зал. А ты сидишь, словно человек-невидимка, будто тебя и нет в зале совсем.

– Я тоже, пожалуй, останусь дома, – неожиданно заявила Василиса. – Расхотелось мне что-то.

– А ты чего вдруг захандрила? – выпучила глаза Ксюша от удивления. – Тебе ж всегда нравились танцы?

– Васса, я тебя не узнаю, – озабоченно высказалась Надя. – Ты пошутила, да?

– Нет, девчонки, без шуток, я остаюсь дома, – улыбнулась Василиса, посмотрев сначала на Надежду, потом перевела взгляд на Ксению. – Я ведь отмантулила две смены подряд, надо отдохнуть.

– Ненормальные вы обе, это точно, – сделала вывод Надя Дылдина, рукой оглаживая на крутых бёдрах яркое крепдешинное платье. – Когда ещё подвернётся удобный случай обратить на себя внимание парней? Никто ведь не приведёт их за руку к нам в комнату для знакомства. Нужно самим ловить момент. Парней в нашем возрасте надо вырывать из мужского стада зубами, ногтями выцарапывать из них ласку, если не хотим остаться старыми девами.

– Идите, хищницы, идите. Рвите зубами, вонзайте когти в мужские тела. Жертвы уже ждут вас, – оторвав взгляд от окна, грубо съязвила Нинка.

За девушками закрылась дверь комнаты, Василиса и Нина остались одни.

– Ты-то чего не пошла? – спросила Кувалдина Василису.

– А ты?

– Ну, я... понятное дело, – смутилась Нинка. – Мне ведь, что здесь сидеть, что в клубе на лавке рейтузы протирать – совершенно одинаково. Ни один балбес там ко мне ни разу не приблизился ближе пяти метров. Чего зазря ходить на посмешище, душу себе терзать? Любоваться, как Ксюху мужики тискают?

Нинка степенно подошла к зеркалу, повернулась сначала одним боком, потом вторым, затем повернулась кругом.

– И чего боятся эти мужики-придурки? Вроде и лицо не страшное, и титьки при мне не нулевого размера, как у Ксюхи нашей, и ноги не кривые, как у кавалеристов, чего шарохаются все от меня? Не понимаю. Может, ты мне скажешь, почему так? – с грустью усмехнулась Нинка.

– Может, и скажу, если не приберёшь за откровенность, – сказала в ответ Василиса.

– Не приберу, не боюсь. Хотя, погоди, Васска, не говори пока ничего, – Нинка сорвалась с места, подскочила к своей кровати, вытащила из-под неё чемодан, раскрыла.

– Вот, давай с тобой дерябнем, – торжественно сообщила

она, держа в руках бутылку кагора. – Год уже перекаत्याваю её по чемодану.

– А, давай! – весело согласилась Василиса. – Напьемся и песни попоём.

– Точно, подруга. И не просто попоём, а погорланим на всю общагу. Может, кто из мужиков и отважится утихомирить меня?

Они быстро собрали на стол скорую закуску – суточную норму хлеба, кусок сала, купленного Василисой на рынке, и большую головку лука, – порезали мелкими кусочками, налили в стаканы вина.

– Ну, подруга, давай тяпнем, что ли? Пусть нас любят хорошие люди, завидуют нашим делам лодыри и побаиваются быстрые нелюди.

– Давай, Нина.

Девчата чокнулись и, потягивая вино мелкими глотками, медленно опустошили стаканы до дна.

– Вот смотрю я на тебя, Васска, каждый раз, и всегда люблюсь тобой, – неожиданно призналась Нинка.

– Опа! Неожиданный поворот, – удивилась Василиса. – Интересно, чем же это я заслужила такое признание? По-моему, я такая же, как все: как Ксюха, Надя, как остальные девчонки.

– Такая, да не такая, подруга. У меня глаз намётан на людей.

– Тогда ещё более любопытно.

– Ты красивая, а не кичишься своей красотой, не водишь за нос мужиков в корыстных целях. Добрая и отзывчивая, не замечала я, чтобы ты искала в жизни свою выгоду, ничего не просишь для себя. Любишь всех людей без разбору, не разделяешь их на категории плохих и хороших. Святоша, одним словом.

– Неправда, подлецу руки не подам, – возразила Василиса.

– Но кроме подлецов есть и другие скверные люди.

– Например?

– Воришки, мошенники, хапуги и прочая людская дрянь.

– Это не скверные люди, – убеждённо проговорила Василиса.

– А кто?

– Люди, которые обрели пороки при стечении неблагоприятных обстоятельств, либо не смогли совладать с собой при появлении соблазна. Такие пороки можно устранить, если человека перевоспитать, переубедить, создать определённые условия для переосмысления его поступков.

– А подлеца, значит, исправить невозможно?

– Никогда.

– Почему? – допытывалась Нинка, в глазах её появилось нескрываемое любопытство.

– Всё просто. Подлец – это негодяй, гнусный и мерзкий человек, лишённый нравственных принципов. Причём, вся его подлость заложена на бессознательном уровне. Его поступками движут инстинкты, а не разум.

– Тебе бы, Васска, не вагоны связывать между собой, а людей наставлять на путь истинный, – восхищённо произнесла Нинка и ухватилась за бутылку. – Ты, блин, врождённый психолог. Из тебя получился бы хороший педагог.

Она разлила вино по стаканам, сказала:

– Хочу выпить за тебя, Васска. Ты настоящий человек. Ты сокровище. Таких на свете немного.

– Скажешь, тоже, – смутилась Василиса и опустила глаза. – Хороших людей много, неправда.

– Ну, это твоё мнение, а моё пусть останется при мне. Я знаю, что говорю. За тебя, подруга, – Нинка поднесла стакан ко рту и также медленно, как и в предыдущий раз, принялась цедить вино сквозь зубы.

– Ну, а теперь скажи мне, подруга, почему мужики шарахаются от меня? – поставив пустой стакан на стол, потребовала Кувалдина.

– Потому, что не видят в тебе женщину. Тычешь в нос кулаки, да матерись. Кому это понравится? Причём, делаешь прилюдно. Мужики не любят публичного унижения и переносят болезненно.

– Значит, чтобы захомутать мужика – нужно всего лишь перестать матюгаться, начать усюсюкать с каждым из них, поменять штаны на юбку, и что ещё? – с вызовом спросила Кувалдина. – Намалевать глаза и губы?

– Стать такой, какая ты есть на самом деле. Ты же доброжелательная и заботливая, только почему-то стараешься

скрывать свои чувства, хочешь казаться властной и жесткой. Для чего тебе весь этот маскарад? Будь обыкновенной девушкой, и парни к тебе потянутся.

– Не девушка я, – оборвала её Нинка. – В пятнадцать лет бабой сделал меня один подлец...

Уголки её губ мелко дрогнули, Нинка отвела взгляд куда-то в угол комнаты и надолго замолчала, вспоминая, по всей вероятности, те трагические события. По её внезапной реакции было видно, как задели за живое слова Василисы, как разволновалась она. Казалось, Нинка вот-вот расплачется. Василиса тут же умолкла и ждала, когда Нинка успокоится и сама захочет продолжить разговор.

Вопреки ожиданиям, Нинка не размякла, не пустила слезу от тягостных воспоминаний, не позволила вызвать чувство жалости к себе. Глаза её оставались сухими и даже голос не дрогнул, когда она заговорила вновь.

– Отец мой священником был, его расстреляли, когда мне исполнилось десять лет. Аккурат в мой день рождения это и произошло. ЧК будто специально выждало момент и преподнесло мне такой подарок.

«Совсем, как у меня, – подумалось Василисе. – Отца арестовали тоже в мой день рождения».

– Похоронить отца нам не дали, а матери кто-то из сердобольных чекистов сообщил, что нужно бежать из города немедленно, иначе и нам не поздоровится. Из всех родственников у нас оставался только дядя по маминой линии, он жил

где-то в Сибири. Мама долго не раздумывала, купила билет на первый уходящий поезд, и мы поехали в неизвестность.

– А где вы жили? – не удержалась от вопроса Василиса.

– В революционном Петрограде, – с сожалением вздохнула Нинка. – Неподалёку от Смольного.

– Ты жила в Ленинграде?! – с удивлением воскликнула Василиса.

– Жила, подруга, жила. И, между прочем, хорошим манерам обучалась. Только вот огрубела за шестнадцать лет, одичала в тайге-то, многое уж позабылось. Мне и самой порой не верится, что эти события когда-то были в моей жизни.

Нинка опять помолчала немного, будто колебалась с принятием решения: стоит ли раскрывать душу перед Василисой? Не случится ли неприятных последствий после её исповеди? Потом всё же решилась, продолжила:

– В дороге к нам подсел попутчик, одет был хорошо, с виду интеллигентный, общительный. Маме он сразу понравился, рассказывал много интересных историй, оказывал мелкие услуги, шутил, а ночью, когда мы спали, украл наши деньги, забрал драгоценности и был таков.

Нинка на секунду умолкла, смахнула просочившуюся наружу единственную слезинку, заговорила вновь:

– Когда мама обнаружила пропажу, у неё случился сердечный приступ, она упала без сознания на пол. Это произошло за несколько остановок до Перми. В Перми нас высадили, отправили в больницу. Там мама и умерла. Помню, я сутки

напролёт выла от горя. Меня хотели отправить в приют, но вмешался врач, который маму пытался выходить. Пожалел он меня, горемычную. Оказалось, у него в этих местах был родственник, который работал лесником и жил в тайге. Он был одинок и забрал меня к себе. Потом удочерил, дал свою фамилию. Так я стала Кувалдиной.

Василиса слушала Нинку, затаив дыхание. Смотрела на неё, как на музейный экспонат, и не могла представить её девчушкой в десятилетнем возрасте. Какая она была? Худенькая, бледная, или розовощёкая весёлая крепышка? И каково было её состояние, когда она одновременно лишилась родителей и оказалась одна-одинёшенька в незнакомом городе?

Воспоминания давались Нинке всё же нелегко. Василиса заметила, как постепенно менялось её лицо. Кожа на скулах обескровилась, побелела, голос с каждым новым словом становился всё тише и тише, потемневшие глаза увлажнились. Несколько раз Нинка судорожно сглатывала накатившуюся горечь в горле.

– Давай глотнём вина, что ли, а то ещё чего доброго – разреусь, – пересиливая своё душевное состояние, произнесла Нинка со свойственной ей усмешкой. Но усмешка эта получилась у неё не иронической, как обычно, а печальной и беспомощной.

– А какая у тебя была фамилия? – спросила Василиса, когда Нинка разливала остатки кагора по стаканам.

– Фамилия? – Кувалдина улыбнулась, глаза её на мгновение просияли. – Фамилия у меня была красивой: Золотарёва.

Они подняли стаканы с остатками вина и долго держали перед собой, прежде чем опорожнить. У обеих в этот момент было о чём поразмыслить.

– Потом что было? – поинтересовалась Василиса, первой нарушив затянувшуюся паузу. Стаканы были пусты, бутылку Кувалдина отнесла в угол комнаты и поставила за шкаф.

– Потом было всё хорошо, пока Захара Егоровича, моего нового отца, то есть, не убили.

– Убили?! За что?

– Не знаю. Может, кого-то за незаконную рубку леса хотел вывести на чистую воду, может застал браконьеров врасплох, и те его порешили. Убийцу не нашли, а я осталась одна в тайге. Месяца два, наверно, жила в доме лесника, пока не появился новый хозяин, подонок этот...

Нинка в очередной раз сглотнула появившийся в горле комок, медленно провела по лбу ладонью, будто стирая в памяти тягостные видения, и замолчала, уставившись в одну точку. Василиса не тревожила её, ждала, когда та успокоится.

Так продолжалось минут пять. Василиса не выдержала, подседа к Нинке, обняла её за плечи.

– Может, не надо вспоминать? – почти шёпотом произнесла она. – Зачем рвать душу лишний раз?

– Нет, Васска, – вздохнула Кувалдина, – хочу, чтобы ты выслушала меня до конца. Коль уж коммунисты истребили

всех священников, перед которыми я могла бы исповедаться, то теперь я это сделаю перед тобой. Ты чиста душой, и оцениваешь поступки человека по божьей шкале. Значит, поймёшь всё правильно и, думаю, не осудишь меня слишком сурово. Я должна рассказать свою тайну, выговориться, наконец... Не могу я больше носить её в душе. Эта тайна, как огонь, жжёт меня изнутри, и, как тяжёлый камень, тянет вниз...

Василиса плотнее прижалась к Нинке, приготовилась слушать жуткую историю...

Прошло не меньше минуты, прежде чем Нинка продолжила свой рассказ. Скривившись, как от зубной боли, наконец разомкнула губы.

– Звали этого подонка Максимом. Едва он переступил порог избы Захара Егоровича и побросал свои вещи на пол, так сразу начал излагать условия моего проживания. Сказал, что кусок хлеба, который ему придётся отрывать от себя, чтобы меня, значит, прокормить, нужно будет отрабатывать, потому как я ему никто. Ни дочь, ни сестра, ни дальняя родственница даже. Даром он меня кормить не собирается. Я ответила, что согласна, что это правильно, потому как я и сама не хочу сидеть на чужой шее и чувствовать себя дармоедом. Я тут же заверила: буду помогать, чем смогу. Стану печь то-

пить, готовить еду, стирать, помогать в работе лесника – Захар Егорович обучил меня многому в своей работе за пять лет. Думала, придётся делать то же самое, что я делала, живя с приёмным отцом. Этот подонок выслушал меня, усмехнулся в бороду, подкрутил пальцами свои тараканьи усы, а сам блудливыми глазищами похотливо шарит, шарит по мне с ног до головы, будто раздевает. Стою я перед ним, точно голая, и краской лицо заливается. Мне было пятнадцать лет, а выглядела я на восемнадцать. «Нет, – говорит, – этого недостаточно. Будешь гасить мою мужскую потребность натурой, когда захочу. А потребность эта горит во мне жарким пламенем круглые сутки». И заржал на весь дом, как жеребец – громко так, пронзительно. Первые три дня он знакомился с участком, с утра до вечера пропадал в лесу и возвращался в дом поздно. Поужинает, посмотрит на меня также похотливо, как в первый день, ухмыльнётся себе в бороду и уйдёт дрыхнуть в соседнюю комнату. Мне даже тогда подумалось, что он пошутил насчёт оплаты. Такая уж у него получилась грубая и неудачная шутка, и всё обойдётся. Жизнь, конечно, уже не будет такой беззаботной, как при Захаре Егоровиче, но противоречия наши как-нибудь притрутся, улягутся со временем. Мне нужно было лишь до весны продержаться. Я готова была потерпеть это время.

– А весной что?

– Весной я собиралась уйти в город и устроиться на работу. Я ведь, чтобы не отправиться в приют после смерти

отчима, сожгла в печке свою метрику. Следователю сказала, что весной мне исполнится восемнадцать лет и попросила его помочь с оформлением паспорта. Следователь оказался хорошим и добрым мужиком. Он поверил моим словам, с кем-то там обсудил моё положение и без лишней волокиты очень быстро сделал паспорт. В это же самое время договорился в лесхозе, чтобы мне дали возможность дожить в доме лесника до весны. Так вот я стала старше своего истинного возраста на два с половиной года.

– Повезло тебе с хорошим человеком, – задумчиво произнесла Василиса. Перед глазами из памяти выплыло лицо следователя, который вёл дело отца. – У моего отца следователь оказался не таким добрым...

Кувалдина никак не отреагировала на слова Василисы. Она была полностью поглощена своими воспоминаниями и сейчас подходила к самой вершине необычной исповеди.

– Через три дня новый лесник предпринял попытку завладеть мною, – продолжила свой рассказ Нинка. – После ужина, когда я мыла посуду, он подкрался сзади, сграбастал меня, развернул лицом к себе и прошипел: «Ну, что Меланья, фунт хлеба ты уже съела, пора расплачиваться...» и, как охапку дров, поднял и понёс перед собой в свою комнату. Как я вырвалась из его звериных лап – не помню точно. Наверно, стукнула его по башке чашкой, которую не выпускала из рук всё это время, или покусала. Может, и то, и другое. Запомнила только, как в испуге пятилась к печке, а потом за

ней шарилла руками ухват. Максим рычал и двигался следом за мной... Глаза его сделались дикими и злыми, сверкали, как у голодного зверя. Остановился он, когда увидел ухват в моих руках.

Голос Нинки в этот момент дрогнул, она остановила на какой-то момент повествование, чтобы глотнуть побольше воздуха и сделать небольшую передышку.

– И что... ты его отходила ухватом-то? – спросила Василиса, вспомнив подобный эпизод из своей жизни.

– Нет, не пришлось. Выставила я ухват перед собой, крикнула: «Не подходи, гад, иначе зенки тебе выколю, незрячим сделаю!» Он и остановился. Постоял немного, а потом матюгнулся и ушёл к себе в комнату. Я подумала, на этом всё закончилось и больше не стоит мне опасаться, ведь я его предупредила. Домыла посуду, легла спать. До полуночи не сомкнула глаз, размышляла, как быть дальше, как дожить с извергом до весны? Всякие варианты в голове крутились, но ни на каком из них я не остановилась, так и уснула. А под утро всё ЭТО и произошло...

Василиса на миг представила картину, как крадётсЯ насильник в спальню к Нинке, как наваливается на неё всем телом, как та дико кричит в испуге, пытается вырваться. Представила, и ей стало не по себе. «Вот так иногда, в одно мгновение рушатся все мечты, надежды, рушится сама жизнь невинного человека,» – подумалось ей.

– Подкрался он ко мне бесшумно, ни одна половица под

ним не скрипнула, – заговорила Нинка вновь после небольшой паузы. – Очнулась я ото сна уже под ним и дыхнуть не могу – так сильно сдавил он грудь, подлец, мёртвой хваткой. «Ну, что, чья взяла? – спрашивает. – Твой ухват или моя хитрость? И запомни, девка: в этом доме я твой хозяин, а ты моя рабыня, поняла? Прикажу целовать мои ноги по утрам – будешь, никуда не денешься. А коли станешь перечить – изобью до полусмерти и подвешу на ночь верёвкой к потолку, но покорности твоей добьюсь». Мне стало страшно от его слов. Рванулась я из-под него, а он будто ждал этого момента и ударил меня по лицу со всей силы. Свет в моих очах и померк...

Очевидно, этот эпизод был самым тягостным воспоминанием во всей этой истории, потому что Нинка впервые хлюпнула носом и утёрла накатившиеся слезы. Именно он и стал отправной точкой дальнейшего, более ужасного события.

– Лежу я после его надругательства надо мной, пошевелиться не могу – всё тело будто омертвело, стало чужим и ненавистным. А в голове мысли кружатся: зачем мне теперь жить, когда сама себе противной стала? Принялась думать, как легче уйти из жизни. Думаю, а умом понимаю: не смогу ни повеситься, ни утопиться. Так до утра и промучилась в сомнениях. На рассвете слышу: изверг поднялся, заходил по кухне, в лес засобирался. Затем начал ругаться, проклинать меня, что самовар не поставила, завтрак ему не стотвила. Перед тем, как уйти, заглянул в комнату, рыкнул в мою сто-

рону: «Не дури, девка. Подумаешь – бабой тебя сделал. Эка невидаль? Рано или поздно всё одно бы через это прошла. Вставай, симулянтка, печь протопи, а то избу выстудишь. В доме приберись, да пожрать мне стотовь к вечеру. В лесничество сегодня отправлюсь, в обед, стало быть, не появлюсь. Времени у тебя предостаточно». Ушёл он, а меня вдруг осенило: убить я его должна! Откуда-то и силы во мне сразу появились. Я встала, принесла дров со двора, печь затопила, веником по дому прошлась. Делаю всё это машинально, потому что голова занята другим. Соображаю, как мне сподручнее отправить изверга на тот свет? Отравить? Но как? Яда у меня нет. Да и хитрость тут потребуется, чтобы не заподозрил. Топором хватануть по загривку или ножом пырнуть в сердце? Нет, чувствую, не получится это у меня. Он мужик здоровый, перехватит мои орудия убийства, ими же меня и прикончит. А что, думаю, если сделать это ночью, когда он будет спать? Подкрадусь тихохонько, как мышь, и одним ударом лишу его жизни. Потом соображаю: нет, и этот способ не подходит. Раз я решила покончить с гадом, а самой жить дальше, тогда зачем в тюрьму топать? Если придет следователь, то сразу поймёт, что здесь произошло. Кровица обрызгает всё вокруг, следы не смыть, обязательно где-нибудь капля обнаружится. Убить и бежать? Но куда бежать? Я одна-одинёшенька в этом мире. Далеко ли убегу, бездомная? Нет, не годится. Ходила я по дому весь день сама не своя, толкалась из угла в угол, пока случайно не наткнулась

в сенях на припрятанную бутылку с самогоном. Обрадовалась страшно. Поблагодарила Захара Егоровича за записку. Он, вообще-то, не пил, держал самогон на всякий случай: в лечебных целях или для подношения редким гостям. Спасибо, говорю, Захар Егорович, что смотришь на меня с небес, помогаешь приёмной дочери даже бестелесный. Спасибо за подсказку.

Нинка рассказывала торопливо, будто спешила побыстрее закончить страшное повествование. Щёки её загорелись, глаза светились каким-то нездоровым блеском, словно она сошла с ума и намеревалась повторно расправиться с насильником.

– В общем, решила я устроить праздник подонку. Пусть, думаю, порадуетя напоследок. Будет о чём вспомнить потом в аду, – Нинка скривилась в горькой усмешке. – Накрываю на стол, а сама все детали убийства продумываю. И получилось у меня всё, как задумала. Переступил он порог вечером и обомлел: стол накрыт по-праздничному, посредине бутылка с самогоном стоит. «Откуда такое богатство и по какому поводу гуляем?» – спрашивает он и смотрит на меня с недоверием. А я ему отвечаю весело так, непринуждённо: «В знак примирения, Максим Елисеевич. Осознала я, что должна покориться вам и быть благодарной. Вот и решила устроить вечер примирения да покаяния. Чтобы жить дальше под одной крышей в мире и согласии». Сели мы с ним за стол, я и пустилась расхваливать его на все лады, а сама подливаю

самогон ему в кружку, уговариваю выпить ещё. Он и расквасился, даже руки мне целовал, а потом уснул за столом. Сердце моё в этот момент заколотилось так сильно и гулко, будто собралось пробить отверстие в рёбрах, да выпрыгнуть наружу. Только вот от чего оно колотилось – непонятно по сей день: то ли от страха, то ли от радости. Одним словом, порешила я его тут же, прямо за столом. Без промедления. Боялась, что он может проснуться и все мои старания уйдут насмарку. Набросила полотенце на шею и стянула с такой силой, что руки онемели. Держала долго, чтобы наверняка, значит... Потом погрузила тело на санки, отвезла на реку и спустила в прорубь...

Последние слова дались Нинке с большим трудом, она произнесла их уже на выдохе и каким-то странным хриплым полушёпотом. Потом вдохнула полной грудью, словно освободилась, наконец, от непосильной ноши, и опасно покосилась на Василису.

Прошло не менее минуты, прежде чем Нинка спросила с надеждой в голосе:

– Ты ведь не сдашь меня милиции?

Василиса задумалась, не спешила с ответом. «Вот ведь как случается в жизни, – мелькнула у неё мысль. – Один человек невиновен, но многие годы вынужден провести в тюрьме. Другой же совершил убийство и остаётся на свободе. Справедливо ли? Кто вершит судьбами людей? Кому следует адресовать вопрос?»

– Мне это, Нина, ни к чему. Не бойся, – успокоила Василиса подругу. – Думаю, твой насильник получил по заслугам. Да ты и сама себя наказала, казнишься содеянным до сих пор.

– Правда? – обрадовалась Нинка.

– Правда. Хладнокровный убийца не мучается совестью. Думаешь, этот подлец Максим, если бы убил тебя, стал казнить себя, как делаешь это ты, поруганная им?

– Нет, конечно.

– Ну, вот, и не переживай больше. Рассказала мне об этом, облегчила свою душу и будет с тебя. Утри слезы и постарайся забыть.

– Спасибо, Васска, – хлюпнула носом Нинка. – А насчёт казни ты права. Мучилась я все эти годы, ой как мучилась. Снился мне этот гад постоянно, думала с ума сойду. Один раз собралась даже явиться в милицию с повинной, да Захар Егорович запретил. Приснился он мне и приказал молчать. Я так и поступила. Когда становилось особенно невмоготу – доставала иконку и молилась. Я ведь не перестала верить в бога.

– Скажи, а следователь допрашивал тебя? – поинтересовалась Василиса, будто пропустив мимо ушей признание Нинки о приверженности к религии.

– А как же! Только он наведалься в тайгу спустя две недели, когда этот подонок не появился в лесничестве в обозначенную дату. Его потеряли, стали искать. Сначала пришёл

ко мне человек из лесничества, спросил, куда подевался лесник, и только после него появился следователь. Тот же самый, который расследовал убийство Захара Егоровича.

– И что ты ему рассказала?

– Сказала, что ничего не знаю. Ушёл Максим Елисеевич в лес и не вернулся. Думала, в городе остался, мало ли что? У него там квартира сохранилась. Он мне не отец, я ему не дочь, особо не общались. В общем, наговорила следователю с три короба. Сама поразилась, откуда слова брались и с языка слетали. Следователь смотрел на меня очень пристально, будто факелом водил перед лицом – меня аж в жар бросало. Я врала впервые в жизни, и боялась, что он догадается. Но ничего, обошлось. В тот день, когда я... когда это произошло, поднялась пурга и все следы замело. Потом ещё мело несколько дней. Тропу к проруби замело, она потом замёрзла, я прорубила её в другом месте.

– Перезимовала одна, или нового лесника прислали?

– Следователь сказал, чтобы я не испытывала свою судьбу и отправлялась немедленно в город.

– Двух лесников не стало. Одного убили, и второго, похоже, тоже, – сказал следователь. – Не хочу, чтобы и ты вслед за ними отправилась на тот свет.

Он на лошади приехал. Посадил меня в сани и увёз в город, устроил в бригаду путейцев ученицей. Так вот я здесь и тружусь по сей день.

Нинка умолкла надолго и смотрела в чёрную пустоту ок-

на. На улице уже давно стояла темень, а они вдвоём продолжали сидеть за столом, прижавшись друг к дружке, не шевелясь, и не зажигая огня. Свет сочился из коридора узкой полоской под дверью и разбавлял комнатные сумерки. Этого было достаточно, чтобы различать лицо друг друга.

– О чём ты сейчас думаешь? – спросила Нинка.

– Не поверишь, – отозвалась Василиса. – Размышляю о месте человека в жизни.

– Во как! – удивилась Кувалдина. – А мне показалось, коришь меня за убийство.

– Кори, не кори – что от того? Жизнь вспять не вернётся, чтобы вновь предоставить тебе право выбора.

– Это точно, – с сожалением вздохнула Нинка. – Бог всё продумал за каждого человека, когда даровал ему жизнь. И дорога у этой жизни только в одном направлении. К младенчеству возврата уже нет.

– Только вот дорога эта у всех людей, почему-то, разная, – с грустью заметила Василиса. – У кого-то она прямая и широкая, а кто-то до конца своих дней должен идти по узкой тропинке и с колдобинами. Вот я и размышляю: если Бог подарил жизнь, определил в ней для каждого человека своё место, то почему он не вложил ему в разум смысл этой жизни? Почему человек должен шарaxаться из стороны в сторону, чтобы постичь хотя бы маленькую долю этого смысла?

– Ой, Васска, неужели и ты стала верить в существование Бога?

– Не знаю, – неопределённо высказалась Василиса. – Церковь не посещаю, дома не молюсь, икон святых не имею, религиозные праздники не соблюдаю, Библию в руках не держала. Но в судьбу с некоторых пор стала верить.

Василиса задумалась на несколько секунд, затем проговорила медленно:

– Мой отец верующий. Он часто говорил, что судьбу для каждого из нас определил Бог, и поменять в ней что-либо коренным образом невозможно. Можно лишь сгладить кое-какие шероховатости, сдвинуть сроки в ту или иную сторону.

– Как это понять?

– Ну, например, суждено человеку попасть в тюрьму, значит, рано или поздно он всё равно окажется там. Повлиять можно только на дату и срок заключения. Остальное от человека не зависит.

– Даже если он никаких преступлений не совершит? – не поверила Нинка.

– Да, представь себе. Обстоятельства появятся ниоткуда, как по щучьему велению. Я раньше смеялась над утверждениями отца, а сейчас стала всерьёз задумываться над его словами.

– Почему вдруг?

– Ты сегодня исповедалась передо мной и считаешь, что теперь настала моя очередь? – рассмеялась Василиса.

– Не хочешь – не говори, я ничуть не обижусь, – ответила Нинка.

– Отчего же – расскажу, раз у нас с тобой сегодня день откровений. – Василиса повернула голову к подруге, посмотрела на неё в полумраке внимательно.

– Мой отец осужден на десять лет по политической статье, – проговорила она, помедлив. – Наверно, слышала уже от кого-нибудь, что я дочь врага народа? Скрывай, не скрывай, а шила в мешке не утаить, болтливость людская не искоренима.

– Слышала, но без подробностей, – призналась Нинка.

– Так вот, политическая статья всего лишь предлог, а по сути, отец пострадал за свою веру в Бога. Его могли осудить ещё раньше. Тогда ему чудом удалось избежать ареста. И вот, спустя столько лет, он встретился с чекистом, который преследовал его во время коллективизации. Тот и завершил старое дело, пусть и под другим предлогом. Вот и думай теперь: случайность это или судьба?

– Да-а, – протянула Нинка, – дела-а. А ведь у нас с тобой судьбы немного похожи. Отцы верующие, с обоими расправились чекисты, обе семьи вынуждены были покинуть родные места.

– И судьба свела нас в одном городе, – продолжила Василиса с усмешкой.

– И в одной комнате, – подхватила Нинка.

На несколько минут воцарилась тишина. В полумраке были видны две пары неподвижных глаз, устремлённых куда-то в угол. Всё было высказано, теперь подруги размышляли

каждая о своём.

– Чего это мы сидим, как две затворницы в келье? – нарушила тишину Нинка, встала, прошла к выключателю, включила свет. – Сейчас гулёны наши заявятся, а мы в темноте сидим. Подумают, что мы с чертями общаемся. Прилипнут с вопросами, особенно Дылдиха эта. Чрезмерно любопытная девица, скажу я тебе.

– Она тебе не нравится? – спросила Василиса с удивлением. Раньше ей и в голову не приходило, что у Надюхи имеется такой недостаток, за который Нинка её недолюбливает.

– Не то слово, – выговорила Нинка недовольно. – Порой мне хочется пристукнуть её за паскудные деяния, или нос оборвать, который вечно суёт, куда не надо.

– Так строго?

– Воровка и сплетница, наша Дылда, а может и в НКВД стучит. Это она нашептала мне про тебя. А год назад часы наручные увела у меня, – сообщила Нинка. – Так что, подружка, держи ухо востро с ней.

– А про часы – это точно?

– Точнее не бывает, – уверенно проговорила Кувалдина. – Попросила однажды поносить – с парнем она встречалась в то время, козырнуть хотелось, – ну, я и сняла их со своей руки, отдала на месяц. Прошло полтора месяца, я ей напомнила о возврате. Она и бровью не повела, сообщив, что потеряла. Сказала об этом таким обыденным тоном, будто бы ничего особенного не произошло. Даже не извинилась, зараза, не

говоря уж о какой-нибудь компенсации. А потом я случайно увидела свои часы на руке у одной проводницы. Спросила, откуда они у неё? А сама смотрю на знакомую царапину с правой стороны циферблата. Ответ был простой: купила на рынке у одной женщины. И сумму назвала.

– Ты не спросила фамилию женщины?

– Язык как-то не повернулся, ведь проводница приобрела часы на законном основании.

– Чем закончился разговор с Надюхой? – поинтересовалась Василиса, уверенная в том, что Нинка так просто дело не оставила, попытала Дылдину с пристрастием.

– Ничем. Разговора не было.

– Как...не было? – спросила Василиса, ещё больше поражаясь поведению Нинки – грозы всего привокзального района в вопросах правды и справедливости.

– А вот так! Не стала я ей башку дурную откручивать. Собралась было уже прижучить её, да в последний момент, понимаешь ли, узнала: дитё у неё малолетнее имеется в деревне. Вот я и подумала: а вдруг ей деньги потребовались для ребёнка? Может, приболело дитё, лекарства дорогие потребовались. В общем, отступилась я от неё, махнула рукой на всё.

Василиса во все глаза смотрела на Нинку и не узнавала её. «Конь в юбке», «Кувалда», женщина-громила, лишённая простых человеческих чувств, раздающая налево и направо подзатыльники и зуботычины во имя справедливости,

неожиданно предстала перед ней в другом обличье.

– Чего смотришь? – усмехнулась Нинка. – Не узнаешь? Не можешь поверить, что железная «Кувалда» может и слезу пустить, и пожалеть, и простить? Быть такой, как все бабы на свете, верно?

– Да-а, интересный вечер сегодня получился, – с растяжкой проговорила Василиса. – Живут люди бок о бок, общаются, смотрят друг другу в глаза ежедневно, а что творится внутри у каждого из них – даже не догадываются.

– Не догадываются, потому что души чёрствы, глаза близорукие и сердца студёные, – обезоружила вдруг Нинка мудрёным высказыванием. -

– Значит, и у меня душа чёрствая и сердце студёное? – улыбнувшись, спросила Василиса. – Не смогла же я разглядеть тебя по-настоящему.

– Не-ет, с душой и сердцем у тебя всё в порядке, – рассмеявшись, ответила Нинка. – Ты щедро делишься теплом и радостью, и сострадать можешь. Просто защитная скорлупа у меня слишком прочная, с наскока её не пробить, чтобы до моего сердца добраться...

– Не думала я, что ты способна так красиво и образно выражаться, – с похвалой отозвалась Василиса. – Больше всё ругательные слова у тебя выскакивали.

– Хм-м, а с кем мне общаться красивыми словами? В бригаде мужики кроме мата ничего в жизни не слышали, да и не поймут они красивых слов без перевода на матерные. А

в высшие круги мне дорога закрыта, – Нинка задумчиво покачала головой. – Да и с тобой больше уж не придётся поговорить по душам.

– Это почему? – удивилась Василиса.

– Потому что на фронт я ухожу, подруга, – неожиданно заявила Нинка с оттенком гордости. – В военкомат ходила, санитаркой попросилась.

– Вот это новость! – с волнением в голосе воскликнула Василиса. – Не отказали?

– Вот ещё! Военком как посмотрел на меня – сразу одобрил моё решение. Даже похвалил за самопожертвование во имя Родины, – сверкнув глазами, ответила Нинка.

– И когда?

– Через неделю отправляют. Правда, сначала на курсы, и только потом на фронт.

– Быстро это у них делается.

– Да я готова, хоть завтра. Ничего меня здесь не держит. Лучше героически погибнуть, чем бултыхаться в дерьме среди шпал и рельсов. Опостылела мне такая жизнь. Бабахаю, бабахаю каждый день кувалдой по костылям, а впереди ни просвета тебе, ни будущего.

– Наверно, ты права, – рассудила Василиса. – На фронте другая жизнь. И любить умеют там не только за красивые глаза, но и за смелость, преданность и надёжное плечо боевого товарища. И за такие качества, кстати, в первую очередь.

– Откуда тебе известно?

– Брат мой письмо из Сталинграда прислал. В нём и написал, какие там люди его окружают.

– Вот и я так подумала. Вытащу с поля боя какого-нибудь солдата, спасу ему жизнь, может он и откликнется на мои чувства, оценит по достоинству, – Нинка зарделась на секунду, покосилась на Василису, надеясь увидеть в её глазах одобрение.

В это время с улицы донеслись голоса и громкий девичий смех. Молодёжь возвращалась с танцев.

– Давай-ка бухнемся в постель, подружка, пока девки наши не заявили, – заторопилась Нинка. – Не хочется мне тебя подводить. Ты им сказала, что устала за две смены и хочешь отдохнуть, а сама лясы со мной точишь допоздна. Получится, обманула ты их.

– И то верно, – согласилась Василиса. – К тому же, не люблю я вести разговоры с пьяными людьми.

Она быстро расправила постель и нырнула под одеяло. Минутой позже, погасив свет, то же самое сделала Нинка.

...Через неделю Нинку Кувалдину проводили на фронт.

Забавный старик

Поезд шёл по утопающей в глубоком снегу бесконечной вологодской тайге. Словно измученное частыми метелями солнце потеряло свой цвет, сделалось тусклым и невзрачным. Его холодные жёлто-розоватые лучи уныло прогуливались по вершинам деревьев, нехотя спускались вниз и жиденькой плёнкой заливали небольшие лесные поляны. Мимо окон в глубине леса изредка проплывали таёжные деревеньки в три десятка ветхих домов, и опять тянулась хмурая тайга.

Весь этот вид ещё больше увеличивал тоску Афанасия Демьяновича Краснопеева, оставившего неделю назад службу начальника районного отдела НКВД по городу Чусовому. Благополучная жизнь кончилась для него, он ехал на Север на новое место службы.

... Десять дней назад его вызвал к себе начальник управления. Состоялся тяжёлый разговор. Причиной вызова стал рапорт одного из сотрудников областного управления, который приезжал к Краснопееву с комиссионной проверкой. Комиссия выявила факты жестокого обращения с гражданами, находящимися под стражей в КПЗ. Кто-то донёс этому офицеру, что не только подчинённые, но и Краснопеев сам лично неоднократно избивал арестованных граждан. Может, всё бы и обошлось, получил бы он выговор, в конце концов,

не он первый, и не последний, кто мутузит упёртых арестантов, если бы не эта проклятая баба.

Краснопеев уже много лет жил холостяком. После того, как умерла жена, он так и не смог найти достойную ей замену. Периодически на его пути встречались красивые женщины, но в них не было той преданности и раболепия, которыми обладала покойная жена, и которые так ценил он. Через несколько месяцев красавицы показывали своё истинное лицо и Афанасий Демьянович расставался с ними без сожаления.

Так он хотел поступить и с последней своей пассией, но спокойного расставания на сей раз не произошло. Взбалмошная Кира оказалась вульгарной особой и без боя сдаваться не собиралась, закатила скандал, объявив, что беременна. Краснопеев выслушал её, но не поверил ни единому слову этой спесивой женщины. Забрал у неё ключи от квартиры и выпроводил за дверь. Она стала для него обузой, обыкновенной устаревшей вещью, от которой хотелось поскорее избавиться и забыть о её существовании.

После неприятного разговора Краснопеев решил избегать с ней любых встреч. Однако, не тут-то было. Уже в следующий вечер, возвращаясь со службы, он ещё издалека заметил Киру. Та ждала у подъезда. Чтобы избежать нового скандала, Афанасий Демьянович вернулся назад в райотдел, где и провёл первую ночь в кабинете. Затем последовала вторая ночь, третья. Этим фактом Кира воспользовалась в своих

кознях, решив отомстить бывшему любовнику. Он и предположить не мог, насколько коварной может оказаться неугомонная баба. Она подговорила подругу, чтобы та через знакомого милиционера Бражникова предложила Краснопееву свою комнату в коммуналке. Вариант сработал, Краснопеев доверился своему верному псу и попался на удочку. А дальше дело было раскручено так, что в одну из ночей подруга очутилась в объятиях квартиранта.

Кира написала анонимное письмо, которое необъяснимым образом попало в руки прибывшему из области офицеру. В письме с подробностями были изложены факты аморального поведения офицера и коммуниста Краснопеева.

Начальник управления принял своего подчинённого без обычного рукопожатия. Это было нехорошим предвестием. Краснопеев сидел напротив и, ёрзая на стуле, терпеливо слушал содержание акта комиссионной проверки.

Наконец, начальник закончил читать, снял очки, положил перед собой. Его седеющие брови шевельнулись и сошлись у переносицы. В усталых глазах отражалось презрение.

– Что скажешь на это? – он тряхнул в воздухе анонимкой.

Пока Краснопеев молчал, выстраивая в мыслях витиеватое объяснение, начальник опередил его:

– Впрочем, не нужны мне твои объяснения, и так всё ясно. Не хочу даже слушать. Противно. Офицеру НКВД, ведущему аморальный образ жизни нет места и в партии. Но мне не хочется, чтобы твои беспорядочные связи с распутными

бабами порочили честь нашей конторы. Своё пятно будешь смывать в другом месте.

Начальник управления замолчал, но по всему чувствовалось, что высказал он ещё не всё, что заготовил. Что-то сдерживало его от резких слов. Краснопеев сидел не шелохнувшись, глядел начальнику в лицо, не моргая.

– У меня нет возможностей отрезать у тебя кобелиный раздражитель, но ограничить твою похоть в моих силах. Поедешь туда, где не будет соблазнов. Приказ о твоём освобождении с должности я уже подписал. Зайди в отдел кадров, ознакомься. На днях прибудет твой преемник, сдашь ему дела.

... День близился к полудню. Утренняя серая муть окончательно выветрилась, краски за окном сделались более яркими и выразительными. Народ в вагоне будто ждал этого момента. Люди сразу очнулись, задвигались, затараторили. Кое-кто, успев проголодаться после скудного завтрака, рылся в дорожных баулах, извлекал нехитрый харч, кто-то бежал за кипятком. В считанные минуты всё вокруг пришло в движение, как на толкучке.

В вагоне собралась разномастная публика. Ехали и группами с большим количеством багажа, и одинокие граждане с маленькими авоськами, а то и вовсе с пустыми руками. Ехали бородатые старики и безусые подростки. Где-то в конце вагона заливался плачем ребёнок. Услышав этот плач, захныкала рядом девочка лет трёх. С кружкой кипятка, со-

гнувшись почти до пола, мимо медленно прошагала усохшая, как осенняя былинка, старуха с растрёпанными волосами. Мужиков призывного возраста Краснопеев не увидел.

Рядом с Краснопеевым сидела нахохлившаяся женщина лет тридцати пяти. Она вошла в Вологде и всё это время не проронила ни слова. В глаза бросалась её чрезмерная худоба и бледное лицо с глубоко ввалившимися глазами. На лбу явно обозначились ранние морщины. Кроме обшарпанной сумочки на коленях, которую она крепко держала за ручку двумя руками, с ней не было никаких других вещей.

Напротив женщины расположился дедок с куцей бородёнкой пепельно-грязного цвета. На нём был старый овчинный тулупчик с вырванными в нескольких местах мелкими клоушьями. На голове, съехав на правый бок, покоилась такая же старая, как и сам дед, ушанка. Ещё один попутчик – хромой паренёк лет шестнадцати – забился на верхнюю полку и не подавал признаков жизни.

Дедок беспрестанно ёрзал, поворачивал голову направо и налево, изредка смотрел в окно, исподтишка косился на Краснопеева. Чувствовалось, ему очень не хватало общения, но соседи, как на грех, попались неразговорчивыми и ни разу не отреагировали на его слова.

Наконец, измучившись от бессловесности, он предпринял последнюю попытку, взяв на вооружение военную тему. Краснопеев ехал в милицейской форме, чем и подвиг старика на разговор.

– Позволю себе полюбопытствовать, товарищ милицейский начальник, не слышали ли свежих новостей с фронта? – прищурившись, спросил старик, обнажив в доброжелательной улыбке беззубый рот. – Несколько дён уж радива не слышал, антирес появился.

К своему удивлению, Афанасий Демьянович не буркнул в ответ что-то нейтральное и жёсткое, чтобы разом отвязаться от ненужного собеседника. Наоборот, неожиданно для себя он почувствовал потребность общения. Видимо, после всех неприятностей и неотступных мыслей о предстоящей службе, преследующих его в последние сутки, ему хотелось как-то отвлечься, расслабиться. Шустрый дедок как раз подходил для этой цели.

– Что бы ты хотел услышать от меня? – с усмешкой отозвался Краснопеев. – Как немцы побежали в панике на всех фронтах?

– Не-ет, немец, покамест, ишо силён, чтобы драпать по всем направленьям, а вот сломать ему хребтину в районе Вязьмы и Ржева наша армия сможет уже очень скоро, – старик погасил улыбку, сделался серьёзным. – Замкнут его, супостата, там в кольцо и – амба! Погонят безжалостным кнутом обратно к границе.

«Забавный старик, – подумал про себя Краснопеев. – И совсем не глуп, как кажется на первый взгляд. Владеет военной обстановкой не хуже ответственного партийного работника».

– Скажи, папаша, а откуда тебе известны такие подробности? – поинтересовался он.

– Сын сказывал, – ответил дедок. – Он у меня ахфицер, до майора дослужился. На Халхин-Голе отвоевал, потом с финнами дрался на Карельском перешейке. А в ноябре был ранен под Ленинградом, лежал в госпитале, в Вологде. Вчерась я его проводил обратно на фронт. Сейчас вот домой возвращаюсь, в Ерошино своё. Василий-то, сын мой, так и сказал: возьмут, дескать, батя, фашиста в скорости в клещи под Ржевом и Вязьмой, и пойдёт наша армия дальше освобождать порабощённые города.

– Правильно сказал твой сын, – с уверенностью подтвердил Краснопеев. – Ещё немного поднажмут наши войска в этом районе, немец не выдержит напора и дрогнет, побежит в панике назад.

Они оба замолчали, каждый думая о своём, некоторое время смотрели в окно. Потом старик, посмотрел на продолжавшую молчать женщину, заговорил вновь:

– Война с немцем ноне коварнее случилась, чем ранешняя. Фашист проклятый, в разницу от Кайзера, не щадит ни баб, ни малых деток. К нам тут в Ерошино прибились несколько беглянок от войны, так они порассказали, как он зверствует, ирод. Пожили эти бабы под немцем всего-то две недели, а натерпелись страху на весь остаток жизни. У одной из них дочь была, ишо и восемнадцати ей не сполнилось, так эти звери, язвы их в селезёнку, прознали, что она комсомоль-

ским вожаком была, надругались над ней всей звериной стаей, а потом приставили к стене родного дома и расстреляли на глазах у матери. Мать-то, бедняга, в тот же день онемела от горя и молчит до сей поры. Волос белым сделался, как вон снег за окном. Вот ведь какая история приключилась с бабой.

Женщина впервые за весь путь выпрямилась, откинулась на спинку полки, и внимательно, не отрывая глаз, смотрела на старика. В глазах её была неизгладимая боль, с которой, по всей вероятности, она жила уже длительное время. И вдруг женщина заговорила тихим и печальным голосом:

– А я вас узнала, дедушка. Вы ведь Федот Харитонович Воробьёв?

Дедок встрепенулся, подёрнув плечами под тулупчиком, будто собирался сбросить его и показать крылья в подтверждение своей птичьей фамилии.

– Смотри-ка, заговорила наша попутка, – сказал дедок с неподдельной радостью. – Я уж сомневаться стал, способна ли ты на разговор? Думал, без языка, как та беглянка. Откуда знашь меня, девонька? Чьей-то сродственницей приходишься в нашем Ерошино, али как?

Женщина покосилась насторожённым взглядом на Краснопеева, будто опасалась сболтнуть что-нибудь лишнее при милицейском начальнике. Потом безрадостно и глухо произнесла:

– Дочь я Пелагеи Захаровны Пожитиной, с сыном вашим,

Василием, в одной школе учились.

– Постой, постой... – дед Федот принялся гладить правой рукой по бороде, что-то припоминая. – Была у Пелагеи дочка, верно. Варькой звали, кажись.

– Я и есть та самая Варька Пожитина. Только сейчас я Никитина по мужу, – при последнем слове глаза женщины увлажнились, она оторвала от сумочки правую руку, смахнула ладонью накотившуюся слезу. – Правда, где сейчас мой муж – неизвестно. С первых дней войны ни одной весточки. Он ведь на границе с Польшей служил, в Остроленке мы жили. За два дня до начала войны он меня к маме на лето отправил, а сам остался служить. Ему отпуск в июле обещали, должен был тоже приехать погостить. О войне я уже в дороге узнала, хотела вернуться назад, да куда там! Вокруг такой бедлам случился!

Варвара умолкла и вновь уставилась в окно, вспоминая, очевидно, те страшные первые дни войны, которые ей пришлось пережить.

– Вон она, стало быть, какая долюшка тебе выпала, – проговорил старик Воробьев озабоченно. – А далее-то што было?

Женщина будто не услышала вопроса Федота Харитоновича, продолжала неотрывно смотреть в окно. Только спустя полминуты, очнувшись от тягостных воспоминаний, переспросила:

– Дальше что? А дальше добралась я до Ленинграда – там

свекровь моя жила, думала, может, от неё что узнаю о муже. А потом... потом блокада началась. Свекровь умерла от голода, и я, быть может, тоже умерла, едва ходила уже, если бы брат мужа с оказией не вывез меня через Ладогу. Сейчас вот оклемалась немного, еду к матери.

– Ох-ох-хо, – тяжело вздохнул дедок. – Вот ведь чего натворил фашист проклятушший! Ну, а об отце-то ничего не слышать?

Варвара испуганно покосилась на Краснопеева, молчавшего всё это время и перевела предостерегающий взгляд на деда. Ей не хотелось вести разговор о репрессированном отце в присутствии сотрудника НКВД.

– Нет, дедуль, ничего, – ответила она коротко.

– Жаль мужика, хорошим председателем был, – заговорил старик дальше, не уловив во взгляде Варвары предостережения. – Заарестовали в тридцать седьмом ни за что, ни про что, и мыкается сейчас наш Филимоныч по лагерям где-то в гиблых местах. А этот сукин сын, что донос на него написал, сбежал куды-то от гнева людского. Почуял, лисья душа, что мужики могут на вилы его нанизать, ровно охапку сена, и укатил из Ерошина в одну из ночей. Месяца не выдержал, подлец! Хучь так и не признался, что самолично нацарапал этот поклёп.

Варвара опустила голову, боясь взглянуть на Краснопеева. Ей даже показалось вдруг, что, когда тот до конца выслушал историю про её отца, на его лице мелькнула злорадная

усмешка.

– Вот ответ-ка ты мне, товарищ милиционерский начальник, – неожиданно осмелев, обратился неугомонный дед к Краснопееву, хитро сощутив свои блеклые глаза. – Ты, я вижу, большой чин заслужил в органах енкеведэ, стало быть, человек ты правильный и справедливый, в ентной конторе зазря званьев не дают. С горячим сердцем и холодным умом, стало быть, ты, как был сам товарищ Дзержинский, царство ему небесное, – дед вцепился немигающим взглядом в лицо Краснопеева. – Смог бы ты, к примеру, упрятать за решётку человека, не разобравшись до конца: виновен он, аль не виновен? Смог бы взять грех на душу и сделать из председателя колхоза бесправного каторжанина, а? Знаю наперёд: не смог бы. Духу бы в тебе не хватило отправлять в тюрьму невинного человека по оговору одной паршивой овцы! Не спросил бы разве мненья всех колхозников, а? На собрании, к примеру? Мы ведь председателя избирали всем миром, мы бы всем миром с него и спросили, прежде чем заарестовывать. И в тюрьму бы сами отправили, кабы вызнали, что виновен он. Вот так бы ты поступил, верно?

– Верно, дед, верно, – поддакнул Краснопеев, уже начиная злиться на себя за то, что поддался соблазну побеседовать с забавным стариком. – Непростительно сажать за решётку невинных граждан, это правда. В любом деле надо искать истину в совершённом преступлении, разбираться без предвзятости.

Довольный ответом, Федот Воробьёв повернулся к Варваре:

– Вишь? А я что говорил? Разобрались бы мы с твоим отцом, коли дело вели бы люди без этой... как её... взятости, был бы он до сей поры председателем в Ерошино. Хотя, вряд ли. На войну бы упросился у партийного начальства. Он всегда шёл туды, где по грудь, а не по щиколотку, по отмели не шагал, да!

Дедок, казалось, выговорился и замолчал. Молчала и Варвара. Она думала об отце. В её памяти отец остался весёлым и неунывающим. Последний раз она видела его за два года до ареста, когда они с мужем приезжали в Ерошино погостить. Сейчас она попыталась представить на миг, как такой же вот человек в милицейской форме, как рядом сидящий попутчик, в тридцать седьмом году уводил под конвоем её отца. Варвара непроизвольно поёжилась, будто её температурило.

Потом её мысли перебежали к фамильным драгоценностям, которые она вывезла из блокадного Ленинграда, и которые хранились сейчас у неё на дне сумочки. Она и подседала-то поближе к этому не улыбчивому сотруднику НКВД с единственной целью, чтобы обезопасить себя от случайных вагонных воришек. Если бы не дорогие серёжки свекрови, да кулон, которые та достала из шкатулки перед смертью и передала ей, Варвара никогда бы не отваживалась сесть на одну лавку с милиционером. Она побаивалась человека в милицейской форме.

– Позвольте любопытствовать о вашем чине-звании, – напомнил о себе после длительной паузы дед Федот.

– Для чего тебе это знать? – недовольным голосом спросил Краснопеев, пристально вглядываясь в лицо старика.

– Уж шибко любопытно мне, каким войском командовал бы ты, случись быть на фронте? Полк бы повёл в бой с немцем, аль только роту?

Услышав провокационный вопрос, как ему показалось, Краснопеев не сразу нашёлся, что ответить. Подобная мысль ему и самому не одиножды приходила в голову. Но каждый раз он отгонял её прочь, скорчив лицо, как от зубной боли. Афанасий Демьянович страшился представить себя на передовой. Конечно, никто бы не доверил ему командовать даже взводом, ведь у него не было специального военного образования. В ЧК он пришёл по партийной рекомендации, и только потом получил образование. Кем он мог стать на фронте в звании старшего офицера НКВД, трудно было представить. Особистов там и без него хватало.

– Не задумывался я как-то об этом, – нашёлся, что ответить Краснопеев. – Служу по принципу: какой пост партия мне доверит, на том и буду нести службу. Добросовестно и с полной отдачей сил.

– А вот, коли бы добровольцем вдруг стался? – не унимался дедок.

– По доброй воле отправиться на фронт я не могу, поскольку меня не отпускает начальство, – соврал Афанасий

Демьянович, чтобы отвязаться от чрезмерно любопытного старика, и отвёл взгляд в сторону. – Говорят, пока я нужнее на другом рубеже.

– Ну-да, ну-да, нужнее, а как же? – закивал головой старик Воробьёв, пряча в куцей бородке ехидную усмешку. – Вы, случаем, не до Коноши едете?

– Ты, дед, не шпион ли? – прошипел Краснопеев, чувствуя, как где-то внутри накатывает волна негодования к этому беспардонному старикашке. – Высажу вот тебя на ближайшей станции, да сдам куда следует. Мигом пропадёт нездоровое любопытство.

– Как это я сразу не догадался, кто ты есть? – не страшась угрозы, усмехнулся Федот Воробьёв. – Тут ведь железную дорогу от Вельска до Котласа заключённые тянут, так ты, стало быть, на этот передовой рубеж трудового фронта, так сказать, и направлен. Знамо дело, что немец – враг, и бить его надобно беспощадно. Но и в схватке с врагами советской власти требуется геройства не меньше. А как же? Чего уж тут не понять? – Дедок встал, затянул потуже на поясе свой драный тулупчик, прихлопнул рукой съехавшую на бок шапку и, не попрощавшись, будто запомнил, засеменял в тамбур.

До Коноши оставалось ещё полчаса езды.

Варвара, низко опустив голову, с ужасом слушала слова односельчанина, понимая их истинный смысл, и не знала, как ей поступить. Вначале она хотела последовать за стари-

ком и доехать с ним в тамбуре до своей станции, но в последний момент, вспомнив о драгоценностях в сумочке, передумала. Она должна была, во что бы то ни стало, сохранить их для мужа в память о его матери. В то, что он погиб, Варвара не верила.

Краснопеев прислонился к стене и прикрыл глаза.

«Надо же, какой наглец! – с неприязнью подумал он о старике. – С виду пентюх неотёсанный, даже заискивал передо мной, паршивец, распинаясь в похвалах. А что в итоге? Оскорбил сотрудника НКВД! И как!? Тонко и изощрённо, со скрытым смыслом, на рожон не лезет, хитрец, не подкопаешься! – от досады на щеках Краснопеева заходили желваки. – Может быть, он и не крестьянин вовсе? – мелькнула совсем уж шальная мысль. – Почему и нет? Мало ли ещё скрывается от правосудия бывших белобандитов? Расползлись, сволочи, по всей стране, залезли в самую глухомань и мутят народ в простом обличье, пакостят, как могут, советской власти! И крестьянскому говорку выучились для конспирации, и в одежку дряхлую вырядились! Всё предусмотрели, выродки, всё просчитали! Если даже офицер НКВД повёлся на такую удочку, тогда что говорить о простых гражданах? Слушают, подлецов, раскрыв рот! Обычный оборотень, этот дедок, как пить дать, типичный враг народа. Попадись он мне при исполнении с таким заявлением, которое только что выдал, немедленно бы отправил в КПЗ, а потом отдал бы на перевоспитание в лагеря лет на десять. Эх, Афанасий

Демьянович, так и не научился ты распознавать в лицо, кто враг, а кто...»

Краснопеев споткнулся на мысли, не находя подходящего определения для человека, который не является врагом советской власти.

«Если не враг, то кто тогда?» – удивился он своему замешательству. Удивился и ужаснулся. На протяжении многих лет, оказывается, он имел дело исключительно с врагами народа. Допрашивал их, дотошно ковырялся в биографиях, искал мотивы нарушения советских законов между строк, пытался даже мыслить, как они. А когда человек не признавал своей вины – давил на него, избивал от ненависти и собственного бессилия. И ни разу за эти ушедшие годы не задумывался, что кроме врагов народа есть ведь и другая категория людей. Тех, кто предан советской власти, кто готов ценой своей жизни защищать интересы революции. Но таких – единицы, даже среди большевиков с дореволюционным стажем оказались предатели, перешли в стан врагов народа. Тогда кто же эта большая серая масса беспартийных крестьян и рабочих? Как их мне называть?

Краснопеев приоткрыл глаза, с тревогой покосился на Варвару, словно та могла догадаться о его смутных мыслях.

«Вот, к примеру, кто эта женщина? Враг или...кто? Она явно беспартийная, зато её муж – офицер, коммунист, сражался с японцами, финнами, встретил немцев на границе, наверно, даже, и погиб геройски. Сама она бежала от окку-

пантов, хотя из-за обиды за осужденного отца вполне могла остаться на захваченной территории и перейти на сторону врага. Потом пережила блокаду Ленинграда. А вот её отец – враг народа, по всей вероятности, осужден за порчу народного имущества или ещё что-нибудь в этом роде. В тридцать седьмом году я, не раздумывая, причислил бы и её к врагам народа. Тогда все близкие родственники осужденного по ст. 58-10 автоматически становились врагами советской власти. А сейчас? Что изменилось сейчас? Почему у меня меняется мнение о таких, как эта женщина? Что это? Стало притупляться чутьё чекиста? Или здесь что-то совсем другое? Что со мной происходит? Стал иногда сомневаться в справедливости собственных решений?» – Краснопеев зябко поёжился от странных ощущений, неожиданно появившихся где-то глубоко внутри. Будто наждачная бумага прошла по его внутренностям.

Он ещё раз взглянул на Варвару и вновь закрыл глаза. В памяти поплыли лица тех, кому он предъявлял обвинения в контрреволюционных террористических намерениях. Краснопеев помнил этих людей, помнил детали их дел, манеру держаться на допросах, мольбу и заискивания слабых духом, и дерзновенное, вызывающее поведение тех, кто отрицал предъявленные обвинения и пытался бороться за восстановление справедливости.

Перед глазами всплыло лицо одного из осужденных, он вспомнил свою последнюю встречу с ним перед отправкой

в Тройковый суд. Тогда, стоя в кабинете с отведёнными за спину руками в ожидании конвойного, тот сказал напоследок:

– У нас разные пути-дороги, гражданин начальник. Я верю в существование Бога, а ты потворствуешь воле Дьявола. Мне ясен источник чистоты и справедливости на этом свете, а в твоей голове сплошная тьма и путаница. Во мраке ты живешь, гражданин начальник, шагаешь по жизни, как слепой без поводыря.

«Слепой без поводыря... – усмехнулся про себя Афанасий Демьянович, не открывая глаз. – Вот с кем я бы встретился ещё раз. Хоть он и враг, но собеседник интереснейший. Жив ли ты, хохол твердолобый, или уже давно на небесах со своими убеждениями?»

Из воспоминаний его вывел простуженный голос проводницы:

– Подъезжаем к станции, Коноша! Кому здесь выходить – готовимся заранее!

Варвара вздрогнула, затем вскочила с места и, держа перед собой обеими руками сумочку, заторопилась в тамбур.

«Придурковатая какая-то», – вяло подумал о ней Краснопеев и уже через минуту забыл о её существовании.

Дождавшись полной остановки поезда, он встал и неторопливо направился к выходу.

В конце перрона стояла машина. Из кабины вышел мужчина в белом овчинном полушубке с портупеей на ремне.

Ему предстояло сопроводить Краснопеева до города Вельск, где располагалось Северо-Двинское Управление лагерями.

Смерть политзаключённого

В угрюмой северной тайге день разгорался нехотя, будто не желал принимать бразды правления у безмолвной ночи. Плотный мрак, поглотивший с вечера лагерные бараки, таял неторопливо, растворяясь в бледных красках неба. Едва горизонт обозначился бледно-розовой полоской света, как в лагере тут же всё пришло в движение, будто его обитатели с нетерпением ждали этой долгожданной минуты.

Вспыхнул свет, захлопали двери, слышались отрывистые крики конвойных, выгоняющих измученных людей на построение. Заключённые, едва передвигая ноги, выходили из душных барачных помещений и, пошатываясь от слабости, понуро плелись к месту сбора. Конвойные матерно ругались, подгоняя прикладами отстающих, распяляли сторожевых собак, те злобно рычали и с яростным лаем рвались с поводка. Хорошо натренированные псы были готовы в любой момент рвать на куски безвольную людскую массу.

– Подымайся, сволочь! – гаркнул мордастый молодой конвойный с рыжими тараканьими усами, направляя ствол винтовки в лицо лежащего на снегу заключённого. – Подымайся, говорю, ну!? Иначе пристрелю, морда бандитская!

– А ты пристрели, дружок, сделай милость, – слабым голосом проговорил заключённый, переворачиваясь на спину. – Я буду тебе благодарен за эту услугу.

– Вставай, симулянт, не доводи до греха, – проговорил конвойный, сбавив на полтона свой простуженный голос. По всей вероятности, его ошарашила просьба истощённого зека, и он был в замешательстве, тупо соображая, как ему следует поступить, если вдруг пожилой узник действительно не пожелает подняться и не станет догонять своих собратьев.

Сопровождение заключённых под конвоем от барака до места построения было введено сравнительно недавно. До этого их конвоировали только за пределами зоны, при шествии на трассу. Порядок охраны изменил новый начальник лагеря. При вступлении в должность ему доложили, что заключённые, ослабев от скудного пайка и изнурительной десятичасовой работы стали избегать построения и прятались в любых потаённых местах, лишь бы уклониться от непосильного труда на трассе. Страшась свалиться прямо в траншею и уже не подняться самостоятельно, они всячески стремились сделать хотя бы небольшую передышку. Кто-то ещё до подъёма залазил на чердак барака, кто-то заползал в дальние углы под нары, а кто-то попросту зарывался в снег, пережидая в сугробе утреннюю суету.

Переключку не проводили уже несколько месяцев, с тех пор, когда началась массовая дистрофия. Каждое утро с нар собирали по несколько остывших за ночь тел. Вводя обязательное конвоирование заключённых на утреннее построение, начальник лагеря вовсе не опасался, что кто-то из зеков способен совершить побег. Такого произойти не могло,

поскольку периметр зоны охранялся достаточно надёжно, да и бежать зимой было бессмысленно: истощённый заключённый мог бы пройти по заснеженной тайге не более пяти километров. Затем его ожидала неминуемая смерть. Сопровождение под присмотром вооружённой охраны делалось для устрашения и укрепления трудовой дисциплины.

Вновь прибывший начальник лагеря был убеждён, что на свете не существует человека, который бы не боялся смерти. Главное, рассуждал он, найти тот единственный метод для выработки страха, тот жестокий и безупречный стимулятор, который бы раз и навсегда исключил возможность уклонения от выхода на трассу.

Здоровых людей в лагере с каждым днём становилось всё меньше и меньше, а возложенный на него объём работ надо было выполнять любой ценой. Смертность среди заключённых из-за голода и физического истощения никого не интересовала. С этим фактом особо не церемонились и относили людские потери к неизбежным издержкам производства.

Строительство железной дороги Коноша-Котлас стояло на жёстком контроле в Главном Управлении Лагерями.

Трудоспособных единиц здесь было чуть больше восьмидесяти процентов от общего числа заключённых, и этот процент неумолимо таял. Каждый пятый заключённый становился немощным и оставался в бараке. Дистрофиков не отвозили в лагерный лазарет, который находился в полусотне километров. Небольшое ветхое помещение не могло вме-

стить всех обессиленных людей. Полутрупы оставляли лежать в лагерном бараке на нарах. Люди, завернувшись в грязные лохмотья, безропотно ждали своей кончины.

Новый начальник лагеря решил лично убедиться в достоверности предоставленной ему информации, и уже на следующий день после отъезда своего предшественника устроил облаву.

Утром по его команде конвойные ворвались в бараки. Громко матерясь и угрожая оружием, они вытолкали на улицу всех, кто мог ещё держаться на ногах и погнали на построение колонны.

Двое солдат задержались в бараке. Присев на одно колено, они сделали около десятка выстрелов в тёмное пространство под нарами в разных направлениях и ушли. Вернувшись вечером с трассы люди выволокли оттуда несколько трупов. Желаящих спрятаться по утрам под нары больше не было.

– Вставай, Кузьма Дмитриевич, – усталым голосом проговорил худой зек со впалыми щеками и серым безжизненным лицом, наклонившись к тому, что лежал на снегу. Он шагал на метр впереди и обернулся на окрик конвойного, тут же вернулся, не обращая внимания на залиvistый лай разъярённого пса. – Не следует принимать милостыню из рук иродов. Тот, кто даровал тебе жизнь, сам определит твой последний час. Давай руку, поднимайся.

Упавший заключённый что-то невнятно пробормотал, тя-

жело перевернулся на бок, потом медленно встал на четвереньки и, ухватившись обеими руками за локоть товарища, с трудом поднялся на ноги.

Мордастый конвоир молча наблюдал, как обессиленный заключённый, пошатываясь, встаёт на ноги. При этом его тараканьи усы непрерывно шевелились, поднимаясь вверх, будто их хозяин принимался к чему-то, и замерли лишь тогда, когда оба зека сделали первый шаг вперёд.

– Догоняйте! – рыкнул он и хотел было ткнуть прикладом в спины обоим, но не стал этого делать, опасаясь, что поднявшийся зек может упасть от тычка вновь и тогда уже точно не встанет даже при помощи товарища. Он буркнул требовательно:

– Да побыстрее!

Заключённые невольно ускорили шаг.

– Соберись с духом, Кузьма Дмитриевич, – тихо произнёс Марк Мироненко, наклонившись к уху Житникова. – Тебе надо дойти до трассы, а там я тебя уложу у костра, ветками укрою до вечера от посторонних глаз, отлежишься немного, сил наберёшься на обратный путь.

– Не поможет мне уже ничего, Марк Сидорович. Чувствую, ушли мои силы, ушли бесповоротно.

– А ты не опускай руки преждевременно, борись до конца за свою жизнь и, главное, верь: Господь поможет тебе в этом, – поучительно сказал Мироненко.

– Господь мне не поможет, – через силу усмехнулся Жит-

ников. – Я ведь коммунист, антихрист, по-вашему. Прокажённый большевистской заразой. Бог отвернулся от меня ещё в семнадцатом году.

– Господь никогда не отворачивается от людей, даже если они совершили большой грех. Он всеблагий и премилостивый. Он любит нас всех и в высшей степени, как никто из людей.

– Неужели ты и вправду думаешь, Марк Сидорович, что я отрекись от коммунистических идеалов и ткнусь своей седой головой в религиозную паутину? – удивился Житников.

– Поверить в неограниченную силу и возможности Господа, полюбить его всей душой можно в любом возрасте, даже за мгновение до смерти, – назидательно проговорил Мироненко.

Житников хотел было возразить Марку, поспорить с ним, как это бывало у них не раз, но в это время последовал очередной окрик конвойного:

– Живее, сволочи! Не отставать! Прекратите трепаться! Колонна, вон, уже построена, скоро будет дана команда на выдвижение, а вы всё ещё тащитесь, как черепахи! Бегом! Ну!

Конвойный угрожающе повёл стволом винтовки в их сторону. Мироненко и Житников, напрягаясь из последних сил, как могли, засеменяли к колонне.

До трассы Житников, опираясь на плечо Марка Мироненко, всё же доковылял. Когда колонна заключённых, разобрав

инструмент, разбрелась по траншее, конвойные сошлись у костра, чтобы погреться и почесать языками. С этого момента они считали свою задачу выполненной, контроль за работой узников уже возлагался на бригадиров из числа заключённых.

Марк Мироненко, как и обещал, уложил друга на кучу плотно уложенного лапника, развёл рядом костёр. Бригадир, старый черкес с орлиным носом и сивой бородой во всё лицо, проходя мимо, остановился, гневно сверкнул на Марка чёрными глазами, гортанно проговорил:

– Его норма ты будэш делать, да?

– Буду, буду, не беспокойся, Абрек, – успокоил горца Марк.

Кавказец насмешливо скривил губы, пробежался взглядом по тощей фигуре Мироненко, добавил с упрёком:

– Он всё равно умрёт, а ты можешь ещё недолго жить. О сэбе надо думать.

– Не знаю, чему учит вас Коран, а в нашей Библии сказано, что каждый христианин обязан заботиться о ближнем, если тот нуждается в помощи.

– Тьфу! – сплюнул Абрек презрительно и двинулся дальше.

Марк знал, что за укрывательство от работы ему грозит ШИЗО, где не полагается даже той скудной пайки горячего супа и пшённой каши, которую заключённые получали на трассе. Провинившийся узник помещался в кро-

хотное неотапливаемое помещение штрафного изолятора на несколько суток и мог иметь все шансы быть вынесенным оттуда по истечении срока сразу на лагерный погост.

Не взирая ни на что, в обед он отдал свой паёк обессиленному Житникову.

– Ты что, Марк Сидорович, в своём уме? Убери! – запротестовал Житников, увидев поставленную перед собой миску товарища. – Не буду я объедать тебя, мне в горло не полезет твоя каша!

– Сам погибай, а товарища выручай, – печально произнёс Мироненко. – Слышал такую заповедь?

– Ты же не воевал за красных, откуда тебе известно такое наставление? – вяло усмехнулся Житников. – Так ведь только красноармейцам вдалбливали в головы отцы-командиры.

– Коммунисты много чего позаимствовали из Библии, поверь мне на слово, Святое Писание я знаю почти наизусть. К тому же делаю это я вовсе не безвозмездно.

– И чего ты потребуешь взамен? – поинтересовался Житников.

– Сегодня я спасаю тебя от неминуемой гибели, а завтра ты меня. Иначе в таких условиях в одиночку нам не выжить.

Кузьма Дмитриевич внимательно посмотрел в лицо Марка, будто убеждаясь в отсутствии подвоха и принялся хлебать баланду.

Так повторялось на протяжении недели. Житников немного окреп, передвигался без посторонней помощи и

вскоре взял в руки кирку. Всё это время он по распоряжению Марка ошипывал пихтовые ветки, складывал иголки в ведро. Потом добавлял туда снег, ставил на огонь, долго кипятил. Получался отвар. Горькое варево пили перед приёмом пищи все желающие.

И, всё-таки, какой-то злопыхатель не удержался, доложил об укрывательстве лагерному начальству. Марк Мироненко попал в ШИЗО.

Недоедание и лютый холод штрафного изолятора моментально надломили здоровье Марка Мироненко. Уже через несколько дней, обессиленный, он, взмахнув киркой в начале рабочего дня, рухнул вместе с ней в траншею на мёрзлую землю и не смог подняться самостоятельно.

Житников сделал несколько безуспешных попыток поставить друга на ноги, но Марк всем телом висел у него на плече. Ноги политического узника подкашивались и уже не слушались.

Подошёл бригадир-черкес. Бросив на лежащего Марка ястребиный взгляд, с гортанными звуками в голосе, злорадно протянул:

– Э-э, дарагой, надо было не Бога слушать, а мэна. Зачем спасал друга, а? Зачем морил сабэ голодом? Тэперь табе никто не поможет, будэшь сдыхать, да!

К концу дня немощных, свалившихся в траншею от истощения, как Марк Мироненко, набралось пять человек. Их погрузили на сани, как дрова, и лошадь, фыркнув недоволь-

но, потащила безжизненные тела в лагерь.

Уже перед воротами зоны дровни остановил начальник лагеря. Он был верхом на лошади, направлялся в сторону трассы, чтобы лично оценить ход строительства железной дороги. Так он поступал два раза в неделю, не доверяя докладам подчинённых.

– Куда путь держишь? – спросил он ездового строгим голосом.

Солдат срочной службы с белесыми бровями и множеством веснушек на лице натянул вожжи, остановил кобылу.

– Так это... доходяг мне загрузили, в барак везу, товарищ начальник лагеря. Грят, отошшали шибко, бахнулись в траншее прямо с кайлом в руках ишо утром, а подняться ужо не смогли. Так и лежали на снегу, пока я кобылу не подогнал. Мертвяки, одним словом.

– Ты уверен, что среди них нет симулянтов? – с раздражением спросил начальник и подумал: «Мрут, как мухи, чёрт подери! При таких делах и план завалить можно. Товарищ Берия строго спросит с руководства СевДвинЛага, а оно на мне отыграется. Завтра же надо будет поинтересоваться о новом пополнении».

– Кто их знает, товарищ начальник лагеря, – с неуверенностью ответил ездовой. – Волоком к саням ташшили, идтить самим у них силов не осталось.

– Может, прикидываются, чтоб отлежаться в бараке? – попытал Кожевников ездового, бурвя рязанское лицо острым

взглядом.

– Дык, по требованию Абрека загружали, с него и спросчинить, ежели што...

– А ну, дай посмотрю, что за фрукты везёшь? – Кожевников спрыгнул с коня, передал поводья солдату, подошёл вплотную к саням.

Заключённые лежали на спине, устремив неподвижный взор в небо. Один из них с трудом повернул голову в его сторону, и вымученно, но, как показалось Кожевникову, с ноткой нескрываемой радости, вдруг произнёс:

– Вот уж не ожидал, гражданин начальник, что Всевышний ниспошлёт мне ещё одну встречу с тобой.

Голос заключённого угас, он умолк и тяжело задышал, будто выполнил тяжёлую работу, после которой требовалась срочная передышка. И хотя этот голос был слабым и хриплым, Кожевников безошибочно определил, кому он принадлежит. Брови начальника лагеря от удивления взлетели вверх, кожа на скулах натянулась до предела.

– По глазам вижу: узнал, – глухо проговорил заключённый с каким-то внутренним воодушевлением. – Значит, запал я тебе в душу со своими проповедями, значит, терзается она сомнениями.

Глядя на безжизненное тело в санях, Кожевников не сразу нашёлся, что ответить. Он стоял и молчал с полминуты под этим ожившим вдруг дерзким взглядом, выражающим независимость и превосходство над ним даже сейчас, находясь

одной ногой в могиле. Наконец, произнёс задумчиво:

– Да-а, не зря говорят: гора с горой не сходится, а человек с человеком даже у чёрта на куличках способен столкнуться нос к носу. Вот и мы с тобой, Марк Сидорович, свиделись в очередной раз.

– Можешь возрадоваться, Афанасий Никифорович, – усмехнулся Мироненко. – Это последняя наша встреча. Ты добился своей цели.

– Какой цели?

– Неужели запамятовал?

– Да разве упомнишь всего? – небрежно ответил Кожевников, пытаюсь припомнить все свои слова, обронённые им на допросе Мироненко в тридцать седьмом году, однако они не всплыли в его памяти.

– Ты обещал сгноить меня в лагерях, ещё во время раскулачивания, – насмешливо проговорил Марк, – через десять с половиной лет это у тебя получилось.

– Что-то не припомню я таких слов, – морщась, как от зубной боли, пробурчал Кожевников, отрешиваясь от обвинения. Потом, будто оправдываясь, добавил:

– Ты сам себя наказал, Марк Мироненко. Всё могло сложиться иначе, если бы...

– Если бы что?

– Если бы ты не противился завоеваниям революции, – как-то неуверенно закончил свою мысль Кожевников.

– Революция принесла жестокость и насилие, разве мог я

принять такие завоевания? – Марк нашёл в себе силы и приподнял голову. – Я был бы рад принять любые преобразования большевиков, в которых свобода, равенство и справедливость стояли бы у власти на первом месте.

Ездовой стоял поодаль, удерживая за поводья нервного коня, и с удивлением слушал разговор доходяги с начальником лагеря. Он никак не мог понять, почему всемогущий «кум» уделяет столько внимания одному из доходяг.

«Неужели родственником приходится начальнику лагеря? – подумал солдат. – Или знакомого случайно встретил?»

Его чрезмерное любопытство не ускользнуло от опытного глаза Кожевникова. Он тут же прикрикнул на него:

– Не видишь, что ли, конь разволновался?! Отведи подалее от кобылы! Вон к тому дереву!

Ездовой с недоумением посмотрел сначала на коня, потом на мирно стоящую кобылу. Не посмев ослушаться начальника лагеря, потянул за уздцы хозяйского жеребца в сторону, отвёл к дереву метрах в двадцати.

– Скажи, Марк Сидорович, ты по-прежнему веришь в существование Бога? – понизив голос, спросил Кожевников, будто стыдясь ездового за свой крамольный вопрос.

– Моя душа туманом не окуталась, чтобы отречься от Господа. Вера в него здесь только укрепилась.

– Тогда чего же он не уберёт тебя от гибели? – ухмыльнулся Кожевников. – Не дошли молитвы до него? Будь я на твоём месте – давно бы уже выматерил этого бога-призрака

и забыл о нём навсегда. Зачем поклоняться ему, если он не помог тебе ни разу в жизни?

– Господь воспитывает душу человека, не ограждая его от зла. Я благодарен ему за избавление от дальнейших мучений, но тебе этого не понять, Афанасий Никифорович.

– Это почему же мне не понять?

– Потому что ты находишься на другом уровне бытия. Цель твоей жизни – злоба и коварство. Ты ведь, по сути своей, и не человек вовсе.

– Хм-м, а кто же я по-твоему? – нервно рассмеялся Кожевников.

– Отрыжка дьявола. Ты весь покрылся слоем грехов, как старое корыто ржавчиной. Соскребай, не соскребай этот вредоносный слой – первозданного вида не достигь. Его остаётся только сдать в утиль, чтобы извлечь хоть какую-то пользу. И твою душу уже не спасти – слишком поздно, испоганена она ненавистью к инакомыслящим.

– Вот даже как! – в глазах начальника лагеря на секунду вспыхнула ярость, но тут же угасла. Если бы он услышал эти слова от человека полного сил и энергии, он не смог бы сдержать себя, избил бы его в кровь, придя в исступление от дерзкого высказывания. Сейчас же Кожевников поймал себя на мысли, что не способен ударить это беспомощное тело. Не было той злости и ненависти, которую он испытывал ко всякому, кто посмел его оскорбить. Напротив, появилось странное и неожиданное желание выслушать Мироненко до

конца, не взирая на нелестные эпитеты в свой адрес.

– Ну-ну, продолжай, очень уж любопытно услышать последние слова библейского мудреца перед своей кончиной, – проговорил он со злой усмешкой. – У тебя, наверно, много слов припасено за щекой для меня. Что ж, выплюнь их, коли случай представился, облегчи душу.

– Мне больше нечего тебе сказать, Афанасий Никифорович, – вяло произнёс Мироненко. – Да и к чему ворошить прошлое? Но вот один вопрос я бы, всё-таки, задал тебе напоследок.

– Валяй, слушаю.

– За какие грехи ты угодил сюда? Опять палку перегнул на службе? Чрезмерное рвение проявил? Или на этот раз от фронта сбежал?

– Отправки на фронт я не боюсь, и трусом себя не считаю! – негодуя, отрезал Кожевников. – Понадобится Родине – и рядовым на передовую пойду!

– А сейчас, надо полагать, такой необходимости ещё не настало? – подковырнул Мироненко. – Контролировать ка-торжный труд врагов народа пока намного важнее, чем бить фашистов, верно?

– Ты, Марк Сидорович, не брызгай на меня ядовитой желчью, не пытайся усовестить. Напрасно стараешься. Я свой долг перед Родиной исполняю так, как требует того обстановка. Приказано мне построить железную дорогу – построю, чего бы это не стоило. Война закончится не сегодня,

успею и дорогу построить, и фашистов поколотить. Моя совесть чиста перед партией.

– Перед партией-то чиста. А перед теми невинными жертвами, которые прошли через твоё страшное сито и уже умерли, так и не дождавшись восстановления справедливости? Или перед теми, кому предстоит умереть уже в ближайшее время? Сможешь ты оправдаться перед их родными и близкими? Здесь твоя совесть тоже чиста? А у самой партии совесть не помутилась за двадцать лет тирании невинных людей?

У Кожевникова перекошилось лицо от ярости, ноздри раздулись, на скулах заходили желваки, но он опять сдержал себя. Не сразу собрался с духом, что сказать в ответ.

Потоптавшись нелепо у саней, крепко сжимая в руках плётку, Кожевников решил прекратить дискуссию, ушедшую в сторону от намеченного русла.

– Вот что, Марк Сидорович, – с раздражением проговорил, наконец, Кожевников. – Ты не поп, а я не грешник, чтобы исповедоваться перед тобой. В одном ты прав: мы никогда не поймём друг друга. Прощай.

– Прощай, Афанасий Никифорович, – из последних сил тихо произнёс Мироненко, тяжело задышав. – И помни: совесть – не двухсторонняя штука, у неё не может быть чистой и грязной стороны. Совесть не проявляется частями. Она у человека либо есть, либо отсутствует вообще.

Голова Марка в бессилии опустилась на дно саней, глаза

медленно закрылись.

Словно кипятком облили Кожевникова эти последние слова умирающего Мироненко. Он вдруг почувствовал в себе какой-то нездоровый озноб, как при простудном заболевании.

«Чего ради пустился я в рассуждения с ним? – со злостью подумал он, шагая к ездovому. – Будто чёрт меня попутал остановиться у саней! И вот, нарвался в очередной раз на комплименты, твою мать! Помнится, кто-то из заключённых сказал однажды: разговор может длиться всего минуту, а переваривать его потом придётся годами. Это кулацкое отродье заруют через неделю в мерзлую землю за зоной, а я буду вспоминать о нём очень долго. Да и забуду ли вообще, чёрт бы его подрал! Отрыжка дьявола! Покрылся слоем грехов, как старое корыто ржавчиной! Надо же такое сказать!»

Ездovый, увидев, что начальник лагеря направился к нему, быстро потянул жеребца за уздцы, двинулся навстречу. Взяв от солдата поводья, Кожевников вскочил в седло, резко рванул на себя уздечку. Удила врезались в лошадиные губы, жеребец от боли заржал и встал на дыбы. Кожевников хлестанул его плёткой по крупу и на развороте гневно прокричал:

– Увози этих сволочей отсюда, пусть подышают в бараке! И никакого им пайка больше не давать! Понял?!

– Понял, товарищ начальник лагеря... – растерянно про-
бормотал ездovый, но Кожевников уже не услышал его голо-

са. Взбудораженный конь с места помчался галопом и за считанные секунды унёс всадника далеко от печальных саней.

...Марк Сидорович Мироненко скончался от пеллагры на нарах барака для дистрофиков через неделю. Случилось это ранним утром 6 марта 1942 года, когда выползающее из-за горизонта багряное солнце принялось румянить утренней позолотой заснеженные поляны и стволы деревьев вдоль трассы будущей железнодорожной ветки Коноша – Котлас...